

18К

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ЗАКОННОСТИ

3

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

ВЫПУСК

3

Республиканский
межведомственный
научный сборник

Основан в 1976 г.

код экземпляра

302515

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения «Вища школа»

1978

Проблемы социалистической законности. Респ. межведомственный науч. сб. Вып. 3. Харьков, издательское объединение «Вища школа», 1978. 137 с. Список лит. в конце статей.

В сборнике освещены вопросы повышения роли юридической науки в укреплении социалистической законности и хозяйственной дисциплины. Исследуются проблемы административно-хозяйственного, уголовного, гражданского и других отраслей права.

Сборник рассчитан на научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: В. Я. Тацый (отв. ред.), М. И. Бару (зам. ред.), Ю. М. Грошевой (отв. секр.), М. И. Бажанов, Л. Я. Носко, А. А. Пушкин, И. Е. Середя, Н. Н. Страхов, В. В. Штерн.

Адрес редакционной коллегии:
310024, Харьков-24, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 40-41-01.

Редакция гуманитарной литературы.

П $\frac{11002-530}{M 226(04)-78}$ 358-78

© Издательское объединение «Вища школа», 1978.

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Содержание новой Конституции СССР, творцом которой является весь советский народ, служит наглядной иллюстрацией усилению внимания КПСС и Советского государства к проблемам законности и права [см.: 6, с. 6].

К числу проблем, требующих первоочередной научной разработки в свете новой Конституции СССР, относится вопрос о конституционных основах социалистической законности, являющейся важнейшим структурным элементом правовой основы государственной и общественной жизни.

Одной из особенностей новой Конституции является то, что значительное число ее норм посвящено регулированию такой важной стороны государственного руководства обществом, как социалистическое правотворчество. Усиление его эффективности неотделимо от принятия действенных мер по дальнейшему укреплению начал законности в самой правотворческой деятельности Советского государства. В. И. Ленин, определяя пути достижения наибольшей эффективности правового регулирования, видел их в системе требований, предъявляемых как к реализации норм права, так и к социалистическому правотворчеству [см.: 1, с. 129; 2, с. 143; 3, с. 166; 4, с. 191].

Важность проблемы социалистической законности обуславливает большой интерес к ней в советской юридической литературе. Однако, если о законности, понимаемой как осуществление требования точного, неуклонного и единообразного соблюдения, исполнения и применения норм социалистического права, имеется обширная литература, то с законностью в правотворчестве дело обстоит значительно сложнее. До сих пор отсутствуют научные исследования, посвященные этой проблеме. Правда, необходимо констатировать, что все более широкое признание получает тенденция к распространению требований законности и на область

правотворчества [см.: 15, с. 25; 13, с. 27; 9, с. 349; 18, с. 36]. Важность данной стороны законности признают и те авторы, которые трактуют законность только как строгое и неуклонное соблюдение законов и подзаконных правовых актов [см.: 11, с. 9—13; 17, с. 39—43; 19, с. 11—12, 16]. Однако часть авторов все еще отрицает наличие законности в области правотворчества [см.: 14, с. 186].

В обоснование этой позиции М. П. Лебедев, например, ссылается на то, что сторонники законности в правотворчестве допускают смешение законности и эффективности [см.: 12, с. 258]. Однако законность нельзя, как это делает он, противопоставлять эффективности. И первая, и вторая, являясь различными явлениями, в то же время теснейшим образом между собой связаны. Эффективность при этом выступает важнейшим критерием законности, а последняя — гарантией эффективности. Подобно тому, как точное, неуклонное и единообразное соблюдение, исполнение и применение норм социалистического права (т. е. система общепризнанных требований в социалистической законности) обеспечивает эффективность правореализационной деятельности, система требований законности, относящихся к правотворчеству, обеспечивает эффективность этого последнего. В то же время в незыблемости законности состоит одна из важнейших гарантий эффективности политической системы, стабильности правового положения граждан [см.: 18, с. 37].

Соблюдение законности выступает как важнейшее средство обеспечения эффективности как правотворческой, так и правореализационной деятельности, в результате чего достигается оптимальный вариант служения механизма правового регулирования потребностям коммунистического строительства.

В новой Конституции СССР вопросы правового регулирования социалистической законности занимают значительное место. В соответствии с решениями XXV съезда КПСС [см.: 5, с. 86] Конституция впервые закрепила в ст. 4 социалистическую законность в качестве общего принципа социалистического строя. Отдельные требования законности как общего принципа социализма в свою очередь получили конституционное закрепление в других статьях (см.: ст. 4, 39, 59, 65). При этом легко заметить, что, устанавливая для государственных и общественных организаций, должностных лиц и граждан обязанность соблюдения советских законов, Конституция возлагает при этом главную нагрузку по выполнению задач обеспечения правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан на Советское государство, его органы и должностные лица.

Чрезвычайно важное значение с точки зрения укрепления конституционных начал социалистической законности имеет закрепление нашим Основным Законом в соответствии с решениями XXV съезда КПСС других общих принципов социалистическо-

го строя. В их числе Конституция СССР в первом ее разделе закрепляет принципы народовластия, демократического централизма, руководящей роли КПСС и др. Эти принципы являются важнейшими социальными ориентирами как в правотворческой, так и в правореализационной деятельности Советского государства. Обеспечение соответствия им содержания норм социалистического права относится к числу важнейших требований законности в социалистическом правотворчестве.

С учетом этого положения полномочия представительных органов ограничено безоговорочным требованием обязательного соответствия их деятельности общим принципам социалистического строя. Какой бы то ни был пересмотр закрепленных законодательством основных принципов системы социализма никогда не имел и не может иметь место в практике деятельности социалистических парламентов, в том числе Верховного Совета СССР. Это же полностью относится и к социально-экономическим, политическим и иным правам и свободам граждан, которые способны развиваться лишь в одном направлении — в сторону их дальнейшего расширения и укрепления гарантий их осуществления. Конечно, все это определяется не наличием или, наоборот, отсутствием соответствующих формальных законодательных запретов, а классовой природой социалистического общенародного государства и права. Особое значение правовых норм, непосредственно закрепляющих общие принципы социалистического строя, состоит в том, что именно они устанавливают по существу пределы деятельности государственной власти, в связи с чем можно говорить о связности ими социалистического государства. Существование подобных конституционных норм имеет решающее значение для установления правильного соотношения государства и права при социализме. Оно опровергает утверждение буржуазных юристов о том, что при социализме «государство оказывается над правом», так как здесь ни принцип законности, «ни право как таковое не связывает Верховный Совет» [см.: 16, с. 182] и наглядно подтверждает господство в условиях социалистического строя принципов законности на всех уровнях деятельности государственной власти, в том числе и на уровне высших представительных органов.

Закрепленные в конституционных нормах общие принципы социалистического строя обладают высшей стабильностью и являются настолько нерушимыми, что в основе своей остаются неизменными весь период существования социалистического общества. Поэтому и закрепляющие эти принципы нормы не подлежат существенному пересмотру в течение обозримого срока времени, что не исключает возможности уточнения отдельных их формулировок, отражающих развитие социалистических общественных отношений, их обогащение новым содержанием, вытекаю-

щим из практики коммунистического строительства в условиях зрелого социализма.

В Конституции СССР 1977 г. последовательно проводится в жизнь идея безусловного верховенства закона в системе государственно-правовых актов, соблюдения иерархической подчиненности отдельных входящих в эту систему актов друг к другу. В этом находит свое проявление одно из важнейших требований социалистической законности в правотворчестве. В Конституции СССР мы находим закрепление ее наивысшей юридической силы (ст. 173), требование обеспечения соответствия Конституций союзных и автономных республик Конституции СССР (ст. 76, 82), приоритет действия общесоюзного закона в случае его расхождения с законом союзной республики (ст. 74), требование соответствия закону постановлений и распоряжений Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик (ст. 121 п. 7, 133, 140), требование соответствия актов Министерств и государственных комитетов законам, Указам Президиума Верховного Совета СССР, постановлениям и распоряжениям Совета Министров СССР (ст. 134, 135) и т. д. Смысл большинства этих статей свидетельствует о том, что критерием законности нормативных актов здесь является их содержание, поскольку определить законность или незаконность любого из них исходя лишь из его формы практически невозможно.

Законность в правотворчестве требует обеспечения научно обоснованного, прогрессивного содержания норм социалистического права. Основными критериями содержания законов, подзаконных правовых актов являются при этом их нравственность, демократичность. Об этой четкой связи демократичности, нравственности и законности говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС. Отмечая факт извращения за рубежом мер, принятых Советским государством по укреплению законности и правопорядка, он подчеркнул, что «всякий разговор об укреплении дисциплины и ответственности граждан перед обществом изображается там как нарушение демократии... Можно напомнить ленинские слова о том, что нравственно в нашем обществе все, что служит интересам строительства коммунизма. Точно так же мы можем сказать: демократично для нас то, что служит интересам народа, интересам коммунистического строительства» [см.: 5, с. 85]. «Интересам расширения демократизма, — указывает Л. И. Брежнев, — заложенного в природе нашего общественного строя, служат усилия, постоянно предпринимаемые партией в целях укрепления социалистической законности и правопорядка» [см.: 7, с. 8]. Поэтому с полным основанием мы можем считать, что то, что демократично, т. е. соответствует потребностям борьбы за коммунизм, то, как правило, и законно.

Большой интерес в этой связи представляет ст. 9 Конституции. В ней в качестве общего принципа социалистического строя

закрепляется социалистический демократизм и выдвигается требование дальнейшего развертывания демократии. Непосредственно к рассматриваемому нами вопросу, относится конкретизация этих общих положений в той же статье. В качестве фактора, обеспечивающего дальнейшее развертывание социалистической демократии, здесь, наряду с другими моментами, называется и укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. Подчеркивание значения укрепления правовой основы государственной и общественной жизни для дальнейшего развертывания социалистической демократии вытекает из жизненной важности в условиях Советского государства как государства прочной законности, правового обеспечения дальнейшего развития социалистической демократии. Такого рода правовое обеспечение происходит путем дальнейшего совершенствования демократического по своему содержанию советского законодательства, закрепляющего основные принципы и институты социалистической демократии, а также путем обеспечения прочности социалистической законности и стабильности социалистического правопорядка [см.: 10, с. 3—11].

Важное значение для укрепления начал законности в правотворчестве имеет закрепление в новой Конституции четкого перечня государственно-правовых актов, принимаемых отдельными видами государственных органов СССР, а также перечня субъектов законодательной инициативы и других моментов, регулирующих порядок издания законов.

Более подробно следует остановиться на требованиях законности в практике Президиума Верховного Совета СССР по принятию Указов, вносящих изменение в действующее законодательство. Историко-сравнительный анализ свидетельствует о том, что Конституцией СССР 1977 г. в правовое регулирование данного вопроса внесено немало нового, в результате чего юридическая природа указов отличается от их природы по Конституции СССР 1936 г. Последняя, как известно, фиксировала в ст. 32, что «законодательная власть в СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР» и не предусматривала право Президиума Верховного Совета СССР вносить какие бы то ни было изменения в законодательство. Однако впоследствии сложилась практика внесения путем издания указов отдельных изменений в действующее законодательство, что вошло в известное противоречие со ст. 32 и породило трудности теоретического обоснования юридической природы указов данной категории. Это, в свою очередь, привело к выдвиганию учеными юристами предложений привести конституционное законодательство в соответствие со сложившейся практикой, наделив Президиум Верховного Совета СССР соответствующими полномочиями [см.: 20, с. 155 и т. д.]. Реализацией этих предложений является ст. 122 п. 1 новой Конституции СССР, предусматривающая право Президиума Вер-

ховного Совета СССР вносить в случае необходимости в период между сессиями Верховного Совета изменения в действующее законодательство с их последующим представлением на утверждение очередной сессии Верховного Совета СССР.

Однако это обстоятельство, с нашей точки зрения, ни в коей мере не может трактоваться как какое бы то ни было сужение законодательных полномочий Верховного Совета СССР. Эти полномочия, наоборот, сейчас имеют четко выраженную тенденцию к расширению. Во-первых, это выражается в формулировании непосредственно в новой Конституции обширной программы законодательной деятельности, в том числе и по тем вопросам, которые ранее не были предметом законодательного регулирования (см.: ст. 86, 88, 101, 126, 127, 136, 163, 168 и др.), что означает расширение круга общественных отношений, регулируемых актом верховной власти в государстве — законом, расширения базы законодательной деятельности, сферы действия законов. В результате этого повышается их роль, что, в свою очередь, является важным фактором дальнейшего укрепления социалистической законности.

Расширение законодательных полномочий Верховного Совета происходит и за счет сужения на основе новой Конституции круга общественных отношений, регулируемых вносящими изменения в законодательство указами. Если на основе Конституции 1936 г. в указной практике неоднократно встречались случаи внесения изменений не только в обыкновенные законы, но и в Конституцию, то новая Конституция СССР в ст. 108 и ст. 174 относит внесение в нее изменений к исключительной компетенции Верховного Совета СССР. Поэтому ст. 122 п. 1 новой Конституции на Основной Закон нашего государства не распространяется.

Оценивая юридическую природу вносящих изменения в законодательство указов, можно рассматривать их в качестве временно выполняющих некоторые функции законодательных актов. Здесь имеет место реализация предусмотренного ст. 119 новой Конституции права Президиума Верховного Совета СССР осуществлять в период между сессиями Верховного Совета и в пределах, предусмотренных Конституцией, некоторые функции высшего представительного органа. В данном случае речь идет об осуществлении, хотя и в сугубо ограниченных пределах, законодательной функции Верховного Совета СССР.

Указы рассматриваемой категории по ряду существенных признаков отличаются от любого закона, принимаемого непосредственно Верховным Советом. Поэтому к их содержанию, форме и к характеру действия предъявляются ряд специальных требований социалистической законности. Осуществление Президиумом Верховного Совета в период между его сессиями в ограниченных пределах законодательной функции не равнозначно его праву на

принятие законов. Согласно ст. 108 новой Конституции законы принимаются лишь Верховным Советом СССР или всенародным голосованием (референдумом). Поэтому указы рассматриваемой категории не могут издаваться по вопросам отмены старых или принятия новых законов, их содержание ограничено целями внесения отдельных изменений в законодательство, срочная необходимость которых возникала в период между сессиями Верховного Совета СССР. При этом, как уже отмечалось, указ не может вносить изменений в Основной Закон нашего государства. Точно так же указы не могут, на наш взгляд, издаваться по вопросам изменения законов, рассчитанных на строго определенный срок действия (законы о государственном плане и бюджете), так как в силу свойственной им строго определенной стабильности вряд ли может возникнуть срочная необходимость в полном изменении отдельных их норм.

Таким образом, законодательные полномочия Президиума Верховного Совета СССР намного уже законодательных полномочий самого Верховного Совета. Указы рассматриваемой категории действуют строго ограниченный срок — до созыва очередной сессии Верховного Совета — стабильность их поэтому невелика и не может идти ни в какое сравнение со стабильностью закона, по отношению к которому они играют подсобную роль. Вносящий изменение в действующее законодательство указ, начиная действовать, проходит проверку практикой, которая должна показать, можно ли признать правильной воплощенную в его содержании позицию Президиума Верховного Совета СССР. Право судить о правильности или неправильности этой позиции имеет лишь Верховный Совет СССР. Важным требованием социалистической законности поэтому является обязательное внесение указа на утверждение ближайшей сессии Верховного Совета СССР, которая решает вопрос о том, следует ли утвердить соответствующий указ или нет.

Юридическая природа утверждения Указа Верховным Советом состоит в том, что акт утверждения превращает его в постоянно действующий закон, придает ему высшую юридическую силу, высший авторитет и высшую стабильность. Это означает, что изменения, внесенные указом в действующее законодательство, носят не только временный, но и предварительный характер, а окончательные изменения в закон может вносить лишь сам Верховный Совет. Если он откажет в утверждении указа, установленное последним временное законоположение прекращает свое действие. В этом случае, по нашему мнению, должно быть восстановлено действие закона в старой редакции до тех пор пока сам Верховный Совет не даст окончательное решение данному вопросу.

Оценивая чрезвычайно важный в практическом отношении вопрос о юридической силе указов рассматриваемой категории,

следует признать, что она приближается к юридической силе законов, так как указ вносит пусть отдельные и частные, но все же конкретные изменения в закон. Тем не менее эта юридическая сила не может быть поставлена на один уровень с юридической силой закона, поскольку изменения эти носят временный и предварительный характер, а окончательные изменения вносит сам Верховный Совет. Таким образом, данный указ по степени своей юридической силы стоит как бы посередине между обычным нормативным указом и законом. Без утверждения Верховным Советом этот указ не может приобрести высшую юридическую силу и высший авторитет закона.

Отличие указов всех категорий от законов следует проводить и по различию их волевого содержания. Закон является высшим выражением государственной и народной воли и по этому материальному признаку отличается от всех иных нормативных актов, в том числе от указов Президиума Верховного Совета СССР.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что существование указов, вносящих изменение в законодательство, не колеблет принцип безусловного верховенства закона перед всеми иными нормативными актами, в том числе и такими указами. Последние отличаются от законов по кругу и характеру регулируемых общественных отношений, по их волевому содержанию, юридической силе и стабильности.

Такое понимание характера действия закона и указа способствует, с нашей точки зрения, строгому и неуклонному проведению в жизнь важнейшего требования социалистической законности, состоящего в необходимости строгого подчинения всех юридических норм законам, что одно может обеспечить формирование и эффективное проведение в жизнь единой воли народа.

Таким образом, верховенство закона и единство социалистической законности не умаляется, а, наоборот, еще более укрепляется в результате принятия и действия вносящих конкретные изменения в законодательство указов Президиума Верховного Совета СССР. Причину этого следует видеть в том, что последние не ослабляют действия закона, а позволяют ему быстрее откликаться на потребности общественного развития, обеспечивают оперативность и жизненность закона и издаются с последующей проверкой того, насколько их содержание соответствует общенародным интересам и потребностям, вытекающим из социалистического способа производства и всей системы социалистических общественных отношений.

Список литературы

1. Ленин В. И. набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов.— Полн. собр. соч., т. 37, с. 129—130.
2. Ленин В. И. В Малый СНК.— Полн. собр. соч., т. 53, с. 143.
3. Ленин В. И. Письмо Д. И. Курскому и поручение Н. П. Горбунову.— Полн. собр. соч., т. 54, с. 165—166.

4. Ленин В. И. Записка Д. И. Курскому и поручение Н. П. Горбунову.— Полн. собр. соч., т. 54, с. 191—192.
5. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 254 с.
6. Брежнев Л. И. О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. Доклад на сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 г.— Ж. «Коммунист», 1977, № 15, с. 5—20.
7. Брежнев Л. И. Исторический рубеж на пути к коммунизму.— Ж. «Проблемы мира и социализма», 1977, № 12, с. 3—10.
8. Конституция (Основной Закон) СССР. М., Изд-во «Правда», 1977. 48 с.
9. Борисов В. В. Правовой порядок развитого социализма. Изд-во Саратов. ун-та, 1977. 408 с.
10. Васильев А. М. Конституция СССР и правовая основа развитого социализма.— «Сов. государство и право», 1977, № 10, с. 3—11.
11. Керимов Д. А. Обеспечение законности в СССР. М., «Юрид. лит.», 1956. 164 с.
12. Лебедев М. Л. Государственные решения в системе управления социалистическим обществом. М., «Юрид. лит.», 1974. 291 с.
13. Лукашова Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., «Юрид. лит.», 1973. 343 с.
14. Мицкевич А. В., Жилинский Э. С. Основные требования законности.— В сб.: XXIV съезд КПСС об укреплении Советского государства и развитии социалистической демократии. М., «Мысль», 1973, с. 169—191.
15. Полежа́й П. Т. Про поняття соціалістичної законності.— У кн.: Проблеми правознавства. Вип. 5, Вид-во Київськ. ун-ту, 1966, с. 20—26.
16. Рене Давид. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., «Прогресс», 1967. 496 с.
17. Самощенко И. С. Охрана режима законности советским государством. М., «Юрид. лит.», 1960. 199 с.
18. Степанов И. М. Конституционные основы советской политической системы.— «Сов. государство и право», 1977, № 9, с. 33—37.
19. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., «Наука», 1966. 250 с.
20. Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., «Юрид. лит.», 1968, 216 с.

Ю. М. Грошевой, д-р юрид. наук

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОГО ПРАВОСУДИЯ В КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР

1977 г. войдет в историю как год знаменательных событий — 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции и принятия новой Конституции СССР, законодательно закрепившей новый исторический рубеж в коммунистическом строительстве — построение в СССР развитого социалистического общества. На внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отметил: «Одним из следствий полного торжества социалистических общественных отношений является, как показывает наш опыт, постепенное перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Советский Союз сегодня — это закономерный этап развития государства, рожденного Октябрем,

этап, свойственный зрелому социализму. Следовательно, и задачи государственных органов, их структура, функции, порядок деятельности должны соответствовать достигнутой стадии развития общества» [7, с. 22—23].

Развитой социализм открыл величайшие просторы для дальнейшего всестороннего развития нашего общества. Ныне, когда социализм развивается уже на собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы и демократизм Советского государства, рожденного Великим Октябрем.

В новой Конституции СССР укрепление народовластия неразрывно связывается с расширением социальной базы государства, с укреплением социалистической законности и упрочением правопорядка. «Основным направлением развития политической системы советского общества,— говорится в ст. 9,— является дальнейшее разворачивание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения».

Содержание Конституции свидетельствует о том, что линия XXV съезда КПСС на дальнейшее совершенствование и развитие социалистической демократии, укрепление законности и правопорядка неуклонно проводится в жизнь.

В докладе на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отметил большую работу, которую проделали ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Советское правительство по совершенствованию советских законов, созданию твердых гарантий против каких-либо нарушений прав граждан.

Конституция закрепляет основы общественно-политического и экономического строя СССР, провозглашает цели и принципы общенародного социалистического государства, основы его внутренней и внешней политики, национально-государственного устройства, правового положения личности. В разделе VII отражены основные принципы организации и деятельности органов советского правосудия, прокуратуры и арбитража. Эти принципы являются руководящими для построения и функционирования всей системы правоохранительных органов, основой дальнейшего совершенствования процессуальной формы расследования преступлений, судебного рассмотрения и разрешения гражданских и уголовных дел.

Демократические основы организации и деятельности советского суда, изложенные в гл. 20 Конституции СССР, выражают марксистско-ленинские идеи о суде и социалистическом правосудии, о его роли и месте в Советском общенародном государстве, о задачах, формах и методах осуществления правосудия.

Определяя наиболее важные стороны организации и деятельности советского суда и других органов, ведущих борьбу с правонарушениями, Конституция СССР сохранила преемственность в принципах построения и функционирования судебных органов и органов прокуратуры. Вместе с тем, получила дальнейшее развитие подлинно демократическая сущность основных институтов организации и деятельности советского суда, важнейших институтов гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права.

Укрепление социалистической законности и правопорядка — одна из ведущих закономерностей развития советской политической системы. В. И. Ленин обосновал значение социалистической законности в жизни советского общества, ее роль в построении коммунистического общества, пути ее укрепления и развития. «...Издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких народных масс, новая власть ставит вехи по пути развития новых форм жизни» [1, с. 56]. Будучи важнейшим методом осуществления задач Советского государства, социалистическая законность защищает интересы и права граждан и потому является важнейшим элементом социалистической демократии и социалистического образа жизни.

Ст. 4 Конституции СССР гласит: «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан».

Государственные и общественные организации, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию СССР и советские законы». То, что социалистическая законность закреплена в качестве принципа Конституции СССР, причем в одной из первых ее статей, в разделе, регулирующем основы общественного строя и политики СССР, свидетельствует об исключительном значении данного принципа во всех сферах государственной и общественной жизни страны.

Для деятельности органов советского правосудия принцип социалистической законности имеет основополагающее значение. В политическом плане оно связано с возрастанием роли законности в осуществлении правосудия, с постоянным совершенствованием судебной деятельности, с недопустимостью любого нарушения или ущемления прав и свобод советских граждан в сфере отправления правосудия. В идеологическом аспекте укрепление социалистической законности и упрочение правосудия обеспечивают реализацию и развитие гражданами своих прав, способствуют их социальной активности в борьбе с правонарушениями, в ликвидации такого социального явления, как преступность.

Эта тенденция развития политической системы советского общества обусловила закрепление в ст. 57 и 58 Конституции СССР права граждан на судебную защиту от посягательства на честь

и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество, а также права на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных органов и должностных лиц, если эти действия совершены с нарушением закона, с превышением полномочий должностных лиц и ущемляют права граждан. Все это свидетельствует о том, что в системе правовых гарантий граждан Конституция СССР придает первостепенное значение судебным гарантиям.

В Конституции СССР отражены такие обязанности граждан, как обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность, бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, уважать права и законные интересы других лиц, быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка (ст. 61, 65) и ряд других обязанностей, исполнение которых является важнейшей политической и идеологической гарантией социальной активности советских граждан в борьбе с правонарушениями.

Конституция СССР 1977 года впервые закрепила презумпцию невиновности, как важнейшую гарантию соблюдения прав и законных интересов советских граждан при осуществлении правосудия. Ст. 160 гласит: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с Законом». Представляется, что данное положение станет базой для совершенствования уголовно-процессуального законодательства. В частности, следует, очевидно, в этом плане переосмыслить допустимость прекращения органами предварительного следствия (с согласия прокурора) или прокурором дел по основаниям ст. 5—1 Основ уголовного судопроизводства. Не ставя своей задачей обсуждать вопрос о сущности и формулировке презумпции невиновности, автор считает необходимым подчеркнуть, что ст. 160 Конституции СССР не оставляет сомнения в том, что данный принцип является одним из основополагающих в советском уголовном процессе. Поэтому нельзя признать правильными взгляды тех процессуалистов, которые отрицают действие презумпции невиновности в советском уголовном процессе [см., напр., 9, с. 70—82].

Конституция СССР (ст. 158) предоставляет обвиняемому право на защиту. Она обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан, гарантируя неприкосновенность личности (ст. 54), охрану Законом их личной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений (ст. 56). Гражданам гарантируется неприкосновенность жилища: «Никто не имеет права без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц» (ст. 55).

Непременным законом деятельности следственных, прокурор-

ских и судебных органов является подлинное уважение личности, прав и свобод советского человека, недопустимость любого незаконного ограничения прав советских граждан, гарантированных Конституцией СССР. В этом плане для правоохранительной деятельности государственных органов особое значение имеет положение ст. 57 Конституции: «Уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц».

В Конституции СССР нашел свое четкое закрепление принцип охраны прав, свобод и законных интересов личности, который включает в сфере уголовного судопроизводства: а) право на защиту; б) неприкосновенность личности; в) неприкосновенность жилища; г) тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений; д) уважение личности.

В качестве принципов организации и деятельности советского суда Конституция СССР провозглашает: осуществление правосудия только судом; выборность судей; независимость судей и народных заседателей и подчинение их только закону; осуществления правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом; гласность разбирательства дел в суде; национальный язык судопроизводства; участие представителей общественных организаций и трудовых коллективов в осуществлении правосудия. Эти конституционные принципы характеризуют советское правосудие как подлинно демократическое.

Конституция 1936 г. устанавливала главным образом принципы организации суда и в меньшей степени — основы его деятельности. Новая Конституция СССР содержит развернутую систему принципов как организации, так и деятельности советского суда в условиях развитого социализма. Принципы организации и деятельности советского суда, закрепленные в Конституции, могут и должны рассматриваться в качестве критерия приемлемости предложений, направленных на дальнейшее совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства, а также законности и обоснованности отправления правосудия и эффективности организационного управления судами.

Принципы судостроительства имеют определенное процессуальное выражение. Будучи основой процессуальной деятельности суда, они являются вместе с тем и принципами отправления правосудия (уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной деятельности). Поэтому организация советской судебной системы и отправление судами правосудия всегда должны рассматриваться в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Ст. 151 Конституции закрепляет положение о том, что правосудие в СССР осуществляется только судом. В нашей стране действуют Верховный Суд СССР, Верховные Суды союзных республик, Верховные Суды автономных республик, краевые, областные, городские суды, суды автономных областей, суды автоном-

ных округов, районные (городские) народные суды, а также военные трибуналы в Вооруженных Силах. Принцип выборности судей и участие в отправлении правосудия народных заседателей является одним из выражений социалистического демократизма советской судебной системы.

Буржуазный суд формировался, как правило, на началах назначения судей. Выдвинув лицемерный лозунг «выборности судей народом», буржуазия так и не претворила его в жизнь. Судейские должности в большинстве своем замещаются путем назначения судей-чиновников. Там же, где выборность существует, она настолько ограничена различными образовательными, имущественными и другими цензами, что практически показательный «демократизм» буржуазного суда сводится не к выборности, а к классовому отбору постоянных судей, присяжных заседателей, угодных классу буржуазии.

Советское законодательство с первых дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции закрепило принцип выборности судей народом и из народа. Этот принцип отражен и в новой Конституции СССР. Народные судьи районных (городских) народных судов избираются гражданами района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Народные заседатели районных (городских) народных судов избираются на собраниях трудящихся по месту их работы или жительства открытым голосованием сроком на два с половиной года. Вышестоящие судьи избираются соответствующими Советами народных депутатов сроком на пять лет. Судьи военных трибуналов избираются Президиумом Верховного Совета СССР сроком на пять лет, а народные заседатели — собраниями военнослужащих сроком на два с половиной года (ст. 152).

Принцип выборности судей и народных заседателей в нашей стране всегда сочетался с их ответственностью перед избирателями или избравшими их органами и подотчетностью им. Это положение нашло свое закрепление и в действующей Конституции СССР (ст. 152).

Выборность судей, коллегиальность рассмотрения дел, а также участие в отправлении правосудия народных заседателей остаются неизменными принципами организации и деятельности советского суда в течение всей истории его существования. Конституция СССР 1936 г. установила, что рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей (ст. 103). Данные принципы получили дальнейшую конкретизацию в новой Конституции СССР. Ст. 154 гласит, что рассмотрение гражданских и уголовных дел во всех судах осуществляется коллегиально, а в суде первой инстанции — с участием народных заседателей. Подчеркивается, что народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются правами судьи.

Принцип участия трудящихся в отправлении правосудия был сформулирован еще в первой Программе РСДРП, принятой в 1903 г. и развит в дальнейшем в работах В. И. Ленина, посвященных вопросам государства и права. После Великой Октябрьской социалистической революции этот принцип был закреплен в первых декретах о суде, в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии в 1919 г., а затем и в первых советских конституциях. В проекте Программы РКП(б) В. И. Ленин писал: «Взяв всю власть в свои руки, пролетариат вместо прежней расплывчатой формулы: «Выборность судей народом» выдвигает классовый лозунг: «Выборность судей из трудящихся только трудящимися» и проводит его во всей организации суда» [4, с. 115].

Участие народных заседателей в отправлении правосудия — одно из важнейших условий обеспечения неуклонного соблюдения требований законности, практическое претворение в жизнь неразрывной взаимосвязи законности и культурности. Выдвигая это положение, имеющее актуальное значение и для современного этапа развития советского общества, В. И. Ленин подчеркивал, с одной стороны, необходимость развития культуры населения, с другой — огромное значение самой законности, без которой «ни о каком создании культурности не может быть и речи» [5, с. 199].

В Конституции СССР четко определена компетенция Верховного Суда СССР как высшего судебного органа страны, осуществляющего надзор за судебной деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик, в пределах, установленных Законом (ст. 153). Верховному Суду СССР предоставлено право законодательной инициативы (ст. 113). Верховный Суд СССР избирается Верховным Советом СССР в составе Председателя, его заместителей, членов и народных заседателей. В состав Верховного Суда СССР входят председатели Верховных Судов союзных республик по должности (ст. 153).

В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость обеспечения полной независимости судей от каких бы то ни было влияний и рассматривал это положение в качестве принципа организации и деятельности советского правосудия. Любое влияние на следственные и судебные органы, писал В. И. Ленин, «есть **НЕЗАКОННОЕ** действие» [6, с. 109]. Конституция СССР 1977 г. расширила содержание данного принципа, указав, что не только судьи, но и народные заседатели независимы и подчиняются только Закону (ст. 155). Являясь органом государства, советский суд действует на основе законности, обеспечивает охрану правопорядка, интересов общества и прав граждан. Советский суд обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы.

Конституция СССР 1977 г. сохранила и закрепила важнейшие принципы деятельности советского суда по отправлению пра-

восудия. К их числу относятся: осуществление правосудия на началах равенства граждан перед Законом и судом (ст. 156), гласность судебного разбирательства уголовных и гражданских дел (ст. 157). Указание ст. 156 определяет положение личности в сфере отправления правосудия. Ст. 34 Конституции СССР устанавливает равенство граждан СССР перед Законом независимо от их происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Конституция реально обеспечивает равноправие граждан СССР во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни. Но равенство перед Законом означает не только равенство прав, но и равную обязанность исполнять требования Закона. «Гражданин СССР, — записано в ст. 59, — обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание гражданина СССР». Равенство граждан перед Законом и перед судом — положения, тесно связанные друг с другом. Без равенства граждан перед Законом было бы невозможно их равенство перед судом, так как последний обязан действовать на основе Закона и в порядке, предусмотренном Законом.

Принцип гласности, закрепленный в ст. 157 Конституции, является конкретным выражением в сфере правосудия такого основного направления развития политической системы советского общества, как расширение гласности и постоянный учет общественного мнения во всех сферах социальной жизни (ст. 9).

В Конституции СССР 1977 г. значительно расширено содержание принципа национального языка судопроизводства, что является конкретным выражением ленинской национальной политики. Ст. 159 Конституции гласит: «Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право полного ознакомления с материалами дела, участие в судебных действиях через переводчика и право выступать в суде на родном языке».

Участие общественных организаций и их представителей в рассмотрении судебных дел является одним из средств претворения в жизнь, намеченного В. И. Лениным перехода «через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством» [3, с. 74]. «Граждане должны участвовать поголов-

но в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся... Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно...» [2, с. 53]. В соответствии с этими указаниями В. И. Ленина в Конституцию СССР включено принципиальное положение, что в судопроизводстве допускается участие представителей общественных организаций и трудовых коллективов (ст. 162). В советском социалистическом государстве народное представительство является одним из важнейших средств привлечения широких масс трудящихся к непосредственной деятельности по управлению делами общества, неуклонному совершенствованию социалистической законности и упрочению правового порядка. Характер советского общества требует неременного и притом решающего участия трудящихся во всех сферах деятельности государственного управления. Поднимая на конституционный уровень правовую регламентацию участия в судебном разбирательстве представителей общественности, и в частности института общественного обвинения и защиты, ст. 162 конкретизирует: правом делегировать своих представителей в суд обладают общественные организации и трудовые коллективы.

Положения Конституции СССР, закрепившие принципы организации и деятельности советского суда, определяют и новые задачи в области уголовно-процессуальной науки. Одна из важнейших — разработка вопросов дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства на базе Конституции СССР и выработка научно-практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов.

Список литературы

1. Ленин В. И. Ответ на запрос левых эсеров. — Полн. собр. соч. Т. 35, с. 56—57.
2. Ленин В. И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии. 8 Марта. — Полн. собр. соч. Т. 36, с. 43—57.
3. Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы. — Полн. собр. соч. Т. 36, с. 70—76.
4. Ленин В. И. Первый абзац пункта программы о суде. — Полн. собр. соч. Т. 38, с. 115.
5. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности. — Полн. собр. соч. Т. 45, с. 197—201.
6. Ленин В. И. Г. И. Бокию. — Полн. собр. соч. Т. 53, с. 108—109.
7. Брежнев Л. И. О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. — «Правда», 1977, 5 окт.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., «Правда», 1977. 48 с.
9. Мартынич Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, «Штиинца», 1975. 220 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Одной из важнейших задач коммунистического строительства на современном этапе является дальнейшее повышение эффективности общественного производства. Ее решение в немалой степени зависит от постоянного совершенствования управления хозяйством, укрепления государственной дисциплины и законности, улучшения правового регулирования возникающих здесь отношений. В новых условиях неизмеримо возрастает роль права в сфере экономики. Это обстоятельство со всей определенностью отметил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС. «Немало предстоит сделать также,— сказал он,— для улучшения правового регулирования хозяйственной деятельности. Наши законы в этой сфере должны действеннее обеспечивать решение задач повышения качества продукции, соблюдения режима экономии» [1, с. 82].

В ст. 16 новой Конституции СССР записано: «Экономика СССР составляет единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны. Руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. При этом активно используются хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы».

Нестабильность, многочисленность нормативных актов, регулирующих хозяйственные отношения, поставили со всей остротой задачу совершенствования хозяйственного законодательства. Эта работа, как известно, уже проводится. В самое последнее время утверждены такие важные нормативные акты, как Общее Положение о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях. Положение о производственном объединении (комбинате). Общее положение о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве, готовятся проекты нормативных актов о народно-хозяйственном планировании, материально-техническом снабжении, капитальном строительстве и другие, издается собрание действующего законодательства СССР. Но эти меры не устраняют громоздкости хозяйственного законодательства. Чтобы избавиться от этого недостатка, как справедливо отмечает ряд авторов [см.: 3; 4; 10; 11], нужна его кодификация, выработка единого обобщенного закона, который мог бы заменить многие ныне действующие нормативные акты. О необходимости издания кодификационных и дру-

гих укрупненных актов в области хозяйственного строительства говорится и в Постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 2 сентября 1976 г. «О подготовке к изданию Свода Законов СССР» [19, 1976, № 21, ст. 104].

Для этого необходимо определить круг общественных отношений, которые регулируются хозяйственным законодательством. Но здесь до сих пор не удалось найти общего решения. Вряд ли следует определять хозяйственное право (или законодательство)¹ в виде совокупности правовых норм, регулирующих отношения, которые складываются в результате производства, обмена и распределения материальных ценностей [см.: 17, с. 10]. То, что хозяйственные отношения возникают на всех этапах общественного воспроизводства, не вызывает сомнения. Но ведь при этом возникают разнообразные отношения. Какие же из них следует отнести к хозяйственным?

В литературе предпринимаются попытки выделения хозяйственных отношений и законодательства, их регулирующего, по признаку хозяйственной деятельности социалистических организаций как отношений по руководству и осуществлению этой деятельности [см.: 10; 11; 16]. Однако этот критерий не обеспечивает достаточного сужения понятия хозяйственного законодательства, так как он, с одной стороны, дает основание для вывода, что это законодательство регулирует отношения социалистических организаций как друг с другом, с планирующими органами, так и с гражданами [см.: 14, с. 69], а с другой, — что отношения по руководству и осуществлению хозяйственной деятельности — это разные по своей природе отношения. Первые являются организационными и должны регулироваться административным правом, а вторые — это имущественные отношения, регулируемые гражданским правом. Хозяйственное законодательство, таким образом, рассматривается как комплексная отрасль, состоящая из норм гражданского и административного права. Но в таком случае и кодифицировать хозяйственное законодательство нецелесообразно, так как часть норм, регулирующих эти отношения, содержится в Основах гражданского законодательства и гражданских кодексах союзных республик, а другая часть их относится к административному праву. Предлагается создать хозяйственное законодательство, в котором по определенной системе были бы объединены все нормативные акты, относящиеся к управлению хозяйством и хозяйственным связям между социалистическими организациями [см.: 5].

Занимая такую позицию, С. Н. Братусь отрицает имущественный характер административных отношений. «Отношения,

¹ Мы здесь не затрагиваем вопрос о соотношении отраслей права и законодательства, укажем только, что исходим из высказанной в литературе точки зрения, согласно которой каждой основной отрасли права должна соответствовать отрасль законодательства [см.: 9, с. 11].

складывающиеся в связи с планово-регулирующей деятельностью органов государства, направленной на имущественные цели,—пишет он,—не являются имущественными отношениями» [6, с. 47].

Другие ученые, не отрицая того факта, что и административные отношения носят имущественный характер, пытаются найти иные критерии для ограничения гражданско-правовых отношений от административно-правовых. А. В. Дозорцев, например, считает, что гражданским правом регулируются имущественные отношения на базе обособленного в сфере оборота имущества и связанные с ними неимущественные отношения [см.: 8, с. 107]. На имущественный характер административно-правовых отношений указывается и в преамбуле к Основам гражданского законодательства: «К имущественным отношениям, основанным на административном подчинении одной стороны другой... гражданское законодательство Союза ССР и союзных республик не применяется».

Если, говоря о гражданском праве, правоведы и законодательство упонимают, что имущественные отношения, составляющие его предмет, обусловлены использованием их товарно-денежной формы, то административно-правовые отношения определяются, например, как «регулируемые нормами права общественные отношения, складывающиеся в сфере советского государственного и общественного управления», [12, с. 32], а хозяйственные, согласно вышеприведенному определению, как регулируемые правом отношения по руководству и осуществлению хозяйственной деятельности. Думается, что и к последним следует подойти с той же меркой, что и к гражданско-правовым, т. е. указать на их экономическую сущность.

До недавнего времени в экономической литературе товарно-денежные отношения рассматривались как явление однородное. Согласно же современным воззрениям экономистов они представляют собой определенную систему, структуру. Среди товарно-денежных отношений различаются непосредственно-общественные отношения, которые, будучи товарными, эквивалентными, имеют планомерно-стоимостную форму движения, и не прямые товарно-эквивалентные связи со стоимостным стихийным регулятором [см.: 2, с. 131; 7, с. 112; 18, с. 109]. Поэтому трудно согласиться с мнением, что закон планомерного развития оказывает свое воздействие только на отношения, возникающие между хозяйственными организациями (предприятиями, объединениями) и планово-регулирующими органами на основе их властных предписаний, и не затрагивает имущественные отношения организаций, находящихся в равном положении по отношению друг к другу. Товарно-денежные отношения испытывают воздействие не только закона стоимости, но и закона планомерного развития. Существование разновидностей товарно-денежных отноше-

ний объясняется тем, что планомерное развитие охватывает неравномерно все части социалистического воспроизводства. Представляется, что различные товарно-денежные отношения требуют и различного правового регулирования. Решающее значение имеют первые из них и поэтому регулируются общесоюзным законодательством. Они и должны, с нашей точки зрения, составлять предмет хозяйственного законодательства, а вторые — гражданского.

При таком подходе решается и вопрос о субъектном составе хозяйственных отношений. Многие авторы сходятся на том, что участниками (субъектами) хозяйственных отношений являются предприятия, объединения и другие социалистические организации, осуществляющие хозяйственную деятельность [см.: 5; 10; 15]. Однако такое утверждение подвергается критике на том основании, что для выделения хозяйственных отношений к признаку хозяйственной деятельности добавляется и субъектный признак, что лишает их единого классификационного критерия.

Пытаясь объяснить, почему граждане не являются субъектами хозяйственных отношений, И. А. Танчук пишет, что они, будучи членами социалистического воспроизводства, выступают, с одной стороны, активными носителями производительного труда, создателями материальных благ в результате соединения рабочей силы с обобществленными средствами производства и тогда отношения между ними и социалистическими организациями опосредствуются трудовыми правоотношениями в форме трудовых договоров или членства в кооперативной организации. С другой стороны, они являются потребителями результатов хозяйственной деятельности социалистических организаций и тогда отношения между ними и организациями в известной мере сходны с первыми, что дает возможность в определенной мере использовать общее для всех потребителей (граждан и организаций) правовое регулирование таких отношений посредством, например, договора купли-продажи. Но касаясь отношений, возникающих в процессе и в результате ведения индивидуальной хозяйственной деятельности граждан (подсобное хозяйство колхозного двора, хозяйство некооперированных кустарей), И. А. Танчук приходит к выводу, что хотя такая деятельность и не значительна по своим масштабам¹ в сравнении с социалистическим хозяйствованием, но по своему экономическому характеру она относится к общественному воспроизводству и является хозяйственной [см.: 15, с. 26].

Вышеизложенные соображения дают основание утверждать, что граждане не являются субъектами отношений, регулируемых

¹ Кстати, эта деятельность не такая уж незначительная. В настоящее время в нашей стране насчитывается около 33 млн. подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих, в которых производится около 60% картофеля, 40% овощей, мяса и молока [см.: 2, с. 116].

хозяйственным законодательством, потому что они как таковые, как граждане не участвуют в планомерно-товарных отношениях, а те отношения, которые возникают в процессе и в результате их индивидуальной хозяйственной деятельности, не являются хозяйственными, так как они носят товарно-косвенный характер с рыночным регулятором. Именно поэтому нельзя согласиться с приведенным выше утверждением, что хозяйственное законодательство регулирует деятельность социалистических организаций, которая выражается как в их отношениях друг с другом, с планирующими организациями, так и с гражданами [см.: 14, с. 69].

Вряд ли можно согласиться и с мнением, что ограничение хозяйственного права (или законодательства) товарно-денежными отношениями сводит хозяйственно-правовые отношения к отношениям хозяйственно-договорным [см.: 16, с. 18]. Более веским представляется утверждение, что товарные отношения не следует, с одной стороны, отождествлять с отношениями обмена, а с другой,— отрывать от отношений стоимостных, ибо стоимость присуща именно (и только) товару и создается она не в процессе обращения (где лишь проявляется), а в сфере производства [см.: 13, с. 149]. Отсюда следует, что и так называемые внутривозрастные отношения не лишены товарно-денежной формы, и они охватываются предлагаемым единым классификационным основанием, на отсутствие которого обычно ссылаются, мотивируя отрицательное отношение к кодификации хозяйственного законодательства [см.: 14, с. 66].

Представляется, что в настоящее время рассматривать кодификацию хозяйственного законодательства как проблему спорную уже нельзя. Проведение работ по кодификации данного законодательства поставлено на повестку дня постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1975 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства» [19, 1975, № 16, ст. 98]. Что касается единого классификационного основания для такой кодификации, то его выявление представляется вполне осуществимым. Вышеизложенное и является попыткой подойти к решению этого вопроса.

Список литературы

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с.
2. Агафонов О. К., Великохатко О. Т., Кифорак В. Ф. Соціально-економічна природа товарно-грошових відносин при соціалізмі. Київ, «Наукова думка», 1973. 207 с.
3. Алексеев В. Экономика и хозяйственное право.—«Коммунист», 1976, № 8, с. 43—50.
4. Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. О совершенствовании хозяйственного законодательства.—«Сов. государство и право», 1975, № 6, с. 43—52.
5. Братусь С. Н. О путях систематизации хозяйственного законодательства.—«Сов. государство и право», 1975, № 9, с. 52—61.

6. Братусь С. Н. О разграничении гражданского и административного права.— В кн.: Проблемы гражданского и административного права. Изд-во Ленингр. ун-та, 1962, с. 32—63.
7. Джавадов Т. А. Структура социалистических производственных отношений. Изд-во Моск. ун-та. 129 с.
8. Дозорцев А. В. О предмете советского гражданского права в системе гражданского кодекса СССР.— «Сов. государство и право», 1954, № 7, с. 104—109.
9. Красько И. Е. Общие теоретические проблемы советского хозяйственного права. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук, Харьков, 1973. 36 с.
10. Лаптев В. В. Предмет и система хозяйственного права. М., «Юрид. лит.», 1969. 175 с.
11. Лаптев В. Экономика и хозяйственное право.— «Коммунист», 1975, № 1, с. 62—63.
12. Петров Т. И. Советские административно-правовые отношения. Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 157 с.
13. Правовое регулирование товарно-денежных отношений в социалистическом обществе.— «Правоведение», 1971, № 3, с. 148—150.
14. Систематизация хозяйственного законодательства. М., «Юрид. лит.», 1971. 262 с.
15. Танчук И. А., Ефимочкин В. П., Абова Т. Е. Хозяйственные обязательства. М., «Юрид. лит.», 1970. 215 с.
16. Теоретические проблемы хозяйственного права. М., «Наука», 1975. 413 с.
17. Хоменко В. П. Ответственность в хозяйственном праве. Киев, «Вища школа», 1975. 171 с.
18. Шахова Л. В. Ленінська теорія і практика використання товарно-грошових відносин в соціалістичному суспільстві. Вид-во Київського ун-ту, 1972. 164 с.
19. Собрание постановлений правительства СССР.

Ч. Н. Азимов, канд. юрид. наук

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Известно, что предметом обязательств могут быть как объекты материального мира, так и продукты духовного творчества в объективированной форме. Объективированной формой предмета обязательств в области научно-технического прогресса является научно-техническая документация в виде научных отчетов, конструкторских, технологических и проектных разработок.

В литературе предмет договорных обязательств в этой области уже подвергался исследованию. Однако анализировались лишь отдельные виды соглашений, что не дает возможности выявить общие элементы в содержании договорных обязательств. Так, по поводу предмета договорных обязательств на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в литературе высказаны три точки зрения. Одни авторы считают, что предмет договора — сама работа, т. е. действия по исполнению порученного задания [см.: 13, с. 231], другие — результаты научно-технической работы [см.: 10, с. 29],

третьи — как работу исполнителя, так и ее конечные результаты [см.: 12, с. 87]. Следует указать, что отмеченные точки зрения являются отражением дискуссии по вопросу о предмете и содержании понятия науки [см.: 3, с. 10]. Аналогичные точки зрения высказаны и по поводу предмета договора на проектно-исследовательские работы. Например, В. А. Рассудовский считает, что предметом договора является полученный результат, т. е. техническая документация [см.: 11, с. 104], а Ю. Г. Басин — как подлежащие производству работы, так и их результаты [см.: 2, с. 147]. И. П. Василевская, считая работу предметом договора, высказывает мнение о том, что если признать таковым результат работы исполнителя, то, во-первых, до стадии окончания действия исполнителя между контрагентами существуют безобъектные правоотношения, во-вторых, получение отрицательного результата оставляет правоотношение вообще безобъектным [см.: 5, с. 106—113]. С такими выводами трудно согласиться. С момента заключения договора и до его исполнения возникшие правоотношения имеют свой объект. Он определяется двумя документами: техническим заданием, в котором выражено содержание проблемы, и программой работ, выражающей вариант решения поставленной проблемы, в которых определены как сущность задания, намечен процесс ее решения, так и ожидаемый конечный результат. То обстоятельство, что только в конце работы выясняется соотношение полученного результата с ранее поставленной на стадии заключения договора целью, не означает, что до окончания работ договор является безобъектным. Понятно, что полученный научно-технический результат может соответствовать поставленной цели, а может и не соответствовать. Но он всегда отражает содержание поставленной задачи и соглашения сторон по предмету договора. Полученный ответ доказывает не больше того, что на условиях, согласованных сторонами, ожидаемый результат не мог быть получен, что и обуславливает признание полученного «отрицательного» результата предметом договорных отношений.

В. С. Толстой считает, что предметом договора является объективно выраженный результат. Он пишет: «...если бы действия научно-исследовательских, культурно-просветительных и подобных организаций не порождали объективного результата, то потребности кредитора, для удовлетворения которых установлено данное обязательство, остались бы неудовлетворенными, несмотря на совершение соответствующих действий должником» [13, с. 28]. Действительно, в итоге выполнения научно-исследовательских работ получается объективно выраженный результат. Однако получение результата и удовлетворение потребностей кредитора не находятся в прямой взаимозависимости, так как кредитора интересует не столько познание закономерностей, сколько возможность их использования в конкретных условиях. Отсюда следует, что объективный результат может иметь место,

но он может и не удовлетворять потребности кредитора в связи с невозможностью использования полученных знаний.

В. А. Рассудовский, отрицая работу как элемент предмета обязательств, пишет, что «производственная деятельность подрядчика так же, как деятельность заказчика,— это не предмет договора, а объект правового воздействия и в специфической форме прав и обязанностей кредитора и должника представляет собой содержание обязательства» [11, с. 78]. М. П. Ринг на это справедливо замечает: «Такое разделение приводит к тому, что сама деятельность исполнителя относится к содержанию правоотношений, а результат деятельности — к предмету правоотношений... эта точка зрения бессильна теоретически обосновать необходимость установления ответственности исполнителя за неисполнение либо ненадлежащее исполнение работы на отдельных этапах до ее окончательного завершения» [12, с. 86]. Сам М. П. Ринг высказывает мнение о том, что предметом договора является как сама работа, так и ее результат.

Современный этап научно-технической революции не только расширил и ускорил процесс создания и использования научно-технических результатов, но и в корне изменил характер связей между научным и материальным производством. Названные авторы рассматривают науку в двух аспектах, а именно как процесс научной деятельности и полученный научно-технический результат. Но это лишь одна из функций науки. Другая, характерная для современного периода,— участие организаций науки в реализации созданных знаний. Эта функция составляет второй элемент предмета обязательства в области научно-технического прогресса. «Практическое внедрение новых научных идей — это сегодня не менее важная задача, чем их разработка», — указывалось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XXV съезду КПСС [1, с. 48].

Правовая регламентация новой функции научных организаций находится еще в стадии нормативного становления. Так, постановление Совета Министров СССР «О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение плановых заданий и обязательств» от 27 октября 1967 г. установило ответственность конструкторских организаций за дефекты, обнаруженные в изготовлении и эксплуатации новых изделий. Позднее это положение было распространено на научно-исследовательские организации. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства» от 28 мая 1969 г. на проектные организации возложена ответственность за достижение проектных мощностей строящихся и реконструируемых предприятий и организаций. Понятно, что возложение ответственности правомочно при условии, если исполнителю предоставлены определенные права в период освоения заказчиком переданных научно-техни-

ческих результатов. Деятельность исполнителя на этом этапе осуществляется в различных правовых формах. Наиболее широкое применение на практике получил авторский надзор исполнителя в период освоения научно-технических результатов материальным производством.

Содержание авторского надзора независимо от видов обязательств имеет ряд общих моментов, которые обусловлены адекватностью процесса «овеществления» научно-технических знаний. Он выражается в оказании помощи и контроле со стороны исполнителя за деятельностью заказчика или третьих лиц на этапе освоения. Авторский надзор может входить как условие о предмете в заключенный договор и может оформляться новым соглашением. Например, исполнитель по договорам на проектные работы осуществляет отмеченную функцию науки на основе специального договора с заказчиком. Правовая особенность отмеченного договора состоит в том, что хотя соглашение заключается с заказчиком, но одновременно ему оказывается помощь и осуществляется контроль за строительными-монтажными организациями, т. е. с лицами, не являющимися сторонами в договоре. Объясняется это тем, что заказчик, как правило, не производит строительных работ, а передает их осуществление по договору строительным-монтажным организациям. В договорах на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ полученные результаты осваиваются непосредственно заказчиком. В этой связи осуществление авторского надзора является составным элементом обязательства. В отмеченных договорах, по мнению В. А. Рассудовского, «...правовой особенностью авторского надзора и технической помощи можно считать то, что в данном случае со стороны организации-исполнителя выполняются не работы, направленные на достижение материального результата, а обязательства, связанные с оказанием услуг заказчику» [9, с. 148].

Представляется, что оказание услуг не исчерпывает полностью содержания авторского надзора. В него входит и функция контроля исполнителя за надлежащим освоением результатов, переданных заказчиком.

Из анализа практики осуществления авторского надзора в промышленности можно сделать вывод, что он является системой мероприятий, проводимых исполнителем по услугам и контролю за правильностью освоения заказчиком переданных результатов, т. е. освоение в полном соответствии с замыслами исполнителя. Данный надзор направляется на достижение показателей, предусмотренных техническим заданием и программой работ, которая нашла отражение в переданной заказчику технической документации и образцах.

Авторский надзор осуществляется на производстве заказчика специалистами исполнителя. Он проводится по планам-графикам, согласованным сторонами. На выявленные во время над-

зора отклонения составляется карта отклонения (акт), которая рассматривается специалистами исполнителя и заказчика. В случае недоработки по вине исполнителя его работники в кратчайший технически возможный срок принимают меры по устранению отмеченных в карте (акте) замечаний. При достижении согласованных показателей стороны составляют акт приемки результатов работы. В период осуществления авторского надзора исполнитель имеет право:

- контролировать необходимые параметры и режим работы;
- требовать предъявления подтверждающих документов на материалы, комплектующие изделия, технологию, оборудование;
- вносить изменения в техпроцессы, методы контроля, режима загрузки, систему обслуживания, требовать приостановки освоения в случае нарушения технологических и производственных процессов до принятия необходимых мер.

Так, правила инструкции по авторскому надзору Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения устанавливают, что при выявлении во время проверок недопустимых отклонений в изготовлении машин руководитель конструкторской организации должен предъявить директору завода-изготовителя претензию с указанием на недопустимое отклонение и требованием о приостановке отгрузки готовых изделий до принятия мер по устранению выявленных отклонений. Получив претензию, директор завода обязан немедленно приостановить отгрузку изделий и согласовать с конструкторской организацией мероприятия, необходимые для доработки созданных с отклонениями изделий.

При невыполнении требований авторского надзора руководитель конструкторской организации сообщает об этом Главному производственному управлению и Главной инспекции по качеству продукции для окончательного решения вопроса.

Авторский надзор по отмеченным договорам осуществляется при условии, если он предусмотрен контрагентами по соглашению и расходы на его осуществление заложены в смете затрат по договору. Дело в том, что полученный результат не всегда возможно использовать в материальном производстве, например, получение отрицательного результата и т. д.

Если в ранее высказанных точках зрения на научно-исследовательские, опытно-конструкторские, технологические и проектные работы на первый план выдвигается создание научного результата и его итоги, то исследователи соглашения на передачу научно-технических достижений и опыта их использования предмет договора видят в научно-техническом результате (разработке) и опыте его освоения. Они исключают из содержания предмета работу, предшествующую передаче научно-технической разработки. Так, В. А. Дозорцев [см.: 17, с. 119] и Б. А. Пархов [см.: 18, с. 54] считают, что предметом исследуемого договора являются научно-технические разработки. Оказание по-

мощи в освоении они рассматривают как факультативные условия о предмете договора, а А. Быков [см.: 4, с. 9] и С. Волошко [см.: 5, с. 63—64] считают основным элементом предмета договора передачу опыта освоения, т. е. оказание услуг, объясняя это тем, что передача научно-технической документации в силу закона осуществляется на бездоговорной основе. Первоначальная практика заключения отмеченных договоров показала, что стороны не считали обязательным осуществление разработчиком каких-либо мероприятий, предшествующих передаче научно-технических достижений и опыта их использования. Зачастую обязанность разработчика ограничивалась тиражированием имеющейся у них научно-технической документации. Например, ЦНИИТМаш Москвы разработал каталог марок стали, цена которому была установлена в 7 руб. 80 коп. Однако на запрос Харьковского филиала ВНИИЛИТМаш выслал проект договора, где стоимость определялась в 47 руб. 80 коп., указав, что 40 руб. начисляются как вознаграждение, предусмотренное договором.

Такая практика заключения договоров и получения средств на премирование является неправомерной, так как расчеты в этом случае должны осуществляться на базе затрат, произведенных исполнителем на копирование научно-технической документации. О том, что для заключения соглашения разработчик должен осуществлять определенные мероприятия, предшествующие передаче созданных научно-технических разработок и опыта их освоения, закреплено в совместном разъяснении Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике и других ведомств, в котором отмечено, что данные договоры заключаются в случае:

— когда заимствующей стороне оказывается техническая помощь (изготовление и передача образцов, монтаж и наладка оборудования, совместные испытания и т. п.);

— когда передаваемая техническая документация специально перерабатывается применительно к условиям производства заимствующей стороны.

Понятно, что значение элементов предмета обязательств в различных соглашениях не равнозначно. Если в договорах на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ определяющее значение имеют работы по созданию научно-технического результата, то в договоре на передачу научно-технических достижений — опыт их освоения в форме услуги, оказываемой разработчиком получателю. Таким образом, независимо от вида обязательств в области научно-технического прогресса предметом договора будет как научно-технический результат, так и работа по его созданию и использованию. Следует отметить, что предметом договорных обязательств могут быть не все виды работы и их результаты в области научного производства, а только те, которые являют-

ся непосредственной предпосылкой к созданию новых производительных сил или новых видов продукции. Это правило либо прямо закреплено в нормативных актах, регламентирующих договорные обязательства, либо вытекают из их общего смысла. Так, Типовое положение о порядке заключения хозяйственных договоров и выдачи внутриминистерских заказов на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ отмечают, что предметом могут быть работы, связанные с использованием в промышленности и других отраслях народного хозяйства законченных результатов. Сам факт финансирования проектных работ за счет капиталовложений свидетельствует о том, что полученные результаты предназначены для использования в строительстве. Приведенные указания Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике и то, что средства на премирование работников предприятий и организаций-разработчиков, предусмотренные в договоре на передачу научно-технических достижений и опыта их использования, выплачиваются после внедрения переданных ими разработок, показывает, что отмеченный договор призван регламентировать отношения, связанные с освоением передаваемых научно-технических разработок. Таким образом, в содержание предмета договора в области научно-технического прогресса наряду с научно-техническим результатом входят как работа по его получению, так и работа, опосредствующая его освоение народным хозяйством.

Список литературы

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 256 с.
2. Басин Ю. Г. Правовые вопросы проектирования строительства.— В кн.: Правовое регулирование капитального строительства в СССР. М., «Юрид. лит.», 1972, с. 121—154.
3. Бернал Д. Ж. Наука в истории общества. М., «Иностр. лит.», 1956. 810 с.
4. Быков А. Договоры на передачу научно-технических разработок.— «Сов. юстиция», 1974, № 6, с. 9.
5. Василевская И. П. О предмете договоров на выполнение научно-исследовательских и конструкторских работ.— «Вестн. Ленингр. ун-та», 1973, № 17, с. 106—113.
6. Волошко С. Д. Про предмет договору на передачу науково-технічних досягнень.— «Рад. право», 1975, № 5, с. 63—64.
7. Дозорцев В. А. Новое в распространении научно-технических достижений в СССР.— «Плановое хозяйство», 1973, № 7, с. 118—124.
8. Пархов Б. А. Про договір оплатної передачі технічного досвіду.— «Рад. право», 1973, № 10, с. 52—54.
9. Рассудовский В. А. Научно-исследовательские организации и их договорные правоотношения по созданию и внедрению новой техники.— В кн.: Правовые вопросы научно-технического прогресса в СССР. М., «Наука», 1967, с. 121—170.
10. Рассудовский В. А. Государственная организация науки в СССР. М., «Юрид. лит.», 1971. 245 с.
11. Рассудовский В. А. Договоры на выполнение проектных и изыскательских работ в капитальном строительстве. М., Изд-во АН СССР, 1963. 160 с.

12. Ринг М. П. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., «Юрид. лит.», 1967. 198 с.
13. Голстой В. С. Исполнение обязательств. М., «Юрид. лит.», 1973. 202 с.

В. С. Шелестов, д-р юрид. наук

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА КОНТРАКТАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Последовательное претворение в жизнь современной аграрной политики партии обеспечивает превращение сельского хозяйства в высокоразвитую отрасль социалистической экономики. Этому содействует разработанная XXIV и далее развитая XXV съездами КПСС долговременная комплексная программа развития сельского хозяйства, которая знаменует собой новый этап практической реализации идей ленинского кооперативного плана [см.: 1, с. 49—54, 143—147, 199—206]. Зрелый социализм характеризуется ускоренным научно-техническим прогрессом, интенсивным развитием всех отраслей общественного производства, усложнением хозяйственных процессов. В этих условиях анализ правовых форм экономических связей между сельским хозяйством и промышленностью представляет большой интерес и практическую значимость. Прежде всего тут важно выявить правовую природу отношений по закупкам сельскохозяйственной продукции.

В юридической литературе до принятия нового гражданского законодательства были высказаны самые различные суждения о природе хозяйственной деятельности социалистических предприятий и организаций по государственной закупке сельскохозяйственных продуктов. Мнения авторов этих теоретических концепций могут быть сведены к нескольким основным направлениям. Представители одного из них считали, что контрактационные отношения опосредствуются либо договором подряда, либо договором поставки, другие — отождествляли договор контрактации с договором запродажи либо усматривали в нем черты договора купли-продажи, поставки и подряда, третьи — относили анализируемый договор к особому виду.

С принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и новых ГК союзных республик положение дел в названной области существенным образом изменилось. Теперь законом закреплено правило, по которому договор контрактации сельскохозяйственной продукции рассматривается в качестве самостоятельного договорного типа. В этих условиях, казалось бы, не должно возникать каких-либо сомнений в части юридической природы рассматриваемого договора, поскольку действующее законодательство уже содержит соответствующие установки на этот счет. Однако и при таких конечных выводах нельзя признать окончательно разрешенной проблему правовой природы анализируемого договора.

Обычно, характеризуя договор контрактации сельскохозяйственной продукции, многие исследователи в качестве отличительных черт, наряду с другими, свойственными иным договорам (например, признак плановости, субъектный состав), указывают такие, которыми не обладают другие виды хозяйственных договоров. К их числу некоторые авторы относят в качестве обязательных элементов договора контрактации, в частности:

1) организацию со стороны контрактанта встречной продажи колхозам промышленных и продовольственных товаров, строительных материалов, кормов для скота и т. д. [см.: 3, с. 123; 4, с. 20]; 2) оказание сдатчику необходимой организационно-хозяйственной, агрозоотехнической помощи по производству законтрактанной продукции и ее транспортировки [см.: 14, с. 221; 3, с. 103, 141—142; 4, с. 20]; 3) денежное авансирование сдатчика (колхоза) контрактантом, если хозяйство не переведено на прямое банковское кредитование [см.: 6, с. 21—22].

Такого рода признаки, как нам представляется, не являются существенными, предопределяющими правовую природу отношений по контрактации сельскохозяйственной продукции. Их анализ со всей очевидностью подтверждает беспочвенность приведенной выше аргументации. Если учесть, что первые два элемента хотя и упоминаются в условиях отдельных типовых договоров контрактации сельскохозяйственной продукции, однако не носят всеобщего и обязательного характера. Одни из них содержат обязательства заготовителя по встречной продаже продуктов его основной деятельности, отходов производства и оказанию производственно-хозяйственной помощи.

Вследствие неустойчивого характера отмеченных элементов их нельзя использовать в качестве классификационных признаков [см.: 13, с. 122—123]. Не лишне напомнить также и о том, что в отдельных отраслях промышленности, скажем, деревообрабатывающей, металлургической, мясомолочной по типу контрактационных отношений промышленные предприятия реализуют своим контрагентам основную продукцию и отходы производства по хозяйственным договорам в соответствии с действующим порядком и установленными нормами. Аналогичным образом обстоит вопрос и в отношении третьего элемента, поскольку денежное авансирование само по себе не может служить фактором, оказывающим существенное влияние на характер правомочий и обязанностей участников исследуемого договора. К тому же здесь уместно вспомнить и о существовавших в прошлом безавансовых контрактациях. Не лишне отметить и то, что в связи с переводом многих колхозов на прямое банковское кредитование исследуемый признак вообще теряет свою практическую значимость.

Из рассмотренных нами классификационных критериев юридической природы контрактационных отношений признак про-

изводственно-хозяйственной помощи является наиболее значимым. Однако его важность и урегулированность нормами действующего законодательства не могут и не должны оказывать существенного влияния на характеристику исследуемого договора. Это объясняется тем, что обязанность по оказанию контрактантом производственно-хозяйственной помощи в целях повышения уровня сельскохозяйственного производства по своей идее и сущности вообще не может носить договорного характера. Такая сфера деятельности под силу далеко не каждому и всякому участнику контрактационных отношений. Кроме того, данное положение в известной мере нарушает принципы специализации при формировании разнообразных органов социалистического государства, нередко допускает необоснованное вторжение контрактанта в сферу сельскохозяйственного производства, ведет к неоправданной подмене сельскохозяйственных органов и неквалифицированному руководству.

В этой связи следует признать верной практику, в соответствии с которой лишь изредка включаются в типовые договоры контрактации отдельных видов сельскохозяйственной продукции обязательства организационно-хозяйственного, агрозоотехнического или иного производственного характера. Такое явление не случайно, оно подготовлено всем ходом исторического развития отношений в области контрактации сельскохозяйственной продукции, неизменно отражающего происходящие изменения в экономическом базисе.

В качестве общей тенденции этого процесса следует отметить, что, во-первых, с каждым новым этапом в развитии контрактационных отношений элементы производственно-хозяйственного характера, вменяемые в обязанность контрактанта, занимают все меньший и меньший удельный вес в содержании правоотношений по государственной заготовке сельскохозяйственных продуктов, теряя по существу свой реальный смысл; во-вторых, необходимость оказания колхозам широкой разносторонней производственно-хозяйственной помощи в прошлом была вызвана недостаточным исходным уровнем сельскохозяйственного производства в период его становления. В силу этого требовалась постоянная помощь со стороны промышленности как более развитой и ведущей структурной отрасли народного хозяйства.

Обязанность по оказанию колхозам разноплановой производственно-хозяйственной помощи в области растениеводства и животноводства должна относиться непосредственно к ведению сельскохозяйственных органов как органов государственного управления специальной компетенции. При этом, разумеется, сфера влияния таких органов должна быть точно очерчена. Они не вправе, к примеру, подменять колхозы или вмешиваться в их организационно-оперативную деятельность. Эти функции они обязаны осуществлять с учетом особенностей колхозной собст-

венности в системе социалистического государства. Сказанное в полной мере подкрепляется положениями, содержащимися в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» [см.: 17].

Для подавляющей части контрактуемой продукции новым гражданским законодательством не установлены также обязательства и по организации со стороны контрактанта встречной продажи колхозам промышленных, продовольственных и других товаров. Такого рода положения вполне закономерны. Они вытекают из ст. 19 Конституции СССР о дальнейшем преодолении существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом и дальнейшим сближением на этой основе уровней жизни сельского и городского населения.

При таких условиях система встречной продажи продукции по существу исчерпала свои возможности, выполнив в целом отводимую ей роль. Определение новых начал во взаимоотношениях между участниками контрактационных обязательств позволило в основном отказаться от встречной продажи как средства установления связей между промышленностью и сельским хозяйством, рабочим классом и колхозным крестьянством.

Из всей суммы исследуемых признаков определяющими, по которым оценивается природа контрактационных отношений по государственной заготовке сельскохозяйственной продукции, являются как снабжение контрактанта определенными видами сельскохозяйственной продукции и сырьевыми источниками, так и их предварительное производство — необходимое условие поставки предмета договора [см.: 11, с. 157; 3, с. 103; 13, с. 128—129; 4, с. 19]. Названные черты анализируемого договора являются главными для характеристики системы контрактационных отношений. Однако это обстоятельство само по себе совершенно не исключает анализируемый договор из сферы товарного обращения, а скорее является его предпосылкой. Вот почему нельзя проводить резкой грани, как это делают некоторые авторы, между сферой товарооборота и сферой производства в процессе исполнения договора контрактации [см.: 22, с. 8—9]. Было бы неправильным также утверждать, что договор контрактации в отличие от договора поставки «не только сбытовой, но в определенной степени и производственный договор» [2, с. 65] или что он «охватывает элементы и производственного характера» [5, с. 59] либо характеризуется наличием «производственных обязательств» [8, с. 36] или оказывает «влияние на организацию производства сельскохозяйственной продукции» [10, с. 105]. На наш взгляд, это две стадии сложного и вместе с тем единого процесса, характеризующие контрактационные правоотношения. Без них невозможно теоретическое конструирование

договора контрактации. При таких условиях, вероятно, нет оснований для противопоставления функций сбыта и производства в договоре контрактации сельскохозяйственной продукции [см.: 15, с. 314].

По этим классификационным признакам предмета исследуемых обязательств невозможно провести различие между поставкой и контрактацией сельскохозяйственной продукции. Оба договора в качестве обязательного условия презюмируют элемент производственного характера. Попытки отдельных авторов наметить разграничительные линии между поставкой и контрактацией сельскохозяйственной продукции по предмету оказываются недоказуемыми [см.: 5, с. 59; 13, с. 128—129]. По таким договорам доставляется продукция, являющаяся результатом собственно производственной деятельности сторон (поставщика, изготовителя), хотя это условие не всегда обязательно для поставщика, который не является одновременно ее изготовителем. Некоторые авторы совершенно правильно подчеркивают, что договор поставки опосредствует отношения по перемещению как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции.

В то же время, на наш взгляд, необоснованно утверждение, что предметом договора поставки в отличие от договора контрактации может быть только такая поставляемая организацией продукция, которую она «не производит, а лишь закупает в колхозах (совхозах)» [5, с. 59]. Нельзя также проводить различие между поставкой и контрактацией по признаку наличия или отсутствия промежуточного звена между производителем и потребителем сельскохозяйственной продукции [см.: 23, с. 6]. Трудно согласиться и с тем, что исследуемые договоры отличаются сферой действия [см.: 13, с. 129] либо сферой применения [см.: 12, с. 101; 16, с. 156—157], подобно тому, как невозможно в качестве отличительного признака договора контрактации от договора поставки брать способ создания предмета обязательства [см.: 7, с. 26].

Уместно также заметить, что свойство производственного характера, присущее контрактационным отношениям, должно быть использовано не для отграничения договора контрактации от договора поставки, а напротив, для его сближения и включения на этой основе в состав поставочных договоров. Поэтому не заслуживают внимания высказывания отдельных авторов о недопустимости отождествления договора контрактации с договором поставки [см.: 14, с. 221].

Анализ контрактационных отношений дает основание сделать вполне определенный вывод о том, что договор контрактации сельскохозяйственной продукции содержит черты сходства многих видов хозяйственных договоров, среди которых находятся: поставка, купля-продажа, подряд. Больше всего здесь, бесспорно, можно обнаружить элементы договора поставки. Среди них прежде всего традиционные признаки. В этом усмат-

ривается известная преемственность. Не случайно поэтому контрактационные отношения по государственной заготовке сельскохозяйственных продуктов в свое время облекались в форму обязательных поставок. В то же время подобная характеристика отдельных сторон контрактационных отношений не исключает наличия в них и некоторых элементов других договоров. Так, в частности, законодательством предусматриваются такие обязательства производителя законтрактованной продукции, которые характеризуются отношениями купли-продажи. Только всесторонний учет удельного веса составных элементов в содержании конкретного юридического образования и их влияния на сферу правового регулирования определенных общественных отношений в состоянии обеспечить правильное построение системы хозяйственных договоров. Однако из этого нельзя делать вывода о том, что если у сторон нет длительных связей и обязательство о закупках исполняется при его оформлении, закономерно применение договора купли-продажи. Когда же продукция производится на промышленной основе, возможно использование договора поставки [см.: 4, с. 31].

Юридическую природу отношений по заготовке сельскохозяйственной продукции нельзя, безусловно, ставить в зависимость от того, передается ли предмет обязательства на началах собственности или оперативного управления [см.: 20, с. 57; 13, с. 122]. Такой режим в одинаковой мере используется как при купле-продаже, так и поставке материальных ценностей. Именно поэтому нельзя считать, что в отношениях с участием совхозов имеет место поставка, а с участием колхозов — купля-продажа. Систему договоров в области заготовки сельскохозяйственных продуктов невозможно конструировать по субъектной стороне правоотношений [см.: 3, с. 142]. Сущность договора, как известно, определяется не этими факторами. Вот почему представляется неверным искусственно разделять единый по своей юридической природе договор на два типа. Нет достаточных оснований и для такого утверждения, в соответствии с которым отношения по контрактации сельскохозяйственной продукции осложнены административно-правовыми элементами, относящимися к области формирования и доведения планов по закупкам сельскохозяйственной продукции до непосредственных исполнителей [см.: 3, с. 90]. Такими же свойствами обладают и отношения по поставке продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления.

По своим основным признакам и чертам контрактационные отношения не только примыкают к договору поставки [см.: 21, с. 65], но и всецело им поглощаются, в полной мере сохраняя свои специфические видовые отличия. В связи с этим правовой режим контрактационных отношений должен строиться применительно к договору поставки с учетом некоторых особенностей, обусловленных их свойством и характером. Именно поэтому не-

которые авторы рекомендуют в дополнение к договору поставки разработать Особые условия поставки сельскохозяйственной продукции, отражающие особенности контрактационных отношений [см.: 18, с. 7] или сформировать вместо двух договоров — поставки и контрактации — договор агропоставки [см.: 13, с. 185]. Такого рода положения не являются делом далекого будущего. Характерно, что они уже сейчас эпизодически находят свое отражение во взаимоотношениях заготовительных и сельскохозяйственных органов. Так, скажем, отдельные плодоовощные совхозы и социалистические организации к отношениям по заготовке фруктов и винограда применяют законодательство не о контрактационных договорах, а о поставке продукции.

Обобщая практику разрешения споров, возникающих при исполнении договоров контрактации, Госарбитраж СССР и Верховный Суд СССР считают подобное положение недопустимым [см.: 19, с. 100; 9, с. 8]. Мнение аналогичного порядка разделяется также и в правовой литературе [см.: 5, с. 61]. С такими установками союзного арбитража, Верховного Суда СССР и позиции отдельных авторов, как нам представляется, согласиться трудно. В изменении направления правовой регламентации отношений по государственной закупке сельскохозяйственных продуктов следует усматривать новые явления, которые характеризуют перерастание контрактационных отношений в поставочные. В их основе — интенсивное сближение правовых режимов основных двух форм социалистической собственности и постепенное их слияние в единую коммунистическую собственность, существенная индустриализация общественного колхозного производства, его специализация и концентрация на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Этот процесс, думается, будет и дальше развиваться, распространяя законодательство о поставке на все виды заготавливаемых в порядке плановой, сверхплановой или внеплановой контрактации сельскохозяйственной продукции и сырья. Свидетельство тому — правовое регулирование заготовки продуктов сельскохозяйственного производства между органами потребительской кооперации и предприятиями промышленности и государственной торговли, хозяйственные отношения которых регламентируются договором поставки. Кстати, было бы неразумным к отношениям между сельскохозяйственными и заготовительными организациями применять правовые акты о контрактации, а между последними и непосредственными потребителями — нормы Положений о поставках продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления. К тому же следует отметить, что подобное различие в правовой нормировке складывающихся отношений между участниками контрактационных и поставочных договоров неизбежно влечет за собой известные коллизии по отдельным условиям обязательств. Для такого теоретического построения взаимоотношений по изготовлению, постав-

ке и использованию продуктов сельскохозяйственного производства отсутствуют достаточные предпосылки. Ведь в процессе перемещения сельскохозяйственной продукции и сырья не изменяется сколько-нибудь правовой статус участников хозяйственно-договорных обязательств. Здесь можно, пожалуй, констатировать лишь смену одних субъектов другими без существенного видоизменения характера правомочий и обязанностей сторон, хотя нередко с этим моментом связывается отграничение одного договора от другого [см.: 13, с. 126; 16, с. 156]. Не подвергается какому-либо изменению и объект указанных правоотношений.

При таком положении отсутствуют веские юридические основания к установлению в анализируемых правоотношениях различного режима правового регулирования. Те и другие отношения как однотипные по своей сущности и характеру должны регулироваться одними нормативными актами. Законодательную регламентацию подобного рода отношений нельзя разрывать на отдельные части, ее надо рассматривать в органическом единстве. В этом важнейшее требование внутренней консолидации нормативных актов, основа стабильности законодательства и эффективности воздействия права на общественные отношения в условиях внедрения новых методов планирования и управления народным хозяйством.

Список литературы

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с.
2. Баховкина Л. Н. Регулирование заготовок сельскохозяйственных продуктов.— «Сов. государство и право», 1965, № 3, с. 65—68.
3. Баховкина Л. Н. Государственные закупки сельскохозяйственной продукции. М., «Юрид. лит.», 1973. 216 с.
4. Баховкина Л. Н. Регулирование государственных закупок сельскохозяйственных продуктов у колхозов и совхозов. (Правовые проблемы). Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. М., 1976. 34 с.
5. Бичкова Ц. Про сферу застосування договору контракції сільськогосподарської продукції.— «Рад. право», 1966, № 5, с. 59—62.
6. Боровиков Н. А. Договор контрактации сельскохозяйственной продукции. М., Госюриздат. 1963. 80 с.
7. Боровиков Н. А. Договор контрактации сельскохозяйственной продукции. М., «Юрид. лит.», 1971. 176 с.
8. Боцян Ц. В. Значение и особенности договорных отношений колхозов с государственными организациями. Киев, Изд-во АН УССР, 1957. 152 с.
9. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 8—11.
10. Глинкин Я. С. Договор контрактации сельскохозяйственной продукции и его правовые особенности.— «Сов. государство и право», 1966, № 10, с. 104—108.
11. Козырь М. И. Работа в области теории колхозного права.— «Сов. государство и право», 1971, № 1, с. 155—157.
12. Лурье С. М. Особенности правового регулирования контрактации сельскохозяйственной продукции.— «Сов. государство и право», 1969, № 7, с. 95—101.
13. Лурье С. М., Козырь М. И. Договорные отношения сельскохозяйственных предприятий в СССР. М., «Наука», 1974. 311 с.

14. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. М., Госюриздат, 1962. 419 с.
15. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. М., «Юрид. лит.», 1966. 640 с.
16. Первушин А. Г. Хозяйственный договор в деятельности предприятий сельского хозяйства. М., «Юрид. лит.», 1976. 224 с.
17. «Правда», 1976, 2 июня.
18. Семюсов В. А. Договорные отношения по материально-техническому обеспечению сельского хозяйства. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук, М., 1969. 25 с.
19. Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. Вып. 26. М., «Юрид. лит.», 1967. 120 с.
20. Столярчук Д. Правове регулювання державних заготівель сільськогосподарських продуктів.— «Рад. право», 1966, № 9, с. 55—59.
21. Яковлев В. Ф. Основные черты договора контрактации.— «Правоведение», 1963, № 3, с. 58—66.
22. Яковлев В. Ф. Договор контрактации сельскохозяйственной продукции в советском гражданском праве. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. 1963. 24 с.
23. Яковлев В. Н. Правовое регулирование заготовок фруктов и винограда. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Кишинев, 1964. 25 с.

О. Н. Кудрявцев, канд. юрид. наук

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАКА В СССР

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, а также республиканские семейные кодексы не содержат определения брака, хотя в период обсуждения проектов этих законов было высказано предложение законодательно определить понятие брака и семьи.

Брак — сложное, многоаспектное явление социальной жизни. Как общественное отношение между мужчиной и женщиной он представляет средоточие нравственных отношений супругов, их половой близости, функции рождения и воспитания детей, взаимопомощи, имущественных отношений. Брачное отношение становится правовым лишь постольку, поскольку оно подвергается юридическому нормированию. Но последнему подвержены не все стороны брака, а только условия и порядок его заключения (прекращения), имущественные и отдельные личные неимущественные отношения супругов.

Основы (ст. 6) и КоБС, указывая, что «признается только брак, заключенный в государственных органах записи актов гражданского состояния», не конструируют понятие брака, а исходят из нормально существующих в повседневной жизни фактических отношений между мужчиной и женщиной. Государство и право учитывают и то, что эти отношения могут быть не оформленными, но данное обстоятельство не влечет их неправомерности. Наоборот, они принимаются во внимание как правообразующие факторы при установлении отцовства, права на жилую площадь и т. п. Но установление государственной реги-

страции браков способствует их защите и устойчивости, охране законных прав и интересов супругов, родителей, детей, контролю за соблюдением условий вступления в брак и тем самым воспрепятствованию заключению браков, противоречащих закону и морали (например, браки в раннем возрасте, вредные для здоровья, между близкими родственниками, совершенные по принуждению и т. п.), демографическому учету и прогнозированию народонаселения.

Признавая юридически значимыми только такие брачные отношения, которые оформлены в установленном законом порядке, все кодексы воспроизвели текст ст. 9 Основ: «Брак заключается в государственных органах записи актов гражданского состояния. Регистрация брака устанавливается как в интересах государственных и общественных, так и с целью охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей. Права и обязанности супругов порождает лишь брак, заключенный в государственных органах записи актов гражданского состояния».

Но из этого общего правила закон делает исключения для религиозных браков, совершенных до образования или восстановления советских органов загса (ч. 3, ст. 6 Основ.). Из этого исходят все республиканские кодексы и воспроизводят соответствующие правила. Вместе с тем кодексы Узбекской и Таджикской ССР дополняют указанную норму положениями, связанными с историей образования этих республик. Так, ст. 14 КоБС Узбекской ССР приравнивает к бракам, зарегистрированным в органах загса, браки, совершенные по религиозным обрядам на территории бывших Бухарской и Хорезмской народных советских республик, вошедших по государственному национальному размежеванию в состав Узбекской ССР, до 1 октября 1928 г., а на остальной территории Узбекской ССР — до 20 декабря 1917 г. В соответствии со ст. 12 КоБС Таджикской ССР были приравнены браки, совершенные по религиозным обрядам на территории этой республики до 19 декабря 1929 г., к бракам, зарегистрированным в органах загса.

Установление кодексами этих республик определенных дат, после которых совершение религиозных браков не влечет правового значения, объясняется стремлением избежать на практике затруднений, связанных с определением времени фактического образования и функционирования органов загса в разных районах этих республик. В Основах нельзя было предусмотреть одну общую дату в качестве предельной для признания правового значения религиозных браков, так как союзные республики в разное время приняли законы о правовом регулировании брака государством.

Поскольку Основы придали правовое значение только совершенным до образования или восстановления органов загса религиозным бракам возникает вопрос о допустимости приравнивания к ним браков, оформленных иным путем, например, по об-

рядом, сложившимся на основе обычаев (ст. 6 КоБС Казахской ССР), по законам места их заключения репатриантами до их возвращения в Армянскую ССР (ст. 6 КоБС Армянской ССР):

Следует полагать, что в указанных случаях кодексы не вышли за пределы допускаемых Основами признаков действительности иных браков. Как известно, Основы закрепили важные общие положения, в соответствии с которыми строится и республиканское законодательство. Критерием для урегулирования отдельных отношений в Основах служила также их распространенность (хотя бы и в прошлом). Учитывая, что в дореволюционной России господствующей формой брака была религиозная, именно этой, а не какой-либо иной, было придано правовое значение.

Между тем, в Казахстане наряду с мусульманским правом (шариат) длительное время применялось обычное право казахов, особенно кочевников-скотоводов (адат). Нормами последнего широко регламентировались семейные отношения, имело место взаимопроникновение тех и других норм. Поэтому данное обстоятельство и было учтено в ст. 6 КоБС Казахской ССР.

Судебная практика и до принятия Основ признавала браки, оформленные за границей по законам иностранного государства, и вопрос об их действительности в конкретных случаях решался на основании норм, предусматривающих материальные условия действительности брака [см.: 2, с. 216—217].

С тем чтобы брак был серьезно продуманным шагом в жизни людей, решающих создать союз на всю жизнь, ст. 9 Основ предусматривает, что брак должен заключаться по истечении месячного срока после подачи заявления в загс. В кодексах РСФСР, Белорусской, Молдавской, Азербайджанской, Армянской, Киргизской, Таджикской, Туркменской и Эстонской союзных республик предусмотрена возможность как снижения, так и увеличения этого срока, тогда как в кодексах Украинской, Грузинской, Казахской, Узбекской, Латвийской, Литовской союзных республик предусматривается лишь возможность снижения этого срока. Представляется более правильным решение вопроса в первой группе кодексов, так как оно позволяет учесть все возможные уважительные причины как для увеличения, так и для сокращения этого срока. Увеличение месячного срока, если оно вызвано необходимостью проверить важные обстоятельства, имеющие значение для брака и будущей семьи, служит дополнительной гарантией укрепления семьи. Уважительными причинами для сокращения этого срока могут быть необходимость срочного выезда в другую местность кого-либо из брачующихся и т. д.

В большинстве индексов не оговорено, кто вправе просить об увеличении или сокращении месячного срока. Следует согласиться с мнением о том, что с такой просьбой могут обратиться не только сами вступающие в брак, но и их родители, а в отдель-

ных случаях государственные или общественные организации [см.: 3, с. 179].

Законодательство о браке и семье придает важное значение свободе и добровольности брака как его незыблемому принципу и неперемennomу условию. С учетом этого требования ст. 10 Основ устанавливает необходимость взаимного согласия лиц, вступающих в брак. Кодексы, не ограничившись, воспроизведением данного положения, закрепили правила, позволяющие наиболее полно выявить наличие этого согласия. По большинству кодексов желающие вступить в брак лично подают заявление об этом в орган загса. По истечении месячного срока регистрация брака производится в присутствии лиц, вступающих в брак. В этой связи заслуживает одобрения ст. 162 КоБС Казахской ССР, предусматривающая изъятие согласия брачующимися при самой церемонии регистрации брака.

Исходя из стремления обеспечить свободное выражение желания вступить в брак закон не признает заключения (оформления) брака через представителя. При невозможности личной явки для регистрации брака по уважительной причине, она может быть перенесена на другой приемлемый срок. Ст. 177 КоБС УССР предусматривает в этом случае — регистрацию брака на дому, в больнице или в другом месте, если эти лица не могут прибыть в загс вследствие тяжелой болезни или по другой уважительной причине.

Внешнее выражение согласия на вступление в брак должно соответствовать правильно сформированной и разумной воле. Не может быть поэтoму заключен брак с лицом, признанным судом недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия (ст. 10 Основ).

Несмотря на то что в законе не содержится указания о запрещении заключать брак лицу, временно находящемуся в состоянии, когда оно не могло отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, такой вывод может быть сделан из анализа ч. 1 ст. 10 Основ. Согласие на вступление в брак представляет собой такой волевой акт, где сочетаются одновременно сознание и воля. Состояние сильного опьянения, как патологическое, так и физиологическое, временное расстройство психики делают порочной волю. Но этим не устанавливается новое основание недействительности брака, ибо брак — осознанное действие, совершение которого в состоянии опьянения, расстройства психики исключается. Именно поэтому в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР «О некоторых вопросах, возникающих в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР» от 21 февраля 1973 г. указано, что суды должны признавать брак недействительным по мотиву отсутствия взаимного согласия лиц, вступающих в брак, если согласие на его заключение было дано лицом, которое в то время не могло отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, а по выздоровлению

не продолжало супружеских обязанностей [см.: 1, с. 5—8].

Брак недействительный по этому основанию страдает пороком воли (согласие на его заключение), а не дееспособности, так как недееспособным гражданином признается судом при наличии предусмотренных законом условий.

Нельзя также говорить о правильно сформированной воле в случае заключения брака кем-либо из брачующихся под влиянием обмана или существенного заблуждения.

Неправомерное воздействие на волю имеет место и в случаях понуждения женщины к вступлению в брак путем угрозы, насилия, похищения, уплаты родственникам вознаграждения. Эти пережитки прошлых обычаев все еще встречаются в отдельных союзных республиках, где предусмотрена уголовная ответственность за принуждение женщины вступить в брак против ее воли на основании местного обычая.

Кроме того, внешне выраженное согласие на вступление в брак должно соответствовать действительному намерению создать семью, а не достижению иных целей, например, приобретению жилой площади, прописке и т. п. В соответствии со ст. 15 Основ такие браки считаются фиктивными и не влекут возникновения личных и имущественных прав супругов.

Для признания действительности брака необходимо достижение вступающими в брак брачного возраста. Это условие свидетельствует о заботе государства о здоровье брачующихся, их духовном и физическом развитии, способности создать семью и обеспечить правильное воспитание детей.

Основы в ст. 10 предусмотрели общий брачный возраст для мужчин и женщин в 18 лет, вместе с тем предоставлена союзным республикам возможность снижения брачного возраста, но не более чем на два года. Этот общий брачный возраст для мужчин и женщин был воспринят всеми союзными республиками, кроме Украины и Узбекистана, определивших для женщин брачный возраст в 17 лет. В законодательстве восьми республик предусмотрена возможность снижения брачного возраста в отдельных исключительных случаях по решению исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся как для женщин, так и для мужчин (в РСФСР не более чем на два года, в остальных семи республиках — один год), в шести других республиках допускается снижение возраста до одного года только для женщин. Узбекская ССР снижение возраста вообще не допускает.

Регламентация препятствий к заключению брака — состояние в другом браке, наличие родственных отношений, недееспособность кого-либо из вступающих в брак — производится КОбС республик идентично, в соответствии с Основами.

Все кодексы воспроизводят ст. 15 Основ о возможности признания брака недействительным в судебном порядке при нару-

шении условий его заключения, а также в случае регистрации брака без намерения создать семью (фиктивный брак).

И здесь республиканское законодательство не ограничивается приведением положений, сформулированных Основами, а развивает их. Так, в Основах не содержится прямого указания на то, что фиктивен только брак, в который обе стороны вступают без намерения создать семью, поэтому КоБС Армянской, Киргизской, Латвийской, Эстонской ССР предусмотрели, что брак может быть признан фиктивным и в том случае, если один из супругов зарегистрировал его без намерения создать семью. Представляется, что такое решение вопроса больше отвечает потребностям судебной практики в борьбе с недобросовестными действиями при заключении брака одной, а не обеих сторон и соответствует воспитательной роли закона.

Республиканское законодательство дифференцирует такое основание недействительности брака как отсутствие явно выраженного согласия на его заключение: «по принуждению» (Грузия, Узбекистан), «по принуждению одного из супругов другим супругом или по принуждению другими лицами одного или обоих супругов» (Киргизия), «женщиной по принуждению» (Азербайджан, Армения, Казахстан), «по принуждению или обману» (Таджикистан, Туркменистан), «по пережиточным обычаям родового быта» (Туркменистан), «в силу старых обычаев» (Казахстан), «без согласия одного из супругов» (Латвия), что объясняется задачами борьбы с остатками старых обычаев в семейных отношениях. В данном случае кодексы не выходят за пределы оснований признания брака недействительным, предусмотренных в Основах. Как отметил В. А. Рясенцев, заключение брака в силу старых обычаев представляет собой, по существу, разновидность нарушения условия о взаимном согласии [см.: 3, с. 142].

Если при расторжении брака правовые отношения между супругами прекращаются на будущее, то при признании его недействительным такие отношения считаются несуществовавшими и в прошлом. У лиц, состоящих в недействительном браке, никаких супружеских прав и обязанностей не возникает. Ст. 15 Основ решила лишь вопрос о правовом положении детей, рожденных в браке, признанным недействительным. Указав, что это обстоятельство не влияет на права детей, отнесла установление конкретных последствий признания брака недействительным к республиканскому законодательству. Эти вопросы решены в кодексах идентично. Супругу, изменившему фамилию при вступлении в брак, признанный впоследствии недействительным, присваивается его добрая фамилия. К отношениям по поводу имущества, приобретенного лицами в недействительном браке, применяются не правила КоБС, а правила ГК об общей собственности, по которым имущество принадлежит лицу, на имя которого оформлены правоустанавливающие документы. Право на

имущество для другого супруга может возникнуть только тогда, когда он докажет свое участие в его приобретении трудом или средствами. Из факта состояния в недействительном браке не возникает прав по взаимному содержанию супругов, прав на наследство, пенсию после смерти одного из них.

Вместе с тем кодексы проводят различия между добросовестным супругом, не знавшим о наличии препятствий к регистрации брака, и супругом, действовавшим виновно, скрывшего, например, тот факт, что он состоит в другом браке. Вопрос о правах добросовестного супруга в недействительном браке наиболее последовательно и логично разрешен ст. 47 КоБС Казахской ССР, предусмотревшей право добросовестного супруга на получение содержания от другого супруга, на раздел имущества по правилам КоБС, на сохранение избранной при регистрации брака фамилии независимо от оснований признания брака недействительным. По КоБС Украинской и Грузинской ССР это право предоставлено супругам, которые не знали и не должны были знать о таких препятствиях. В других республиках возможность применения к добросовестному супругу норм об алиментировании и режиме имущества ограничено случаями сокрытия одним из супругов факта состояния в другом браке или принуждения другого к вступлению в брак (Туркменистан, Узбекистан).

Вместе с тем право на сохранение фамилии, избранной при вступлении в брак, принадлежит добросовестному супругу независимо от того, нарушение какого условия повлекло признание брака недействительным¹.

Не предусматривают возникновения никаких прав для добросовестного супруга кодексы: Таджикской ССР, имущественных — Литовской ССР, по поводу приобретенного имущества — Армянской ССР, на фамилию, принятую при вступлении в брак — Грузинской, Эстонской ССР. Право на алиментирование ограничено условием возникновения нетрудоспособности в период недействительного брака по КоБС Армении, Узбекистана, Украины. Вряд ли перечисленные различия можно объяснить национальными особенностями и, на наш взгляд, правовое регулирование последствий признания брака недействительным требует унификации.

Законодательство союзных республик, действовавшее до принятия Основ, за отдельными исключениями не решало вопроса о том, может ли брак, заключенный с нарушением принципа единобрачия с недееспособным или несовершеннолетним лицом или фиктивно, стать правомерным при отпадении обстоятельств, препятствовавших его законности. Например, лицо вступило во второй брак, не расторгнув первый, но впоследствии супруг по первому браку умер или был расторгнут первый брак; вступивший в брак душевно больной выздоровел и признан дееспособным;

¹ По КоБС Литовской ССР это право принадлежит супругу независимо от его добросовестности.

несовершеннолетний супруг достиг брачного возраста; лица, вступившие в фиктивный брак, затем создали семью.

Сейчас законодательство союзных республик обусловило возможность признания брака недействительным с сохранением обстоятельств, препятствующих признанию правомерности брака. При отпадении к моменту рассмотрения дела судом этих обстоятельств брак может быть признан действительным с момента отпадения последних¹.

Вряд ли следует признать правильной соответствующую норму в КоБС УССР, которая, в отличие от всех других кодексов, сформулировала для этого случая правило в императивной форме: «брак не может быть признан недействительным». Ведь при рассмотрении дела может выясниться недобросовестное поведение сторон, а суд будет лишен возможности признать брак недействительным, хотя бы и отпали обстоятельства, препятствовавшие его заключению.

Вопрос о санировании (оздоровлении) фиктивного брака решается кодексами в зависимости от возникновения или существования между сторонами семейных (брачных) отношений то ли императивно: «не может быть признан фиктивным» (РСФСР, Молдавия, Литва, Туркменистан, Киргизия, Грузия, Таджикистан, Узбекистан), то ли устанавливая возможность признания его действительным (Армения, Казахстан). Следует признать правильной позицию последних, передавших разрешение этого вопроса на усмотрение суда. Это дает больше возможностей для выбора правильного решения, исходя из всесторонней оценки каждого конкретного дела и защиты интересов добросовестного супруга в фиктивном браке. В повседневной жизни не так уж редки ситуации, когда недобросовестное лицо, вступая в фиктивный брак, идет даже на лицемерную близость, чтобы создать видимость супружеских отношений.

Отсутствие в кодексах остальных республик правил о последствиях санации фиктивного брака следует отнести к пробелу. Ведь нельзя при решении вопроса о действительности фиктивного брака применить общее правило об отпадении обстоятельств, препятствующих его заключению.

Список литературы

1. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1973, № 5, 16 с.
2. Орлов А. Н. Брак и семья в международном частном праве. М., «Международные отношения», 1966. 253 с.
3. Рясенцев В. А. Семейное право. М., «Юрид. лит.», 1971. 296 с.

¹ Хотя в кодексах отдельных республик не указано, в чью компетенцию входит признание брака действительным, следует полагать, что и в этих случаях это производится судом.

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРУЗОПОЛУЧАТЕЛЯ В ДОГОВОРЕ
ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ**

Договор перевозки грузов заключается грузоотправителем и перевозчиком, но в нем участвует и третье лицо — грузополучатель, которому железная дорога обязана выдать доставленный груз. Однако грузополучатель — это не просто адресат исполнения договора. Он приобретает и права по договору и в свою очередь несет перед перевозчиком ряд обязанностей. Четкое определение правового положения грузополучателя в договоре перевозки имеет большое значение, так как от этого зависит и правильное применение правовых норм, регулирующих отношения между грузоотправителем и грузополучателем, между перевозчиком и его контрагентами, а также и пути дальнейшего совершенствования транспортного законодательства, упорядочение практики разрешения хозяйственных споров, связанных с перевозками грузов [см.: 3, с. 24—25]. В литературе вопрос о правовом статусе грузополучателя до сих пор является спорным и требует дальнейшего исследования.

При рассмотрении этого вопроса, как представляется, необходимо учитывать особенности транспорта как отрасли материального производства, а именно то, что при транспортировке грузов происходит потребление самого перевозочного процесса и грузоотправителем и грузополучателем. Грузоотправитель действует при этом в пункте приема и отправления груза, а грузополучатель — в пункте назначения и выдачи груза. Это накладывает определенные обязанности на участвующих в перевозке лиц перед транспортом.

По Уставу железных дорог СССР грузополучатель обязан в установленный срок полностью выгрузить и вывезти груз, прибывший в его адрес, очистить, а при необходимости промыть и продезинфицировать перевозочные средства, внести все причитающиеся железной дороге платежи и т. д. Содержание этих обязанностей указывает, что в правоотношениях по перевозкам не только грузоотправитель, но и грузополучатель выступает в качестве стороны — контрагента транспорта. Между тем, анализируя нормы Устава железных дорог СССР, можно убедиться и в другом, что договор перевозки грузов железнодорожным транспортом является таким договором, в котором на каждой стадии перевозочного процесса участвует всегда только две стороны, но в ходе его исполнения на одной и на другой сторонах происходит замена лиц.

Обязательственные отношения, как известно, имеют относительный характер. Однако гражданским законодательством допускается переход прав требований и обязанностей между определенными лицами к другим лицам как в порядке общего пре-

омства (универсального), так и в порядке частного (сингулярного) преемства в отдельном правоотношении. Частное (сингулярное) преемство имеет место и в договоре перевозки грузов железнодорожным транспортом. Замена одного транспортного предприятия другим производится без участия контрагентов транспорта (грузоотправителей и грузополучателей), и только поэтому для последних перевозчик является как бы одним транспортным предприятием. Иначе обстоит дело при замене лиц на стороне контрагентов железнодорожного транспорта.

Особенность возникновения отношений по перевозкам грузов состоит в том, что им всегда предшествуют другие имущественные отношения, связанные с движением вещей — материальных ценностей от социалистического предприятия одной отрасли к социалистическому предприятию другой. Действия грузоотправителя (поставщика) и грузополучателя (потребителя) по отправке груза в адрес получателя всегда согласованы между последними [см.: 1, с. 384]. Например, в Положении о поставках продукции производственно-технического назначения указывается, что поставщик и покупатель в договоре поставки определяют способ доставки продукции, вид транспорта (п. 32). Таким образом, договором поставки предreshается взаимное участие поставщика и покупателя в будущих правоотношениях по перевозкам. Договор поставки является своего рода соглашением о таком обоюдном участии в перевозке. Он обязывает поставщика сдать груз транспортной организации для перевозки и вручения покупателю, указав последнего в железнодорожной накладной в качестве грузополучателя. Сдачей груза транспортной организации для перевозки фактически и исполняется обязанность поставщика перед покупателем по договору поставки.

Поставщик, вручив груз транспортному предприятию к перевозке, не только передает покупателю право оперативного управления на груз, но и переводит на него права и обязанности стороны в договоре перевозки. В дальнейшем он фактически из этого договора выбывает, поскольку исполнил свою обязанность перед покупателем по договору поставки, а перевозчик выполняет перевозку уже для грузополучателя или, говоря образно, работает не на грузоотправителя, а на грузополучателя. Поэтому, естественно, железная дорога, просрочившая доставку груза, несет по договору перевозки материальную ответственность не перед грузоотправителем, а перед грузополучателем (ст. 153 УЖД). В процессе исполнения договора перевозки грузов произошла замена лиц на стороне контрагента транспорта. Договор перевозки — двусторонний договор, т. е. обе стороны взаимно имеют права и несут обязанности. Соответственно и замена одного контрагента другим, происходит одновременно и в форме уступки права требования, и перевода долга.

Замена лиц в договоре перевозки грузов, как в двустороннем обязательстве, возможна при наличии соглашения об уступ-

ке права требования между грузоотправителем и грузополучателем и согласия перевозчика как кредитора на перевод долга грузоотправителем на грузополучателя [см.: 4, с. 390]. Соглашение об уступке грузоотправителем права требования грузополучателю обычно всегда имеется налицо как одно из условий договора поставки или иного договора, послужившего причиной заключения договора перевозки. Существование отношений между контрагентами транспорта, предшествующих договору перевозки, настолько естественно и обычно, что нормы Устава железных дорог СССР презюмируют их наличие. В силу презумпции существования таких отношений перевозчик заключает договор перевозки (заранее исходя из этого) на условиях замены лиц на стороне контрагента, а грузополучатель по прибытии груза в его адрес обязан действовать как сторона в договоре перевозки груза. В частности, в Уставе железных дорог СССР указано, что в случае прибытия груза, поставка которого не предусмотрена планом (договором, заказом, нарядом), грузополучатель обязан принять его от станции на ответственное хранение. Он несет ответственность за порчу и повреждение, которые произошли вследствие несвоевременной выгрузки и вывоза груза, а также задержки вагонов на подъездных путях и станциях по зависящим от него причинам (ст. 63). Что же касается согласия перевозчика как кредитора на перевод долга грузоотправителем на грузополучателя, то здесь надо учитывать, что, принимая груз к перевозке вместе с накладной, в которой указан грузополучатель, перевозчик (железная дорога) фактически дает такое согласие [см.: 5, с. 34]. Перевозчику замена лиц на стороне контрагента юридически безразлична, объективно для него на каждой стадии перевозочного процесса контрагентом по договору перевозки груза является тот, кому принадлежит право владения грузом (грузовладелец).

Устав железных дорог СССР и регулирует отношения по перевозке грузов с учетом перевода всех прав и обязанностей по договору с грузоотправителя на грузополучателя. В ст. 64 предусмотрено, что грузы выдаются на станции назначения грузополучателю, указанному в накладной, после внесения всех причитающихся железной дороге платежей. Согласно ст. 75 железная дорога может отправить груз, не ожидая внесения грузоотправителем провозной платы за перевозку при сдаче груза. В этом случае окончательные расчеты по перевозкам производятся на станции назначения между железной дорогой и грузополучателем.

Согласно ст. 198 ГК УССР и соответствующих статей ГК союзных республик кредитор, уступивший требование другому лицу, обязан передать ему документы, удостоверяющие право требования. Это общее правило отражено в Уставе железных дорог СССР, связывая перевод прав и обязанностей по договору перевозки с грузоотправителя на грузополучателя с фактом пере-

дачи надлежащих правоустанавливающих документов. Такими надлежащими правоустанавливающими документами, которые удостоверяют право требования к перевозчику по договору перевозки, являются железнодорожная накладная и грузовая квитанция. Железнодорожная накладная — основной перевозочный документ, подтверждающий права и обязанности сторон в договоре перевозки груза, но она сопровождает груз и выдается грузополучателю вместе с грузом на станции назначения. Поэтому до прибытия груза на станцию назначения требования к перевозчику, вытекающие из договора перевозки, удостоверяются грузовой квитанцией. Они могут быть заявлены или грузоотправителем, или грузополучателем в зависимости от того, у кого находится грузовая квитанция. Однако после выдачи грузополучателю железнодорожной накладной на станции назначения данная квитанция утрачивает значение правоустанавливающего документа. С этого момента требования к перевозчику, вытекающие из договора перевозки груза, могут предъявляться только грузополучателем. Таким путем Устав железных дорог СССР строго разграничивает участие в договоре перевозки в качестве стороны или грузоотправителя или грузополучателя. К грузоотправителю в порядке преемства переходят все права и обязанности контрагента транспорта — стороны в договоре перевозки грузов. Объем этих прав определяется накладной, которая является письменной формой договора перевозки. По прибытии груза на станцию назначения грузополучатель как преемник прав и обязанностей по договору перевозки груза несет перед железной дорогой всю ответственность по данной перевозке. При этом грузополучатель может взыскать с грузоотправителя уплаченные им железной дороге вследствие неправильных действий грузоотправителя штрафы и сборы, а также расходы и убытки, связанные с перевозкой.

Устав железных дорог СССР с учетом замены лиц в процессе перевозки на стороне контрагента транспорта регулирует и порядок изменения первоначального грузополучателя или переадресовки груза [см.: 2, с. 120] и порядок предъявления претензий и исков по договору перевозки груза. Так, при полной утрате груза, когда невозможно представить накладную, следовавшую с грузом, претензию и иск к перевозчику о возмещении стоимости груза может предъявить грузоотправитель или грузополучатель в зависимости от того, у кого находится грузовая квитанция, удостоверяющая право требования по договору перевозки. В остальных случаях (просрочки в доставке груза, задержки в выдаче груза, недостачи, порчи или повреждения груза) право на предъявление претензии и иска имеет только грузополучатель как сторона в договоре, при условии представления накладной и актов, удостоверяющих факт нарушения перевозчиком обязательств по перевозке (ст. 169 УЖД).

Итак, из вышеизложенного можно сделать вывод, что в до-

говоре перевозки грузов железнодорожным транспортом в каждый конкретный момент его действия всегда участвуют только два лица — транспортное предприятие и грузоотправитель или грузополучатель. Вступление грузополучателя, не участвующего в заключении договора, в правоотношение по перевозке в качестве второй стороны обусловлено заменой им грузоотправителя. Однако в действующем законодательстве это четко не выражено и создает определенные трудности на практике при разрешении договорных споров по перевозке грузов железнодорожным транспортом. В связи с этим целесообразно ст. 37 Устава железных дорог СССР дополнить указанием на то, что в договоре перевозки всегда участвуют две стороны, но на стороне контрагента транспорта в процессе действия договора происходит смена лиц: вместо грузоотправителя в договор вступает в качестве преемника прав и обязанностей новое лицо — грузополучатель. Такое указание в Уставе железных дорог СССР о правовом положении грузополучателя позволит усовершенствовать ряд норм Устава и Правил перевозок грузов, определяющих права и обязанности в договоре перевозчика, грузоотправителя и грузополучателя и соответственно норм, конкретизирующих ответственность каждого из них за нарушение условий договора. В конечном итоге это будет способствовать повышению эффективности правового регулирования отношений по перевозкам грузов, укреплению договорной дисциплины и выполнению планов перевозок грузов.

Список литературы

1. Договоры в социалистическом хозяйстве М., «Юрид. лит.», 1964. 496 с.
2. Правила перевозок грузов. М., «Транспорт», 1967, Раздел 16, § 2, с. 120—123.
3. Рукосуев И. Правовое регулирование железнодорожных перевозок.— «Сов. юстиция», 1971, № 2, с. 24—25.
4. Советское гражданское право. Т. 1, Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 472 с.
5. Тарасов М. А. Договор перевозки по советскому праву. М., «Водтрансиздат», 1954. 177 с.

П. В. Логинов, д-р юрид. наук

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА

Успешное решение хозяйственных задач, поставленных XXV съездом КПСС, требует дальнейшего укрепления законности и правопорядка в области хозяйственных отношений. Одним из средств достижения поставленной цели является совершенствование деятельности государственных органов, стоящих на страже законности.

Выступая на XXV съезде КПСС, Генеральный секретарь Л. И. Брежнев говорил, что мы уделяли и будем впредь уделять

постоянное внимание совершенствованию деятельности государственных органов, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав социалистических организаций и граждан [см.: 2, с. 82]. К числу таких государственных органов относится и госарбитраж, роль которого в народном хозяйстве изо дня в день возрастает особенно в связи с созданием крупных производственных объединений.

1. Формы правотворчества и компетенции Госарбитража СССР, Госарбитражей союзных республик в этой сфере деятельности определяются Положениями о них. Однако практика показывает, что в действительности правотворческая деятельность госарбитража значительно шире. Наряду с перечисленными в п. 6 Положения правовыми актами Госарбитраж СССР, например, утверждает некоторые типовые договоры.

Так, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 4 июня 1974 г. № 465 «О мерах по улучшению организации ремонта бытовых машин и приборов, принадлежащих гражданам» [см.: 12] Госарбитраж СССР Постановлением от 31 марта 1975 г. № 107 утвердил типовой договор на техническое обслуживание и ремонт изделий культурно-бытового назначения в период гарантийного срока их эксплуатации [см.: 5, с. 14].

Госарбитраж СССР утверждает правила, регулирующие взаимоотношения между социалистическими организациями при отсутствии между последними договора на совершение тех или иных действий, предусмотренных типовым договором.

Госарбитраж СССР, например, тем же Постановлением от 31 марта 1975 г. № 107 утвердил «порядок взаимоотношений между объединениями, предприятиями-изготовителями бытовых машин и приборов по техническому обслуживанию и ремонту их в период гарантийного срока эксплуатации при отсутствии договора» [5, с. 27]. Данное постановление Госарбитража СССР не является следствием его самостоятельности. Принятие его вызвано Постановлением Совета Министров СССР от 4 июня 1974 г. № 465, которым Госарбитражу СССР было предложено «установить в 6-месячный срок совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами порядок взаимоотношений между предприятиями бытового обслуживания населения и заводами-изготовителями бытовых машин и приборов» (п. 3).

Такое правотворчество Госарбитража СССР заслуживает внимания, позволяет устранять пробелы в правовом регулировании хозяйственных отношений между предприятиями, организациями и учреждениями. Однако поскольку оно не предусмотрено Положением о Госарбитраже СССР, его следовало бы законодательно закрепить, соответственно дополнив п. 6 Положения.

2. Образование объединений в промышленности ставит вопрос об отнесении к компетенции госарбитража споров, связанных с законностью локального нормотворчества всесоюзных и

республиканских промышленных объединений. Согласно п. 6 Общего Положения о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях «при централизованном выполнении производственно-хозяйственных функций управление объединения может определять основания и порядок возникновения обязательств между предприятиями, организациями и управлением объединения и устанавливать ответственность, за неисполнение или ненадлежащее исполнение этих обязательств, если основания, порядок возникновения таких обязательств и ответственность не предусмотрены действующим законодательством» [см.: 12].

Данное локальное нормотворчество в рамках объединения обусловлено, во-первых, тем, что деятельность объединения строится на основе соблюдения интересов народного хозяйства, объединения и входящих в его состав предприятий и организаций при правильном сочетании централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой объединения, предприятий и организаций (п. 2); во-вторых, тем, что управление объединения руководит предприятиями и организациями, входящими в состав объединения, и выступает по отношению к ним как вышестоящий орган, осуществляет хозяйственную деятельность, имеет самостоятельный баланс, действует на началах хозяйственного расчета, имеет права и обязанности, связанные с их деятельностью, и является юридическим лицом (п. 5).

Учитывая отмеченное своеобразие во взаимоотношениях всесоюзного или республиканского промышленного объединения и его управления с входящими в объединение промышленными предприятиями, научно-исследовательскими, конструкторскими, проектно-конструкторскими, технологическими организациями и другими предприятиями и организациями, целесообразно указать отношения поставить под контроль госарбитража, предоставив Госарбитражу СССР, Госарбитражам союзных республик право решать споры, связанные с признанием недействительными, издаваемых в рамках объединения нормативных актов. Это, несомненно, способствовало бы расширению правовых гарантий обеспечения законности в хозяйственных отношениях через соответствующую форму правотворческой деятельности арбитража, тем более, если учесть, что правом на такое локальное нормотворчество начинает наделяться все более широкий круг организаций.

3. В целях повышения роли арбитража в народном хозяйстве в правовом регулировании отношений между социалистическими организациями арбитражу следует предоставить право официального внесения проектов нормативных актов в правотворческий орган. Это право в литературе многие называют правом законодательной инициативы [см.: 6, с. 190]. Однако право законодательной инициативы касается лишь деятельности

высших представительных органов власти и прямо не относится к другим правотворческим органам. Поэтому рассматриваемую инициативу следует назвать стадией официального внесения проекта нормативного акта в правотворческий орган [см.: 8, с. 74].

В настоящее время госарбитражи в необходимых случаях могут разрабатывать предложения по совершенствованию хозяйственного законодательства и вносить их на рассмотрение соответствующего органа, при котором состоит арбитраж, и вышестоящего арбитража [см.: 10]. Практика показала, что предоставленное арбитражам право на внесение предложений о совершенствовании хозяйственного законодательства часто приводит к загрузке правотворческих органов мелочами, мешает им нормально работать и отвлекает от решения основных вопросов, отнесенных к их ведению, снижает ответственность и инициативу арбитражей, которые в ряде случаев стремятся переложить на плечи правительства СССР и правительств союзных республик те вопросы, которые они могут решить сами. Уместно в связи с этим вспомнить слова В. И. Ленина, который говорил: «...строжайше следить, чтобы мелкие вопросы не входили в СНК...» [1, с. 365]. На рассмотрение правительства должны вноситься лишь те вопросы, которые действительно требуют его решения.

Право арбитража на внесение проекта не будет означать обязанность правотворческого органа принять предложенный проект, тем более в том виде, в каком он представлен. Наличие такой обязанности было бы посягательством на компетенцию органа, при котором состоит арбитраж. Но при официальном внесении проекта в правотворческий орган он будет связан волеизъявлением соответствующего арбитража и должен будет рассмотреть внесенный проект.

4. Влияние принципа законности на компетенцию арбитража диктует необходимость расширения круга споров, подлежащих разрешению в арбитражной форме. При этом следует учитывать, что законодатель, определяя подведомственность споров арбитражам, никогда не ограничивал ее только теми спорами, которые непосредственно вытекают из имущественных отношений, обусловленных товарно-денежной формой.

Арбитражам при разбирательстве имущественных споров приходится рассматривать немало чисто технических вопросов, связанных с оценкой качества продукции выполненных работ. Это предопределено самой спецификой хозяйственного спора, т. е. спора по поводу осуществления хозяйственной деятельности. Правовая форма здесь опосредствует технико-экономические процессы и отношения [см.: 3, с. 177—178]. Еще больше вопросов, связанных с технико-экономическими нормативами или показателями, возникает при разрешении преддоговорных споров. Поэтому нельзя признать правильным исключение из

сферы арбитражного разбирательства споров по техническим условиям, устанавливаемым соглашением сторон только по тем мотивам, что арбитраж не решает технических вопросов [см.: 7, с. 23]. Здесь, как правильно было отмечено Т. Е. Абовой, не учитывается то, что «технические условия есть условия договорные, а потому они являются не только техническим вопросом, но и правовым» [см.: 3, с. 177].

К ведению органов арбитража относится также большая группа споров, связанных с плано-организационной деятельностью (о взыскании с изготовителей штрафов за безнарядную, неплановую отгрузку продукции и ее использования для определенных нужд, о взыскании штрафов со снабженческо-сбытовых органов за несвоевременную выдачу им нарядов, о применении мер ответственности во взаимоотношениях министерств и ведомств-фондодержателей с Союзглавснабсбытами и пр.), что, несомненно, способствует укреплению законности в народном хозяйстве. В настоящее время в связи с созданием производственных объединений круг таких споров, подведомственных арбитражу, расширяется. Так, «Общее положение о все-союзном и республиканском промышленных объединениях» от 2 марта 1973 г. предусматривает заключение, как правило, долгосрочных договоров, опосредствующих плано-организационную деятельность объединений: о специализации и кооперировании производства, об организации хозяйственных связей, о проведении совместных хозяйственных мероприятий, об установлении порядка и сроков представления сводных перспективных и годовых заказов и заявок на продукцию, о количестве и групповом ассортименте продукции, подлежащей изготовлению предприятиями и организациями, входящими в состав объединений (п. 80) [см.: 11]. Участие объединений в таких договорных отношениях, предметом которых является плано-организационная деятельность,— объективно необходимый фактор, обусловленный своеобразием экономического положения объединений, выполняющих как непосредственно оперативно-хозяйственные функции на основе хозрасчета, так и функции планомерной организации производства (п. 4, 5 Общего положения). Арбитраж же, разрешая споры по таким договорам, тем самым обеспечивает законность и в товарно-денежных, и в плано-организационных отношениях.

Из сказанного видно, что арбитражная форма используется и для разрешения споров, возникающих при осуществлении плано-организационных отношений. Поэтому тем более трудно понять существующее положение вещей, когда споры между социалистическими организациями на сумму до 100 руб., вытекающие из товарно-денежных отношений, рассматриваются в административном порядке. И не случайно в литературе, на различного рода совещаниях и научных конференциях много раз вносились предложения о передаче в ведение арбитража спо-

ров на сумму и до 100 руб. При изъятии из ведения судов и арбитражей этих споров предполагалось, что установленный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1955 г. порядок их разрешения обеспечит большую эффективность защиты интересов социалистических организаций-кредиторов, поскольку вышестоящий орган может немедленно принять необходимые меры воздействия и восстановить нарушенное право. Но это не дало ожидаемых результатов: вышестоящие органы месяцами не рассматривают эти споры, а иногда и вовсе их не решают, а если и решают, то, как правило, отказывают кредиторам в удовлетворении требований. Между тем, за мелкими суммами споров нередко скрываются принципиальные разногласия по вопросам количества, качества, комплектности поставляемой продукции.

В этой связи нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что не следует загружать арбитражи мелкими делами. Это соображение не только противоречит взятому партией и правительством курсу на укрепление социалистической законности в сфере хозяйственных отношений, но и лишено основания, так как в той же мере можно сказать, что не стоит загружать мелкими делами вышестоящие органы, у которых меньше по сравнению с арбитражем времени разбираться в них и значительно меньше умения и навыка быстро и правильно решать споры [см.: 4, с. 24].

5. Создание союзно-республиканской системы органов госарбитража обусловлено не только необходимостью осуществления руководства, но и обеспечением строгого соблюдения законности в их деятельности, единообразного и правильного применения законодательства при разрешении хозяйственных споров всеми арбитражами.

Для обеспечения единства арбитражной практики и надлежащей защиты прав и охраняемых законом интересов социалистических организаций по всем делам важное значение имеет возможность обжалования любого незаконного или необоснованного решения арбитража или постановления главного арбитра и его заместителя. Но позволяют ли установленные Положениями о государственных арбитражах ограничения по проверке правильности решений, принятых главными арбитрами и заместителями главных арбитров госарбитражей при Советах Министров союзных и автономных республик, исполнительных комитетах краевых, областных и городских (г. Москвы и Ленинграда) Советов народных депутатов по подведомственным этим государственным арбитражам спорам [см.: 10] полностью обеспечить защиту имущественных прав и законных интересов социалистических организаций? Запрет на обжалование некоторых «решений» главных арбитров и их заместителей нельзя признать обоснованным, так как при существующих ограничени-

ях не может быть обеспечено правильное и единообразное разрешение хозяйственных споров по всем делам.

Направление и характер нашего экономического развития, когда принцип хозрасчета пронизывает все народное хозяйство, требует, чтобы законодательство, регулирующее организацию и деятельность органов государственного арбитража, полностью соответствовало принципиальным установкам и директивам XXV съезда КПСС. Во избежание отрицательных последствий в деле укрепления законности в сфере хозяйственных отношений и деятельности арбитража Главному арбитру Госарбитража СССР, Главным арбитрам арбитражей союзных республик, а также заместителям главных арбитров должно быть предоставлено право проверять в порядке надзора правильность всех решений, принятых главными арбитрами и заместителями главных арбитров нижестоящих арбитражей независимо от участников спора и оспариваемой суммы.

Список литературы

1. Ленин В. И. О перестройке работы СНК, СТО и Малого СНК. Письма А. Д. Цюрюпе.—Полн. собр. соч. Т. 44, с. 364—370.
2. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с.
3. Абова Т. Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. М., «Юрид. лит.», 1975. 215 с.
4. Абова Т. Е., Тадевосян В. С. Разрешение хозяйственных споров. М., «Юрид. лит.», 1968. 176 с.
5. «Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств», 1975, № 12.
6. Правотворчество в СССР. Под редакцией А. В. Мицкевича, М., «Юрид. лит.», 1974. 319 с.
7. Скороходов И. Разрешение споров о качестве продукции. «Сов. юстиция», 1972, № 22, с. 23—24.
8. Шебанов А. Ф. Формы советского права. М., «Юрид. лит.», 1968. 215 с.
9. Положение о тресте совхозов от 20 октября 1975 г. (п. 6) «СП СССР» 1975, № 21, ст. 145.
10. Сборник Положений об органах государственного арбитража. М., «Юрид. лит.», 1975.
11. СП СССР 1973, № 7, ст. 32.
12. СП СССР 1974, № 13, ст. 73.

Ю. Н. Чуйков, канд. юрид. наук

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВА НА КАССАЦИОННУЮ ЖАЛОБУ И УСЛОВИЯ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Под правом на кассационную жалобу следует понимать предоставленную лицу процессуальным законом возможность возбуждать деятельность суда кассационной инстанции, направленную на проверку законности и обоснованности обжалуемого решения, не вступившего в законную силу. Предпосылками права на кассационную жалобу служат нормы процессуального закона, правосубъектность, юридический интерес и юридические факты.

Субъектами права кассационного обжалования являются

стороны и другие лица, участвовавшие в деле (ст. 289 ГПК УССР, ст. 282 ГПК РСФСР), независимо от фактического участия их в суде первой инстанции.

Прокурор как орган надзора за законностью может опротестовать любое решение, не вступившее в законную силу, если он даже и не участвовал в рассмотрении данного дела в суде первой инстанции. Помощник прокурора может самостоятельно принести протест только в том случае, если он лично участвовал в рассмотрении дела в суде первой инстанции [см.: 1, с. 613].

Лица, которым по закону предоставлено право обжалования (опротестования) судебных решений, не вступивших в законную силу, должны обладать правосубъектностью, т. е. право- и дееспособностью. В ст. 100 ГПК УССР (ст. 32 ГПК РСФСР) сформулировано родовое понятие правоспособности (процессуальной), которое детализируется в других нормах (ст. 99, 103, 291—300 и другие статьи ГПК УССР; ст. 30, 34, 284—293 и другие статьи ГПК РСФСР). Каждый из участников процесса обладает такими правами и обязанностями и в таком объеме, которые обеспечивают им надлежащую и полную защиту прав и охраняемых законом интересов в любой судебной инстанции. Содержание и объем правоспособности зависит от того, в какой судебной инстанции лицо участвует и какое процессуальное положение занимает. Правоспособность субъектов в стадии обжалования судебных решений состоит в способности лица обладать комплексом прав и обязанностей как при обжаловании решений, так и при их пересмотре судом второй инстанции. В процессуальной теории правоспособность как и правовые нормы относится к числу объективных предпосылок права на судебную защиту, в том числе и права кассационного обжалования.

Кроме правоспособности правосубъективность включает в себя также процессуальную дееспособность, т. е. способность лично осуществлять свои права в суде и поручать ведение дела представителю (ст. 101 ГПК УССР, ст. 32 ГПК РСФСР). Процессуальная дееспособность наступает у граждан, как правило, с достижением совершеннолетия, а у юридических лиц одновременно с возникновением правоспособности. В случаях, прямо предусмотренных законом, граждане могут обладать ограниченной процессуальной дееспособностью, т. е. до наступления совершеннолетия (например, по делам о взыскании заработной платы, о возмещении вреда в связи с увечьем — с 15 лет; женщины, вступившие в брак, по делам, вытекающим из брачно-семейного права, — с 17 лет и т. д.). В то же время сторона, обладающая ограниченной дееспособностью, пользуется правом обжалования судебных актов наравне с полностью дееспособными лицами, участвовавшими в деле. Недееспособное лицо не может быть субъектом обжалования, хотя от этого оно не утрачивает своих субъективных материальных прав, являясь субъек-

том спорного материального правоотношения. Процессуальная недееспособность восполняется институтом судебного представительства. Полномочия представителя должны быть соответствующим образом оформлены, а подтверждающий их документ должен быть приложен к кассационной жалобе, если в деле такого документа не имеется (ч. 3 ст. 292 ГПК УССР; ч. 2 ст. 286 ГПК РСФСР). Кассационная жалоба, поданная недееспособным лицом, не порождает для него каких-либо процессуальных прав и обязанностей, ибо такое лицо в силу возраста или своего психического состояния не сможет само защищать свои права и охраняемые законом интересы.

Заинтересованность лица является тем движущим началом, которое приводит в действие процессуальный механизм в любой судебной инстанции, в том числе и при обжаловании судебных актов, не вступивших в законную силу. При этом юридический интерес выступает в тесном единстве с волей лица [см.: 2, с. 39]. Волеизъявление, проявляющееся в процессуальных действиях (подача кассационной жалобы, присоединение к жалобе, подача объяснения на жалобу и т. п.), является средством осуществления (реализации) юридического интереса, так как при отсутствии последнего процесс возникнуть не может [см.: 3, с. 75]. Юридическая заинтересованность характерна для всех видов гражданского судопроизводства, ибо за судебной защитой вправе обращаться лишь заинтересованные лица (ст. 4 ГПК УССР; ст. 3 ГПК РСФСР). Если субъекты спорного материального правоотношения (стороны и третьи лица) обладают как материальной заинтересованностью (правомочие на принудительное осуществление через суд своего субъективного материального права), так и заинтересованностью процессуальной (правомочие на обращение за судебной защитой), то все прочие субъекты, пользующиеся правом обращения за судебной защитой прав и охраняемых законом интересов других лиц (прокурор, органы государственного управления и др.), обладают лишь процессуальной заинтересованностью. При отсутствии заинтересованности в исходе дела кассационное правоотношение также не может возникнуть, а неправоммерно возникшее — развиваться и существовать. Однако правовой интерес в каждой судебной инстанции имеет свои особенности. В суде первой инстанции он ограничивается рассмотрением гражданского дела и разрешением материально-правового спора между сторонами. В кассационной же инстанции материально-правовой спор как бы отступает на второй план, а на первый выступает спор одного или нескольких субъектов, чье дело было рассмотрено судом первой инстанции не столько с «противной» стороной, сколько с судом первой инстанции, постановившим, по мнению кассатора, неправосудное решение. Следовательно, заинтересованность лица, подающего жалобу, состоит не только в благоприятном для него разрешении материально-правового спора,

но и в разрешении спора с судом первой инстанции путем отмены, изменения или постановления нового решения по тому же делу.

Волеизъявление заинтересованного лица, будучи фактором субъективного характера, так как тесно связано с сознанием человека, находит свое проявление в его действиях, в строго определенном и целенаправленном поведении управомоченного или обязанного лица. Такие действия, будучи регламентированными процессуальным законом, вызывают определенные процессуальные последствия, поэтому они выступают в качестве юридических фактов. Фактами процессуально-правового характера также являются события (например, смерть лица, участвовавшего в деле) и процессуальные акты (судебное решение, кассационная жалоба или протест и др.), способные порождать, изменять и прекращать правовые отношения.

Для возникновения кассационного правоотношения, т. е. гражданского процессуального правоотношения в кассационной инстанции наряду с существованием рассмотренных предпосылок необходимо также наличие ряда процессуальных фактов или, как принято считать, юридического состава. Прежде всего, наличие судебного решения, не вступившего в законную силу, которое, прекращая гражданские процессуальные правоотношения в суде первой инстанции, является связующим (узловым)¹ юридическим фактом [см.: 4, с. 15; 5, с. 71—72], входящим в юридический состав, порождающий кассационное правоотношение. Другим же процессуально-правовым фактом является кассационная жалоба (протест). Оба эти процессуальные акты способны вызывать кассационное правоотношение лишь в комплексе с процессуальными действиями заинтересованных лиц (подача кассационной жалобы) и процессуальными действиями суда (принятие судом первой инстанции кассационной жалобы, назначение ее к рассмотрению и направление вместе с делом вышестоящему суду, а также принятие жалобы вместе с делом к производству суда второй инстанции). «Действие любого лица, участвующего в процессе,— пишет А. А. Добровольский,— лишь в совокупности с действиями суда может привести к возникновению правоотношения» [7, с. 45; 8, с. 22—23]. Вот почему нельзя признать правильным мнение тех авторов, которые полагают достаточным для возникновения кассационного правоотношения принесения кассационной жалобы или протеста [см.: 5, с. 72; 9, с. 59]. Таким действием, завершающим юридический состав, как нам представляется, является принятие кассационной жалобы (протеста) к производству суда второй инстанции, а не суда первой инстанции, как ошибочно иногда счи-

¹ Под «узловыми» понимают такие юридические факты, которые «не только зависят от наступивших ранее фактов и ранее возникших отношений, но и сами обуславливают возникновение целой группы новых юридических фактов» [6, с. 55].

тают. Деятельность суда первой инстанции носит, своего рода, подготовительный характер и сама по себе еще не может явиться основанием для возникновения кассационного правоотношения, в котором не участвует обязательный субъект одноименного правоотношения — суд кассационной инстанции. Правильное определение момента возникновения кассационного правоотношения имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как полномочия соответствующего суда ограничены пределами одноименного правоотношения. Так, в силу того что кассационное правоотношение возникает с момента вступления в процессуальную деятельность суда второй инстанции, все действия, связанные, например, с обжалованием решения, устранением в нем недостатков, рассмотрением замечаний на протокол судебного заседания и другие, являются прерогативой суда первой инстанции, а не кассационного суда. Данное обстоятельство подтверждается также практикой вышестоящих судов, которые нередко возвращают кассационные жалобы (протесты) вместе с делом суду первой инстанции для надлежащего их оформления, уплаты государственной пошлины, разрешения вопроса о восстановлении пропущенного кассационного срока и т. д., после чего кассационные жалобы не всегда снова поступают в кассационную инстанцию. Следовательно, кассационное правоотношение возникает не с момента поступления кассационной жалобы или протеста в суд первой инстанции, а с момента принятия их вместе с делом к производству суда второй инстанции. Между тем, действующие ГПК союзных республик не предусматривают никакого процессуального порядка оформления начала (возникновения) нового, самостоятельного процессуального отношения в суде второй инстанции, что нельзя признать правильным. Исходя из этого в ГПК союзных республик следовало бы включить норму, предусматривающую обязанность суда второй инстанции после проверки наличия всех предпосылок, а также соблюдения условий для обжалования, предусмотренных процессуальным законом, постановлять определение о принятии кассационной жалобы (протеста) вместе с делом к своему производству.

Таким образом, только замкнутый круг предпосылок и соблюдение определенных процессуальных условий являются необходимым основанием для возникновения гражданского процессуального правоотношения в суде второй инстанции.

К числу процессуальных условий, необходимых для осуществления права на кассационную жалобу, относятся: соблюдение кассационного срока на обжалование решения (ст. 291 ГПК УССР; ст. 284 ГПК РСФСР); соблюдение реквизитов жалобы (протеста) — ч. 1 ст. 292 ГПК УССР, ч. 1 ст. 286 ГПК РСФСР; надлежащее оформление полномочий представителя, если жалоба подается от имени кассатора другим лицом (ч. 3 ст. 292 ГПК УССР; ч. 3 ст. 286 ГПК РСФСР); принесение жалобы в

копиях по числу лиц, участвовавших в суде первой инстанции (ч. 4 ст. 292 ГПК УССР; ст. 287 ГПК РСФСР); уплата государственной пошлины (ст. 293 ГПК УССР; ст. 288 ГПК РСФСР); подача жалобы в соответствующий суд (ч. 1 ст. 293 ГПК УССР; ч. 2 ст. 283 ГПК РСФСР). Невыполнение лицом, подающим жалобу, этих условий влечет наступление различных правовых последствий. Они зависят не только от характера допущенных нарушений, но и от того, каким судом будут установлены. Так, если при подаче кассационной жалобы будет видно, что она не подписана подающим лицом без указания на обжалуемое решение либо без приложения необходимых копий, а также не оплачена государственной пошлиной, судья выносит определение об оставлении жалобы (протеста) без движения и назначает лицу, подавшему жалобу (протест), срок для исправления недостатков (ст. 293, 139 ГПК УССР; ст. 288 ГПК РСФСР). Если же лицо, подающее жалобу (протест), выполнит указания, содержащиеся в определении, кассационная жалоба считается поданной в день первоначального ее представления в суд. В противном случае жалоба (протест) считается неподанной и возвращается лицу, которое ее подало. Такое определение может быть обжаловано, так как оно препятствует дальнейшему движению дела (п. 2 ст. 323 ГПК УССР; п. 2 ст. 315 ГПК РСФСР). Следовательно, с принятием кассационной жалобы судом первой инстанции у подающего ее лица возникают пока права и обязанности, связанные только с процессом обжалования и деятельностью суда первой инстанции, не имеющие отношения к деятельности кассационного суда.

В практике нередко кассационные жалобы (протесты) принимаются и направляются вышестоящему суду, несмотря на имеющиеся в них недостатки, связанные с несоблюдением условий для обжалования. Действующий закон не предусматривает правовых последствий, наступающих в таких случаях. Практика вышестоящих судов в этом вопросе также весьма разноречива; в одном случае дело вносится на рассмотрение суда второй инстанции, который затем выносит определение о снятии дела с рассмотрения и направлении его суду первой инстанции для устранения отмеченных недостатков, поскольку они делают невозможным рассмотрение дела судом второй инстанции; в другом — дело в судебное заседание не вносится и с сопроводительным письмом, подписываемым обычно одним из членов суда или председателем судебной коллегии, возвращается суду первой инстанции для исправления недостатков. С такой практикой согласиться нельзя, так как, во-первых, советскому гражданскому процессуальному законодательству и праву неизвестен институт снятия дела с рассмотрения в суде второй инстанции и, во-вторых, недопустимо разрешение данного вопроса единолично судьей (председателем суда или судебной коллегии) без внесения на рассмотрение коллегиального состава суда (су-

дебной коллегии). Исходя из этого целесообразно, по нашему мнению, сформулировать в законе, что в случае поступления в кассационную инстанцию жалоб или протестов (вместе с делом), надлежаще не оформленных, без приложения копий и других приобщенных к ним документов, а также документа, подтверждающего полномочия представителя, подающего кассационную жалобу от имени лица, участвовавшего в деле, не оплоченных государственной пошлиной, и т. д. — они оставляются без рассмотрения. Кассационная жалоба (протест) может быть также оставлена без рассмотрения вышестоящим судом в случаях: пропуска срока на кассационное обжалование; для постановления дополнительного решения; исправления явных арифметических ошибок и описок; рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания, если без этого невозможно рассмотрение дела в кассационной инстанции. В определении об оставлении жалобы или протеста без рассмотрения необходимо указывать срок, в течение которого недостатки должны быть устранены и оно вместе с жалобой (протестом) и делом должно направляться суду первой инстанции. В то же время определение не лишает кассатора права на повторное принесение жалобы на общих основаниях (через суд первой инстанции) по устранении недостатков в срок, установленный вышестоящим судом. В противном случае кассационная жалоба оставляется судом первой инстанции без последствий и возвращается подавшему ее лицу, которое теряет право на обжалование решения, о чем постановляется определение судьей, а его копия направляется вышестоящему суду для сведения.

В случаях, когда кассационная жалоба (протест) подается с соблюдением условий на обжалование, а также после выполнения указаний вышестоящего суда в установленный им срок, принимая кассационную жалобу (протест), судья выносит определение, в котором указывает: соблюдение кассатором условий на обжалование (опротестование), содержащихся в законе; о направлении лицам, участвовавшим в деле, копий жалобы (протеста); о назначении дела к рассмотрению в суде второй инстанции на определенное число и об уведомлении об этом лиц, участвовавших в деле, а также о направлении дела вышестоящему суду.

Восстанавливая срок на кассационное обжалование (опротестование), пропущенный по уважительной причине, суд постановляет определение, которое обжалованию (опротестованию) не подлежит. Отказывая в восстановлении срока на обжалование, суд не принимает кассационной жалобы и возвращает ее по принадлежности. Определение об отказе в восстановлении кассационного срока может быть обжаловано в суд второй инстанции на общих основаниях. Если вышестоящий суд признает доводы лица, обжаловавшего такое определение, обоснованными, он отменяет определение, принимает жалобу

вместе с делом к своему производству и назначает их к рассмотрению, о чем извещает суд первой инстанции, а также всех лиц, участвовавших в деле.

В действующем законе, по нашему мнению, следует также предусмотреть основания к отказу в принятии кассационной жалобы или протеста судом первой инстанции. Например, в случаях пропуска срока на обжалование (опротестование) и отсутствия просьбы о его восстановлении; принесения жалобы от имени лица, участвовавшего в деле, лицом, не имеющим на это полномочий; принесения жалобы недееспособным лицом, а также жалобы (протеста) на решение, обжалование (опротестование) которого не допускается по закону. Первые два основания носят условный характер, так как в случае устранения соответствующих недостатков в течение кассационного срока либо при восстановлении судом первой инстанции срока на обжалование кассационная жалоба (протест) должна быть принята судом первой инстанции на общих основаниях. Два последних — неустранимый характер, а поэтому их обнаружение судом второй инстанции влечет за собой прекращение кассационного производства. Отказывая в принятии жалобы или протеста, судья постановляет мотивированное определение, которое может быть обжаловано заинтересованным лицом или опротестовано прокурором. Суд второй инстанции вправе прекратить кассационное производство, по нашему мнению, также в случае смерти лица, подавшего кассационную жалобу, если спорное правоотношение не допускает правопреемства. Следует отметить, что действующее гражданско-процессуальное законодательство не знает института прекращения кассационного производства, как и оставления кассационной жалобы (протеста) без рассмотрения. Однако данное основание следует отличать от основания к отмене судебного решения и прекращению производства по делу (п. 3 ст. 311 ГПК УССР; п. 3 ст. 305 ГПК РСФСР) вследствие смерти стороны, когда спорное правоотношение не допускает правопреемства (п. 8 ст. 227 ГПК УССР, п. 8 ст. 219 ГПК РСФСР), так как дело рассмотрено судом первой инстанции с участием стороны, смерть которой наступила уже после постановления решения и принесения кассационной жалобы.

Суд второй инстанции, оставляя кассационную жалобу или протест без рассмотрения либо прекращая кассационное производство, вправе, по нашему мнению, вынести частное определение в адрес суда первой инстанции, допустившего существенные ошибки или нарушения закона при направлении дела на кассационное рассмотрение вышестоящему суду¹, о чем также

¹ Это полностью согласуется с указаниями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1976 г. «О повышении уровня осуществления правосудия в свете решений XXV съезда КПСС», а также в постановлении Пленума Верховного Суда Украинской ССР от 19 марта 1976 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности судов

следует внести соответствующие дополнения в ст. 320 ГПК УССР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик.

Список литературы

1. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973 гг. М., «Известия», 1974. 760 с.
2. Гук а с я н Р. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов. Приволжское кн. изд-во, 1970. 190 с.
3. Гу р в и ч М. А. Право на иск. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949. 216 с.
4. Щеглов В. Н. Законность и обоснованность судебного решения по гражданско-правовому спору. Новосибирск, Новосиб. кн. изд-во, 1958. 92 с.
5. Зейдер Н. Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1965. 74 с.
6. Чечина Н. А. Гражданские процессуальные правоотношения. Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 70 с.
7. Советский гражданский процесс. Под ред. проф. А. А. Добровольского и А. Ф. Клеймана. Изд-во Моск. ун-та. 1970. 440 с.
8. Чечина Н. А. Нормы гражданского процессуального права и их применение. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. Л., 1965. 32 с.
9. Лесницкая Л. Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. М., «Юрид. лит.», 1974. 192 с.

В. И. Тютюгин, канд. юрид. наук

НАЗНАЧЕНИЕ РАЗНОРОДНЫХ ОСНОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Согласно ст. 35 Основ уголовного законодательства (ст. 42 УК УССР) в случае совершения лицом нескольких преступлений, предусмотренных различными статьями УК, ни за одно из которых оно еще не было осуждено, суд, руководствуясь общими началами (ст. 32 Основ, ст. 39 УК УССР), назначает наказание отдельно за каждое из этих преступлений, а затем, применяя правила (принципы) поглощения полного или частичного сложения, определяет окончательное наказание по совокупности. Поскольку за входящие в совокупность преступления судом могут быть назначены не только одинаковые (например, за оба преступления — исправительные работы), но и различные виды наказаний (например, за одно преступление — лишение свободы, а за другое — исправительные работы), возникает необходимость определения по совокупности разнородных (по терминологии УК УССР — разнovidных) основных наказаний. Применение здесь принципа поглощения назначенных наказаний особых затруднений не вызывает. Определив, какое из этих наказаний является более строгим, исходя из его места в системе наказаний, суд поглощает им менее строгое.

Что же касается возможности применения в такой ситуации

Украинской ССР в борьбе с преступностью и устранению причин, которые ее порождают, в свете решений XXV съезда КПСС».

принципа сложения разнородных наказаний, назначенных в порядке ст. 35 Основ (ст. 42 УК УССР), то этот вопрос вызывает много споров и неясностей.

Основы уголовного законодательства, установив принцип сложения наказаний по совокупности преступлений (ст. 35) и совокупности приговоров (ст. 36), не определили правил сложения разнородных наказаний. Отсутствие в Основах непосредственных указаний по этому вопросу привело к различному его решению в УК союзных республик.

В УК Казахской и Киргизской союзных республик, как и в Основах, вообще не определены правила сложения разнородных наказаний. В УК РСФСР (ст. 41), Украинской (ст. 43), Белорусской (ст. 40), Узбекской (ст. 41), Таджикской (ст. 40), Туркменской (ст. 41), Азербайджанской (ст. 39) и Молдавской (ст. 40) союзных республик правила сложения разнородных наказаний путем их предварительной трансформации одного в другое по определенной шкале эквивалентов приведены в статьях, регламентирующих порядок назначения наказания по совокупности приговоров, но нет прямых указаний, относятся ли эти правила и к случаям назначения наказания по совокупности преступлений. УК пяти союзных республик поместили правила сложения в отдельных статьях. Однако три из этих УК (Армянской, Грузинской и Литовской союзных республик) связали применение данных статей лишь со случаями назначения наказания по совокупности приговоров. И только в УК Латвийской (ст. 38, 39, 40) и Эстонской (ст. 40, 41, 43) союзных республик прямо указано, что правила сложения разнородных наказаний, помещенные здесь в отдельных нормах, одинаково применимы к случаям назначения наказания и по совокупности преступлений, и по совокупности приговоров.

Отсутствие соответствующих положений в УК большинства союзных республик вызвало различное решение этого вопроса как в литературе, так и в судебной практике. Ряд авторов, например, приходит к выводу, что сложение разнородных наказаний по совокупности преступлений невозможно, поскольку об этом отсутствуют прямые указания в законе, и в этих случаях всегда должен применяться лишь принцип поглощения назначенных наказаний [см.: 5, с. 17; 6, с. 13—14 и др.]. Иначе говоря, ст. 42 УК УССР и соответствующие статьи УК других союзных республик толкуются некоторыми юристами в том смысле, что указанный в ней принцип сложения суд вправе применять только в случаях назначения по совокупности наказаний одного и того же вида (однородных). Эту позицию поддержала и Военная коллегия Верховного Суда СССР, считая, что ст. 40 УК РСФСР (ст. 42 УК УССР) не дает оснований для сложения разнородных наказаний, поскольку она не содержит специальных указаний по этому вопросу и не устанавливает порядка сложения таких наказаний [см.: 10, с. 47—48]. Определенное развитие ука-

занная точка зрения получила и в практике нижестоящих судов¹.

Противоположную позицию по этому вопросу занял Пленум Верховного Суда СССР, применив принцип сложения разнородных наказаний (лишения свободы и исправительных работ) по делу Б., осужденного по совокупности преступлений [см.: 9, с. 18—21]. Последнее мнение поддерживает и большинство криминалистов, считая, что сложение разнородных наказаний, безусловно, допустимо и при совокупности преступлений, для чего необходимо руководствоваться теми же правилами, которые используются для сложения разнородных наказаний по совокупности приговоров [см.: 1, с. 26—27; 2, с. 51—52; 3, с. 59—60; 4, с. 134—135; 7, с. 252—253 и др.]. В пользу такого вывода приводится ряд обоснованных аргументов.

1. Ст. 35 Основ (ст. 42 УК УССР), допуская возможность полного или частичного сложения назначенных наказаний, говорит об этом в общей форме, не устанавливая тем самым каких-либо ограничений для применения такого порядка определения окончательного наказания по совокупности, в том числе и в зависимости от характера назначенных наказаний. Следовательно, хотя ст. 42 УК УССР и не содержит прямых указаний на возможность сложения именно разнородных наказаний, однако вместе с тем она и не устанавливает такого запрета. Такая редакция данной нормы свидетельствует, что закон не исключает, а напротив, предполагает сложение любых, в том числе и разнородных наказаний.

2. Если признать обоснованным довод о том, что ст. 42 УК УССР не допускает сложения разнородных наказаний ввиду того, что она не содержит специальных указаний по этому вопросу, то можно прийти к выводу, что Основы вообще не дают суду права производить такое сложение ни при назначении данных видов наказания по совокупности преступлений, ни по совокупности приговоров, поскольку ст. 35 и 36 Основ вообще не определили правила их сложения. Однако такой вывод явно противоречил бы смыслу этих статей. Порядок назначения наказания по совокупности установлен общесоюзным законом и его нельзя понимать по-разному в зависимости от того, в какой статье УК данной союзной республики помещены правила сложения разнородных наказаний.

3. Различия в порядке назначения наказаний по ст. 35 и 36 Основ (ст. 42 и 43 УК УССР) установлены самим законом и заключаются в том, что, если по ст. 43 УК УССР возможно только сложение наказаний (за исключением случаев назначения по одному из приговоров максимального срока, установленного для данного вида наказания в Общей части УК), то по ст. 42 УК УССР наряду со сложением допустимо применение принципа

¹ Изучение практики судов г. Мурманска за 1961—1964 гг. показало, например, что за весь этот период принцип сложения наказаний по ст. 40 УК РСФСР (ст. 42 УК УССР) не применялся судами ни разу [см.: 1, с. 251].

поглощения назначенных наказаний. Что же касается самого сложения, то признание возможности его применения в зависимости от однородности либо разнородности назначенных за отдельные преступления наказаний не основано на законе.

4. Отмечается также, что ст. 43 УК УССР не единственная норма, регулирующая вопросы соотношения разнородных наказаний. Такая же шкала эквивалентов установлена и в ст. 40 Основ (ст. 47 УК УССР) применительно к зачету предварительного заключения. Эта норма, носящая общий характер, определяет тем самым и общий подход законодателя к вопросу о соотношении разнородных наказаний. В связи с этим различное решение вопроса о соотношении указанных наказаний применительно к зачету предварительного заключения и к случаям их сложения по совокупности преступлений нарушило бы логическую последовательность и стройность закона. Заметим также, что, если бы правила сложения разнородных наказаний не были специально оговорены в ч. 3 ст. 43 УК УССР (как это имеет место в УК Казахской и Киргизской ССР), то при сложении таких наказаний по совокупности пришлось бы руководствоваться ст. 40 Основ (ст. 47 УК УССР)¹.

5. Своеобразный зачет, далее, приходится производить и при применении ч. 3 ст. 42 УК УССР, так как закон предписывает в общий срок наказания засчитывать и ту его часть, которая была отбыта по первому приговору, если после его вынесения будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора по первому делу. Закон здесь также не оговаривает это правило лишь случаями назначения по обоим приговорам однородных наказаний. Зачет же назначенные в такой ситуации разнородные наказания возможно лишь, использовав для этого правила, установленные в ст. 43 УК УССР.

6. Наконец, обоснованно указывается, что необходимость сложения разнородных наказаний может возникнуть и тогда, когда в санкциях за входящие в совокупность преступления предусмотрены только наказания различных видов. Отрицание здесь возможности их сложения неосновательно лишило бы суд права на применение этого принципа, указанного в ст. 42 УК УССР.

¹ Именно к такому выводу пришел Пленум Верховного Суда СССР по делу З., осужденному по совокупности преступлений к разнородным наказаниям на основании норм УК Казахской ССР [см.: 11, с. 16].

Аналогично решался этот вопрос и при действии УК 1926—1935 гг., которые не устанавливали (за исключением УК Грузинской ССР) правил сложения разнородных наказаний. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 22 января 1942 г. «О порядке сложения наказаний в виде лишения свободы и исправительно-трудовых работ» указывалось, что наказание по совокупности в случае необходимости применения принципа сложения определяется применительно к ст. 29 УК РСФСР 1926 г. и соответствующим статьям УК других союзных республик, регламентирующих вопросы зачета предварительного заключения [см.: 8, с. 76—77].

К сказанному можно добавить, что анализ ряда институтов Общей части УК дает возможность наметить определенную общую линию, последовательно проводимую законодателем. В тех случаях, когда законодатель, устанавливая то или иное правило, норму, очерчивая сферу действия того или иного института, предполагает наряду с этим общим правилом и исключение из него, ограничивающее либо расширяющее (дополняющее) сферу его действия, то наличие такого исключения, как правило, четко фиксируется в законе. Устанавливая, например, в ст. 6 УК УССР общее правило о том, что уголовный закон не имеет обратной силы, законодатель буквально тут же указывает и на изъятие из этого правила в отношении закона, устранивающего либо смягчающего наказание; устанавливая в ст. 10 УК УССР общий возраст ответственности, законодатель оговаривает и случаи исключения из него, указывая на возможность назначения таких, например, наказаний, как смертная казнь, ссылка, высылка, законодатель сразу же подчеркивает, к каким категориям лиц эти наказания не могут быть применены; формулируя общее правило о назначении наказания в пределах санкции статьи (ст. 39 УК УССР), законодатель оговаривает в ст. 44 УК УССР и случаи исключения из него; указывая на возможность условно-досрочного освобождения от наказания (ст. 52, 53 УК УССР), законодатель в ст. 52-1 УК УССР четко очерчивает и круг лиц, к которым эта льгота не применима и т. д. Таким образом, любое исключение из общего правила всегда четко фиксируется в законе. Отсутствие же в нем непосредственных указаний на ограничения (исключения) в применении той или иной нормы свидетельствует тем самым, что данная норма распространяет свое действие на все случаи, подпадающие под ее признаки без каких-либо изъятий. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что отсутствие в законе (ст. 42, 43 УК УССР) непосредственных указаний на изъятие из принципа сложения относительно разнородных наказаний, назначенных по совокупности преступлений, свидетельствует, что этот принцип является общим правилом, применяемым независимо от характера назначенных наказаний как при совокупности преступлений, так и при совокупности приговоров.

Таким образом, приведенные выше соображения дают основания считать, что, хотя правила сложения разнородных наказаний и помещены в ст. 43 УК УССР, однако они носят общий характер и должны применяться при сложении таких наказаний и по совокупности приговоров (ст. 43 УК УССР), и по совокупности преступлений (ст. 42 УК УССР).

Однако вопрос об определении окончательного наказания по совокупности в случае назначения разнородных наказаний за отдельные преступления этим еще не исчерпывается. Практика знает случаи, когда такие разнородные наказания не могут быть соотнесены между собой в каком-либо эквиваленте, а стало

быть, и не могут быть сложены. Дело в том, что возможность сложения разнородных наказаний на основе предварительной их трансформации одного в другое по определенной шкале закон (ч. 3 ст. 43 УК УССР) прямо связывает лишь со случаями назначения по совокупности таких основных наказаний, как лишение свободы, ссылка, высылка и исправительные работы. Хотя могут быть назначены и такие виды основных наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф, общественное порицание, закон не содержит прямого ответа о порядке их назначения по совокупности. Отсутствуют прямые указания по этому вопросу и в УК РСФСР, Белорусской, Азербайджанской, Армянской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Узбекской союзных республик, в ряде которых круг данных наказаний расширяется за счет таких его видов, как возложение обязанности загладить причиненный вред и увольнение от должности. Отсутствие какого-либо масштаба, эквивалента, на основе которого указанные виды наказания могли бы быть трансформированы одно в другое, что так необходимо для последующего их сложения, дает основания считать, что эти наказания при назначении их по совокупности преступлений в сочетании друг с другом и иными видами основных наказаний сложению подлежать не могут. Конечно, использование здесь принципа поглощения менее строгого наказания более строгим вполне возможно, но применение только такого порядка определения окончательного наказания во всех подобных случаях приведет к тому, что карательные и, особенно, частно-предупредительные возможности поглощенных наказаний не будут использованы. Кроме того, нельзя забывать, что указанные разнородные наказания могут быть назначены и по совокупности приговоров (ст. 43 УК УССР), где, как известно, применение принципа поглощения (за исключением случаев назначения по одному из приговоров максимального срока, установленного для данного вида наказания в Общей части УК) невозможно. По этим соображениям вызывает сомнения точка зрения, согласно которой во всех случаях назначения по совокупности разнородных наказаний, правила сложения которых законом не предусмотрены, должен применяться лишь принцип поглощения назначенных наказаний [см.: 7, с. 254]. Более правильным представляется в таких случаях одновременное самостоятельное применение и исполнение разнородных основных наказаний, правила сложения которых ввиду их полной несоотнесенности, неэквивалентности законом не установлены. Именно так решают этот вопрос УК Грузинской (ч. 4, ст. 42), Латвийской (ст. 40), Литовской (ч. 2 ст. 44), Молдавской (ч. 5 ст. 40), Туркменской (ч. 7 ст. 41) и Эстонской (ч. 2 ст. 43) союзных республик.

Хотя прямо этот вопрос в УК УССР не решен, однако такой

вывод можно сделать и из смысла ст. 42 и 43 настоящего Кодекса. Так, в п. «г» ч. 3, ст. 43 УК УССР указано, что штраф в соединении с иными видами наказаний исполняется самостоятельно. Следовательно, при назначении по совокупности основного наказания в виде штрафа в соединении с любым другим основным наказанием суд должен самостоятельно применить (соединить без сложения) оба эти наказания одновременно, указав в приговоре на самостоятельное (параллельное) их исполнение. Стало быть, закон не исключает именно такого порядка назначения разнородных наказаний по совокупности, когда их сложение невозможно. Кроме того, такой же порядок назначения по совокупности установлен в ч. 4 ст. 43 УК УССР и применительно к разнородным (разновидным) дополнительным видам наказания. Отсюда вытекает, что определение окончательного наказания по совокупности преступлений, когда назначенные за отдельные преступления наказания являются разнородными, возможно не только путем их поглощения, полного или частичного сложения, но и путем одновременного самостоятельного применения и исполнения тех из них, правила сложения которых законом не предусмотрены.

В связи с этим возникает вопрос, является ли порядок одновременного самостоятельного применения и исполнения таких разнородных наказаний разновидностью принципа сложения, на который прямо указывает закон, либо выступает в качестве отдельного, особого принципа назначения наказаний по совокупности? Вопрос в такой плоскости в литературе еще не ставился, однако постановка его представляется вполне правомерной, ибо довольно значительная группа наказаний подчиняется отличающемуся от сложения порядку назначения их по совокупности. Сложение предполагает наличие двух или более однородных величин (слагаемых), которые при соединении их друг с другом дают новую величину (сумму). Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что окончательное определение наказания по принципу сложения в точном смысле этого понятия возможно лишь при назначении по совокупности либо наказаний однородных, либо таких разнородных, сложение которых допустимо на основе предварительного приведения их в «однородность» путем использования для этого правил, установленных в ст. 43 УК УССР. При назначении же по совокупности преступлений указанных выше разнородных наказаний отсутствуют все те условия, которые необходимы для сложения. Эти наказания в сочетании друг с другом и с иными видами основных наказаний не складываются, а применяются и исполняются одновременно и самостоятельно, т. е. отдельно, независимо одно от другого, каждое, так сказать, «само по себе». Да и закон не называет такой порядок сложением. Например, в ч. 6 ст. 39 УК Армянской ССР указано: «Сложение наказаний в виде лишения свободы, ссылки, высылки, исправительных работ с наказанием

в виде штрафа не допускается». В ч. 2 ст. 44 УК Литовской ССР, например, законодатель указывает, что соответствующие разнообразные основные и дополнительные наказания «...сложению или замене не подлежат и исполняются самостоятельно».

Все это дает основания считать, что назначение ряда разнообразных (разновидных) наказаний путем их самостоятельного одновременного применения и исполнения является не разновидностью принципа сложения, а выступает в качестве отдельного, особого принципа назначения наказания по совокупности, применяемого наряду с принципами поглощения и сложения назначенных наказаний.

Изложенное выше свидетельствует, что в области назначения наказания по совокупности преступлений в законе имеется ряд существенных пробелов. В связи с этим было бы целесообразно дополнить закон следующими положениями:

1) изложить правила сложения разнородных наказаний на основе их предварительной трансформации одного в другое (менее строгое в более строгое) в специальной норме, оговорив возможность ее применения как при совокупности преступлений, так и приговоров;

2) четко закрепить в законе принцип одновременного самостоятельного применения и исполнения тех разнородных наказаний, сложение которых невозможно.

Список литературы

1. Бартоновская Г. Сложение наказаний по совокупности преступлений в судебной практике.— «Сов. юстиция», 1968, № 8, с. 25—27.
2. Борисов Ф., Рашковец И. Сложение разнородных наказаний.— «Соц. законность», 1971, № 2, с. 51—52.
3. Горелик А. С. Назначение наказания по совокупности. Изд-во Красноярского ун-та, 1975. 272 с.
4. Кригер Г. А., Хабибуллин М. Х., Малков В. П. Назначение наказаний по совокупности преступлений.— «Сов. государство и право», 1968, № 1, с. 133—136.
5. Ленау М. Назначение наказания по совокупности преступлений.— «Сов. юстиция», 1970, № 20, с. 16—17.
6. Максимов С., Марченко С. Назначение наказания по совокупности преступлений.— «Сов. юстиция», 1971, № 6, с. 13—14.
7. Малков В. П. Совокупность преступлений. Изд-во Казанского ун-та, 1974. 308 с.
8. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1957 гг., М., Госюриздат, 1958. 280 с.
9. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 4, с. 18—21.
10. Там же, 1964, № 5, с. 47—48.
11. Там же, 1967, № 1, с. 16—17.

В. Я. Тацкий, канд. юрид. наук

ПОНЯТИЕ ЧАСТНОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Необходимость в самостоятельном рассмотрении этого вопроса вызвана тем, что ни в ст. 150 УК УССР, предусматриваю-

щей ответственность за это преступление, ни в соответствующих статьях УК других союзных республик не содержится определения понятия частнопредпринимательской деятельности. Так, в ст. 150 УК УССР лишь указывается: «Занятие частнопредпринимательской деятельностью, которая прикрывается формой государственного, кооперативного или иного общественного предприятия».

Отсутствие такого определения в уголовном законе и достаточно противоречивое его описание в юридической литературе порождают немалые трудности на практике при применении ст. 150 УК УССР, нередко приводят к неправильной квалификации и другим судебным ошибкам.

Примером этому может служить дело по обвинению Х., который был осужден по ст. 153 УК РСФСР (ст. 150 УК УССР) к одному году лишения свободы с конфискацией имущества. Впоследствии дело рассматривалось в нескольких судебных инстанциях и только Президиум Верховного Суда РСФСР прекратил дело производством за отсутствием в действиях виновного признаков состава преступления. В своем Постановлении Верховный Суд РСФСР указал, что Х. не может нести ответственность за это преступление, поскольку он совершал действия не в личных корыстных интересах и без использования прав, предоставленных государственным или общественным организациям [см.: 13, с. 10—11]. Таким образом, ошибка была вызвана тем, что при решении вопроса о наличии состава рассматриваемого преступления были оставлены без внимания такие его признаки, как личная корыстная заинтересованность и использование для преступных целей прав, предоставленных социалистическим организациям. Между тем, уголовный закон не содержит указаний на эти важные признаки частнопредпринимательской деятельности.

По другому делу Пленум Верховного Суда СССР обоснованно указал, что в действиях Г. отсутствуют признаки частнопредпринимательской деятельности, поскольку полученная сумма за ремонт часов без надлежащего оформления незначительна (118 руб. в старом масштабе цен), а тяжесть содеянного им невелика [см.: 9, с. 267—268]. В самом же законе отсутствуют какие-либо указания и на эти признаки частнопредпринимательской деятельности.

Приведенные примеры свидетельствуют и о том, что судебная практика и, прежде всего, практика верховных судов может оказать существенную помощь в выяснении основных признаков, характеризующих частнопредпринимательскую деятельность.

Поскольку понятием называется форма мышления, отражающая предметы и явления в их существенных признаках, необходимо вскрыть те из них, которые определяют сущность данной деятельности, индивидуализируют ее и тем самым отличают от других смежных преступлений.

Для выяснения понятия рассматриваемого преступления необходимо, прежде всего, выяснить этимологическое содержание и правовое значение терминов «частный» и «предприниматель», которые законодатель использует для наименования этого преступления.

В русском языке содержится несколько объяснений содержания слова «частный», а их совокупность позволяет сделать вывод о том юридическом содержании, которое было вложено в него законодателем при формулировании ст. 150 УК УССР. Так, в словаре русского языка указывается, что «частный» это:

- 1) личный, не общественный, не государственный;
- 2) принадлежащий не отдельному лицу, не обществу, не государству;
- 3) относящийся к личному, индивидуальному владению, деятельности, хозяйству и вытекающим отсюда отношениям (см.: 8, с. 863). Интересное объяснение этого термина содержится и в словаре синонимов русского языка. Частный — значит происходящий за пределами общественной, производственной деятельности, вне служебных рамок, не имеющий официального значения [см.: 10, с. 668].

По-разному объясняется в литературе и содержание слова «предприниматель». Например, в одном случае указывается, что предприниматель — это капиталист, владеющий предприятием [см.: 8, с. 571]. Это объяснение содержания слова «предприниматель» почти всегда используется в юридической литературе, хотя оно мало пригодно для решения поставленной задачи. Более приемлемым является следующее толкование этого слова: предприниматель — это воротила, бизнесмен [см.: 10, с. 118], т. е. речь идет о лице, которое может ловко организовывать дело, не стесняясь в средствах для достижения своекорыстных целей.

Изложенное позволяет сделать вывод, что **частный предприниматель** — это лицо (делец, воротила), которое занимается частной, т. е. не социалистической деятельностью, лежащей за рамками общественных интересов, направленной на получение личного обогащения и причиняющей ущерб социалистической системе хозяйства. Эта характеристика лица в полной мере распространяется и на частно-предпринимательскую деятельность, им совершаемую.

Сама же деятельность частного предпринимателя может выразиться в выполнении различных работ в области производства, бытового и социально-культурного обслуживания населения либо в совершении организационных действий по выполнению этих работ.

Характерной особенностью частнопредпринимательской деятельности является и то, что она всегда прикрывается формой государственного, кооперативного или иного общественного предприятия. На этот важный признак содержится указание непосредственно в самом уголовном законе. Совершение преступле-

ния под прикрытием форм социалистических учреждений, организаций и предприятий с внешней стороны создает ложное представление о правомерности этой деятельности, скрывает ее действительный, преступный характер. Однако виновные не только прикрывают свою деятельность формами социалистических организаций, но и активно их используют при осуществлении преступной деятельности. Следовательно, как **прикрытие**, так и **использование** форм социалистических учреждений, организаций и предприятий являются неотъемлемыми признаками частнопредпринимательской деятельности.

Частнопредпринимательская деятельность всегда представляет собой деятельность хозяйственного характера вне зависимости от способа и места совершения, форм использования социалистических организаций и других ее признаков. Это вызвано тем, что рассматриваемое преступление либо непосредственно совершается в сфере социалистического хозяйствования, либо затрагивает его, поскольку противоречит установленному в нашей стране порядку ведения хозяйства и причиняет ущерб принципам социалистического хозяйствования. Правильность сделанного вывода подтверждается и тем, что сам законодатель частнопредпринимательскую деятельность отнес к числу хозяйственных преступлений.

При конструировании понятия анализируемого преступления необходимо иметь в виду, что оно является не только возмездной, но и всегда направлено на получение нетрудового дохода. Этот признак рассматриваемого преступления позволяет отличать его от правомерной предпринимательской деятельности либо от такой, которая может рассматриваться лишь как проступок.

Названная особенность такой деятельности свидетельствует и о том, что она представляет собой одну из форм тунеядства, ибо дает возможность виновным полностью или частично уклоняться от общественно полезного труда и получать нетрудовой доход, неосновательно обогащаться.

Для правильного применения ст. 150 УК УССР очень важно выяснить и те размеры частнопредпринимательской деятельности, которые свидетельствуют о значительной степени ее общественной опасности, позволяющей рассматривать ее как преступную. Изучение уголовного закона, выводов, содержащихся в юридической литературе, и анализ многолетней и в основном сложившейся судебной практики по этому вопросу свидетельствуют, что уголовная ответственность за это преступление практически наступает только в случаях совершения его в виде промысла или в значительных размерах. Иными словами, ответственность по ст. 150 УК УССР возможна, когда частнопредпринимательская деятельность выступает как основной или дополнительный источник существования виновного, в результате постоянного извлечения имущественных выгод от этой деятельности. Уголов-

ная ответственность также наступает и при совершении хотя и единичных случаев частного предпринимательства, но в значительных размерах.

Следует заметить, что в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество» от 25 июня 1976 г. указывается на систематичность преступных действий. Однако систематическое занятие частнопредпринимательской деятельностью за вознаграждение свидетельствует о том, что такая преступная деятельность совершается в виде промысла, поскольку становится для виновного основным или дополнительным источником паразитического существования.

Представляется, что в самом понятии частнопредпринимательской деятельности должна найти отражение характеристика ее общественной опасности, объекта, которому она причиняет непосредственный вред, а также основных признаков, которые характеризуют ее субъективную сторону.

Таковы те основные и наиболее важные признаки, которые, на наш взгляд, раскрывают сущность частнопредпринимательской деятельности. Поэтому в самом понятии частнопредпринимательской деятельности необходимо указать следующие:

1) общественную опасность, которая, главным образом, определяется размером вреда, причиняемого общественным отношениям как объекту уголовно-правовой охраны;

2) содержание деятельности и форм проявления преступления;

3) прикрытие и использование форм социалистических учреждений, организаций или предприятий;

4) промысел или значительный размер содеянного как признаков, определяющих преступность частнопредпринимательской деятельности;

5) формы вины, мотивы и цели преступления. Само же определение рассматриваемого преступления может быть сформулировано следующим образом:

«Частное предпринимательство — это различного рода деятельность лиц, направленная на получение нетрудового обогащения, совершаемая в виде промысла или в значительных размерах и под прикрытием и с использованием форм социалистических предприятий, учреждений, организаций и выражающаяся в выполнении определенных работ в области производства, обслуживания населения либо в совершении организационных действий по исполнению этих работ, посягающая на принципы социалистического хозяйствования».

Интересное определение понятия частного предпринимательства содержится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1976 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за частнопредприниматель-

скую деятельность и коммерческое посредничество». В этом Постановлении Верховный Суд СССР разъяснил, что под частно-предпринимательской деятельностью, влекущей уголовную ответственность, следует понимать такую деятельность в целях наживы, которая осуществляется при производстве товаров, строительстве или оказании услуг в сфере бытового, культурного и иного обслуживания населения с использованием либо под прикрытием государственных, кооперативных или иных общественных форм для получения прав, льгот и преимуществ, предоставляемых социалистическим предприятиям и организациям (найма рабочей силы, получения сырья, материалов, оборудования, а также льгот по налоговому обложению, реализации продукции и т. д.) [см.: 12, с. 15].

Необходимо, прежде всего, отметить, что Верховный Суд СССР впервые в своей практике принял специальное постановление по этой категории дел, в котором дал ряд важных и принципиально правильных разъяснений по применению законодательства об ответственности за частнопредпринимательскую деятельность. Так, в сформулированном понятии рассматриваемого преступления Верховный Суд СССР правильно указал, что частное предпринимательство совершается не только под прикрытием, но и с использованием социалистических форм для получения прав, льгот и преимуществ, предоставляемых социалистическим организациям, что оно совершается в корыстных целях. Здесь же определены сферы, где может быть совершено это преступление, и дана характеристика действия при его совершении. Вместе с тем, в самом определении отсутствует указание на размеры частного предпринимательства, которые позволяют рассматривать его как преступление, не отражена и характеристика объекта преступления.

В юридической литературе вопрос о понятии частнопредпринимательской деятельности освещается достаточно противоречиво. Например, Ю. И. Ляпунов указывает, что «под частнопредпринимательской деятельностью следует понимать любые умышленные действия, направленные на получение нетрудового дохода путем организации, руководства лжесоциалистической организацией или участия в ней» [см. 11, с. 11].

Следует заметить, что эта работа была опубликована вскоре после принятия новых уголовных кодексов и на формирование позиции автора по вопросу о понятии частнопредпринимательской деятельности, видимо, оказало влияние ранее действующее законодательство, которым устанавливалась уголовная ответственность лишь за создание или участие в лжекооперации либо за содействие должностных лиц деятельности этой преступной организации.

Однако законодатель не случайно опустил указание на этот вид частнопредпринимательской деятельности непосредственно в самом законе, так как формы ее проявления многообразны и

указывать на все из них в статье УК нецелесообразно. Вывод о том, что к уголовной ответственности должны привлекаться не только лица, причастные к деятельности лжекооперации, был сделан еще до принятия новых УК союзных республик в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1948 г. «О квалификации преступлений, связанных с проникновением частника в кооперацию и предприятия местной промышленности» [см.: 11, с. 3].

Таким образом, основным недостатком приведенного определения является то, что оно содержит указание фактически лишь на один вид частного предпринимательства и оставляет без внимания все остальные формы проявления этого преступления. Применение же указанного понятия на практике привело бы к ограничительному применению закона.

Однако Ю. И. Ляпунов не всегда исходит из данного им понятия и уже на последующих страницах своей работы обоснованно указывает и на другие возможные способы совершения частнопредпринимательской деятельности (например, использование виновным своего места работы и др.) [см.: 7, с. 12—13], а в работе, изданной через несколько лет, дает подробное описание различных форм проявления анализируемого преступления [см.: 3, с. 99—114].

Ряд авторов определяют частнопредпринимательскую деятельность как любую умышленную деятельность, направленную на получение нетрудового дохода, частнопредпринимательской наживы под прикрытием государственных, кооперативных или иных общественных форм [см.: 1, с. 9; с. 19].

Достоинством этого определения является то, что оно не дает повода для ограничительного применения закона, поскольку указывает на такие важные его признаки, каккрытие формами социалистических организаций, форму вины и цель получения нетрудового дохода.

Вместе с тем, приведенное определение понятия частнопредпринимательской деятельности имеет и ряд недостатков. Прежде всего, оно не раскрывает содержания самого общественно опасного действия при частном предпринимательстве, не показывает тех его специфических признаков, которые индивидуализируют его и позволяют отличать от всякой иной сходной деятельности. Так, даже указание на то, что частнопредпринимательская деятельность всегда прикрывается формами социалистических организаций, является недостаточным для ее ограничения от иной корыстной и даже преступной деятельности под прикрытием этих форм. В ряде случаев такие преступления, как занятие запрещенным промыслом, коммерческое посредничество, могут совершаться под прикрытием форм социалистических организаций, а содержащиеся в сформулированном понятии признаки недостаточны для разграничения названных преступлений и правильного применения соответствующих статей УК УССР,

предусматривающих ответственность за их совершение.

Недостатком указанного определения является и то, что в нем не нашла отражения характеристика таких его признаков, как общественная опасность, содержание причиняемого ущерба преступной деятельностью и некоторые другие.

Наиболее удачными представляются определения понятия частного предпринимательства, которые сформулированы в работах М. Д. Лысова, К. И. Лыскова и Л. И. Иванова. Например, М. Д. Лысов указывает, что «частнопредпринимательской следует считать всякую, посягающую на социалистические формы организации и ведения хозяйства, незаконную хозяйственную деятельность», заключающуюся в выполнении определенных работ в области производства материальных благ или в сфере обслуживания населения, осуществляемую в целях получения нетрудового дохода [см.: 6, с. 11]. В этом определении содержится указание на объект посягательства, дается характеристика действия при частном предпринимательстве, отражены и другие важные признаки этого преступления.

Вместе с тем, представляется, что в этом определении следовало указать на такой важный признак частного предпринимательства, как использование форм социалистических организаций, указать на те размеры деятельности, которые позволяют квалифицировать деяние как преступное.

Последним недостатком страдает и определение К. И. Лыскова, который под частнопредпринимательской деятельностью понимает «..незаконное материальное производство или выполнение тех или иных работ или различного рода обслуживание населения с целью получения нетрудового дохода путем использования и нарушения социалистических форм хозяйственной деятельности» [см.: 5, с. 11].

Аналогичное (по полноте охвата существенных признаков этого преступления) определение содержится и в работе Л. И. Иванова, который указывает: «Частное предпринимательство, то есть всякая посягающая на социалистические принципы ведения хозяйства и прикрываемая формами социалистических предприятий, учреждений и организаций деятельность, выступающая как средство извлечения нетрудового дохода и заключающаяся в организации, а равно в выполнении определенных работ по производству материальных благ или оказании различного рода услуг» [см.: 2, с. 6].

В приведенном определении также отсутствует указание на такие признаки, как промысел и значительный размер, которые дают основание рассматривать частнопредпринимательскую деятельность как преступную. В данном определении не отражено и то положение, что частнопредпринимательская деятельность совершается не только под прикрытием форм социалистических организаций, но и всегда связана с активным использованием этих форм для преступной деятельности.

В юридической литературе приводятся и иные определения понятия частнопредпринимательской деятельности. Видимо, каждое из имеющихся определений понятия этого преступления, как и предложенное автором настоящей работы, не лишено определенных недостатков, но важно и то, что все они, бесспорно, оказывают помощь в выяснении сущности уголовного закона, установлению основных, наиболее существенных признаков частнопредпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Ефимов М., Фролов Е., Шведова З. Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество.— «Сов. юстиция», 1961, № 9, с. 1—9.
2. Иванов Л. И. Уголовная ответственность за частнопредпринимательскую деятельность по советскому уголовному праву.— Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1975. 17 с.
3. Коллектив авторов. Уголовная ответственность за хищение государственного или общественного имущества, хозяйственные преступления и взяточничество. М., Изд-во Высшей школы МВД СССР, 1967. 207 с.
4. Леонтьев Б. М. Ответственность за хозяйственные преступления. М., «Юрид. лит.», 1963. 190 с.
5. Лысов К. И. Ответственность по советскому уголовному праву за частнопредпринимательскую деятельность с использованием государственных и общественных форм. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1967. 20 с.
6. Лысов М. Д. Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность по советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Казань, 1966. 21 с.
7. Ляпунов Ю. И. Хозяйственные преступления. М., Изд-во Высшей школы МВД РСФСР, 1964. 50 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., «Сов. энциклопедия», 1968. 900 с.
9. Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., «Юрид. лит.», 1973. 268 с.
10. Словарь синонимов русского языка. «Наука», Ленинградское отделение, 1971, ч. II. 857 с.
11. Судебная практика Верховного Суда СССР. М., 1948. Вып. 6, с. 1—3.
12. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1976, № 4, с. 1—15.
13. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 7, с. 10—11.

А. Ф. Зелинский, канд. юрид. наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЦИДИВИСТОВ

Проблема типологии личности преступников является одной из наиболее актуальных. Она непосредственно связана с задачами прогнозирования индивидуального поведения и предотвращения рецидива: «если бы мы четко знали, какому типу личности свойственно принятие какого именно решения., то мы могли бы более точно прогнозировать индивидуальное поведение» [3, с. 265—266].

В работах по исправительно-трудовому и уголовному праву

преобладает классификация¹, построенная по характеру совершаемых преступлений. Того же критерия придерживаются и отдельные криминологи. Но в большинстве исследований криминологического характера разрабатывается классификация преступников по признакам глубины, стойкости и напряженности антиобщественных взглядов и установок. А. Б. Сахаров, например, различает преступников привычных, профессиональных, случайных, а также совершивших опасные деяния по легкомыслию, вспыльчивости, слабоволию, под влиянием страха, обиды и т. п. [см.: 9, с. 165—167]. Такая группировка является традиционной, ее основы были заложены криминологами старой социологической школы. Дальнейшую ее модификацию мы находим также в работах В. П. Филимонова, посвященных личности правонарушителей. Он делит преступников на впервые совершивших преступление и повторно нарушивших уголовный закон. Первые бывают случайными. Вторые состоят из несудимых ранее и рецидивистов. Те и другие разделяются еще по признаку тяжести совершенных преступлений [см.: 11, с. 12—17]. Авторы коллективной монографии о личности преступника классифицируют правонарушителей по двум признакам: характеру антисоциальной направленности и ее глубине, стойкости, злостности [см.: 6, с. 50—57]. Исходя из «степени криминальной зараженности правонарушителя», психолог А. Г. Ковалев различает: 1) глобальный преступный тип; 2) парциальный, т. е. с частичной криминальной зараженностью; 3) предкриминальный тип преступника [см.: 2, с. 46—52].

Нельзя не отметить, что указанные классификационные системы рассматривают рецидивистов как однородную группу злостных преступников. Между тем выборочное изучение повторно осужденных приводит к выводу о том, что они существенно различаются между собой по ряду социально-психологических характеристик и поэтому нуждаются в собственной криминалистической классификации. Существенным недостатком упомянутых попыток типологии личности преступников является, на наш взгляд, игнорирование иных, кроме сознания, психологических свойств человека — темперамента, интеллектуальных, волевых, эмоциональных и других его качеств. Преступление не раскрывает все многообразие личности и не может однозначно аттестовать индивида. Одно и то же по юридическим признакам деяние нередко порождается различными свойствами. Кража, например, в одном случае обнаруживает корыстную, хищническую направленность, а в другом — слабоволие и внушаемость. Поэтому классификация преступников должна основываться не только на направленности совершаемых ими деяний,

¹ В этой статье слова «типология» и «классификация» из стилистических соображений используются как синонимы, хотя, строго говоря, типология отличается более высоким по сравнению с классификацией уровнем абстракции.

но и на характерологическом сочетании тех свойств, которые проявляются в преступном поведении. Другими словами, криминологическая классификация должна исходить из психологической типологии личности.

В этой связи привлекает к себе внимание типология, предложенная в свое время известным психологом А. Ф. Лазурским [см.: 5, с. 85—193, 307]. Он различал несколько человеческих типов, каждый из которых характеризуется тремя уровнями психической активности. Сущность психологической активности «заключается... в тенденции личности к самовыражению, эффективному освоению и преобразованию внешней действительности... Степени активности распределяются от вялости, инертности и пассивного созерцательства на одном полюсе до высших степеней энергии, мощной стремительности и постоянного подъема — на другом» [7, с. 178]. В последние годы научное наследие А. Ф. Лазурского все чаще привлекает к себе внимание исследователей. Для криминологов, изучающих рецидивную преступность, особый интерес представляет описанный этим автором так называемый «извращенный тип». В условиях социалистического общества многократные конфликты с уголовным законом свидетельствуют об устойчивых дефектах личности, ее извращенности. Поэтому преступники-рецидивисты относятся к той категории людей, которую А. Ф. Лазурский назвал извращенным типом. Принимая во внимание наиболее существенные черты характера («психологическое содержание личности», по выражению А. Ф. Лазурского), различаем четыре извращенных подтипа: $\downarrow$ рассудочные, слабовольные, импульсивные и эмоциональные. Они отличаются двумя уровнями активности — низшим и средним. Представители высшего уровня в понимании А. Ф. Лазурского среди современных рецидивистов практически не встречаются. Среди изученных лиц нам не довелось встретить людей, которых можно было бы отнести к извращенному типу высшего уровня психической активности. Рассудочных низшего уровня А. Ф. Лазурский называет «расчетливыми эгоистами». Мы считаем целесообразным, несмотря на известную неточность и устарелость терминологии, возникшей в первые десятилетия XX в., сохранить ее для обозначения соответствующих категорий упорных правонарушителей. На среднем уровне располагаются «лицемеры». Слабовольные низшего уровня психической активности называются «апатичными», среднего — «неприспособленными». Импульсивные состоят из «беспорядочных импульсивных» (низший уровень) и «аффективных» (средний уровень). Эмоциональные низшего уровня определяются «сосредоточенно жесткими», а среднего — «энергичными озлобленными». Разумеется, эти названия в значительной мере являются условными и применяются для определения некоторой совокупности черт характера, которые обнаруживаются в преступной деятельности рециди-

вистов. Таким образом, предлагаемая классификация состоит из восьми групп, расположенных на двух уровнях.

Расчетливые эгоисты отличаются низкой духовной культурой и узостью кругозора. Интересы их обращены главным образом на удовлетворение примитивных личных потребностей. Мелочно корыстолюбивы, но в крупных хищениях участие принимают редко в силу недостаточной активности. В генезисе рецидивных преступлений решающая роль принадлежит корыстно-потребительской направленности личности. Повторяют обычно кражи на производстве, похищения плохо охраняемого имущества, мошенничество, различного рода поборы, в частности, взятки, преступные «промыслы» (спекуляция, браконьерство, самогоноварение и пр.), а также уклонение от уплаты алиментов. При случае могут решиться и на насильственные посягательства ради ближайшей выгоды в обстановке, обеспечивающей уклонение от ответственности. Действуют, как правило, без соучастников. Для них характерны безыдейность и слепая зависимость от внешних условий жизни. С. В. Познышев писал о таких людях: «Никакого идейного базиса под свое преступление расчетливые преступники не подводят: они знают, что оно нехорошо, и им не следовало бы его делать, но их соблазняет представляющаяся им связь этого преступления, как средства, с целью, которой они решили добиться» [8, с. 245].

Интервалы рецидива, т. е. отрезки времени между освобождением и новым преступлением, несмотря на «расчетливость» преступного поведения, сравнительно небольшие. Среди обследованных нами лиц, повторно осужденных, средний интервал был установлен в 3,5 года. Но у тех, кого мы отнесли к группе расчетливых эгоистов, средний интервал — 2,6 года. Сокращение интервалов следует объяснить не только более интенсивной преступной деятельностью, но и ее примитивными формами. Сочетание того и другого обуславливает скорое разоблачение преступлений и, следовательно, новую судимость.

Для преступлений, совершаемых рассудочными лицемерами, также характерна корыстная мотивация, но цели и средства их достижения разнообразнее. Если эгоисты (низший уровень активности) не утруждают себя размышлениями о моральности своих поступков, то лицемеры (средний уровень) склонны к резонерству. При этом нередко обнаруживается известная гибкость в самооправдании и нравственном обосновании своих поступков. Они менее зависят от конкретной жизненной ситуации, активнее приспосабливаются к внешней обстановке, используя ее для достижения поставленных целей. Поэтому рецидив у них более однороден и состоит обычно из хищений социалистического и личного имущества, различного рода хозяйственных и должностных преступлений. Психологической основой связи рецидивных правонарушений выступает, как правило, антиобщественная корыстная направленность лично-

сти. Преступления выполняют более квалифицированно и замаскированно. Из таких лиц нередко возникают организованные группы расхитителей, воров, спекулянтов.

Слабовольный подтип рецидивистов на низшем уровне психического развития мы называем апатичным. Это опустившиеся люди, обычно алкоголики, безразличные ко всему, кроме спиртных напитков. Поступки в определяющей мере детерминируются внешними условиями. Поведение крайне неустойчивое и трудно предвидимое. Легко поддаются влиянию других людей, но их конформность неустойчива. Нравственная неразвитость личности отчетливо выражена. Семейные, трудовые и иные социально-полезные связи постепенно ослабевают и утрачиваются. Большинство рецидивистов-бродяг и тунеядцев различного рода — люди апатичного склада характера. Под влиянием алкоголя и конкретной жизненной ситуации они могут решиться на самые различные посягательства: кражу, хулиганство, насилие. Психологическим основанием связи между рецидивными преступлениями выступают безволие и нравственная дебилность.

Слабовольный тип среднего психического уровня (неприспособленные) отличается от апатичных большей живостью характера и относительно развитым интеллектом. Главный порок такой личности заключается в неумении подчинить свое поведение какой-нибудь дальней социально-полезной цели, в отсутствии твердых моральных идеалов и слабости системы внутреннего контроля. Для их нравственных и правовых взглядов характерна раздвоенность. Моральными психоастениками называл С. В. Познышев таких преступников и указывал, что для них свойственны колебания и нерешительность перед умышленным преступлением и искреннее раскаяние после его совершения [см.: 8, с. 112]. Они нередко обвиняются в ненасильственных нарушениях общественного порядка и порядка управления, а также в имущественных посягательствах, совершаемых в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Значительно реже совершаются насильственные преступления, обусловленные, как правило, бытовой неустроенностью, семейными скандалами и пьянством. Преобладает общий рецидив, т. е. сочетание разнородных правонарушений. Субъективным основанием связи в рецидиве выступают слабоволие, неуравновешенность, антисоциальные поведенческие привычки.

Рецидивисты, которых мы относим к категории импульсивных, мало думают о последствиях своих поступков перед их совершением. Опрометчивые решения принимают по первому побуждению, которое не встречает достаточно развитого нравственного контроля. На низшем психическом уровне импульсивность определяет группу преступников, именуемых беспорядочными. Это крайне неуравновешенные люди, склонные к бурным реакциям на неблагоприятную обстановку. Они способны со-

вершить тяжкие посягательства на личность по ничтожному поводу. Влечения и желания их, почти всегда активизированные алкоголем, не находят достаточно действенных контрмотивов, вследствие чего «вновь возникшее желание немедленно переходит в соответствующее действие, не будучи задерживаемо ни мотивами противоположного характера, ни попытками обсудить предстоящий поступок и его последствия. Отсюда их решительность и склонность к энергичным действиям, соединенная, однако, со значительным легкомыслием, несерьезностью и беспорядочностью поступков» [5, с. 101]. В рецидиве повторяются чаще всего хулиганство, насильственные преступления против жизни, здоровья, чести и достоинства граждан, а также угоны транспортных средств. Имущественные посягательства совершаются на почве пьянства и в силу внешних влияний. В основании неоднократного преступного поведения находятся такие психологические качества личности, как особенность темперамента, различного рода врожденные и приобретенные психические патологии, не устраняющие вменяемость (психопатии, невроты и т. п.).

Аффективные рецидивисты относятся к среднему психическому уровню импульсивных. Они повторяют преступления под влиянием взволнованности, которая далеко не всегда заслуживает снисхождения. Поводами аффективного состояния выступают самые различные конфликтные ситуации, в том числе и такие, которые возникли по вине преступников. Среди лиц, повторно отбывающих наказание в местах лишения свободы, люди, готовые форсировать аффективное состояние, встречаются довольно часто. В основе такого поведения лежат свойства темперамента, патологические отклонения в протекании психических процессов, не исключающих вменяемость. В отличие от беспорядочных аффективных обладают более высоким уровнем нравственного и интеллектуального развития. В обычном состоянии они правильно оценивают обстановку и свое поведение, но совершая преступление, убеждают себя в том, что стали жертвами несправедливых и обидных действий со стороны потерпевших. Действуют в гневе, что не всегда присуще преступному поведению импульсивных рецидивистов низшего психического уровня. Отвечают, как правило, за насильственные посягательства. Рецидив почти всегда состоит из однородных правонарушений. Корыстные преступления совершаются как следствие прежней преступной деятельности под влиянием стечения неблагоприятных жизненных обстоятельств.

Эмоциональные преступники-рецидивисты низшего уровня (сосредоточенно жестокие) отличаются злобностью, примитивным мышлением и нравственной извращенностью. Вражда, месть, ревность и другие мотивы насильственных посягательств возникают и укрепляются не внезапно, как у импульсивных, а вынашиваются достаточно длительное время. Обвиняются

обычно в умышленных убийствах и телесных повреждениях, а также в хулиганстве, истязаниях, разбоях, изнасиловании, уничтожении имущества. Склонность к насилию вытекает из патологических отклонений высшей нервной деятельности и общей духовной неразвитости. Они не пытаются «идейно» обосновать свое поведение, их жестокость к потерпевшим кажется немотивированной. В преступной деятельности преобладает специальный рецидив насильственных посягательств.

На среднем уровне располагаются энергичные озлобленные. Для них характерны стойкая агрессивная направленность, осознанная враждебность к правопорядку, лицемерие. Они способны к длительной преступной деятельности, связанной с насилием. Отличаются крайним эгоцентризмом и повышенными жизненными притязаниями, которые не соответствуют их возможностям. Связующим психологическим основанием рецидива служат антиобщественная агрессивная направленность, повышенная эмоциональность. От рассмотренных выше импульсивных рецидивистов данная категория отличается тем, что действует она под влиянием какого-то сильного побуждения, надолго сохраняющего свое мотивирующее значение.

Предлагаемая классификация личности преступников-рецидивистов, выполненная на основе работ А. Ф. Лазурского, не может, конечно, рассматриваться как вполне законченная и единственно возможная. Вместе с тем представляется, что она имеет право на существование наряду с другими, так как учитывает не только свойства сознания, но и иные психические качества личности преступника. И хотя умышленная вина предполагает сознание общественной опасности противоправных поступков, само это сознание приобретает для субъекта различный личностный смысл в зависимости от его психического состояния. Не следует отождествлять сознание и психику человека. Второе понятие значительно шире; оно включает в себя и то, что относится к подсознанию. Нет оснований ограничивать сферу человеческих мотивов рамками сознания [см.: 1, с. 150]. Односторонний «рационалистический» взгляд на мотивацию поведения, вытекающий из широко распространенного отождествления психического и осознаваемого, подвергается в философской и психологической литературе обоснованной критике [см.: 10, с. 239—241; 1, с. 131—151]. Как верно заметил А. М. Яковлев, «для противоправного поведения более характерно нарушение правовых норм без отвержения их социального содержания по существу» [12, с. 239]. В этом отношении рецидивисты мало отличаются от других правонарушителей. Поэтому проблема их типологии не может быть решена без учета свойств темперамента, задатков, интеллектуальных, волевых и эмоциональных качеств личности, их социальной и социально-психологической направленности. Другими словами, юридическая классификация, построенная на характере и количестве совершен-

ных преступлений, должна дополняться психологической типологией рецидивистов. «Личность — понятие емкое и содержательное. Многие аспекты личности, особенно в психофизическом плане, в приведенных типологиях не учтены, а они имеют важное значение для практической организации борьбы с правонарушителями.. Небезразлично для практики учитывать также типы людей с психическими отклонениями от норм в пределах вменяемости» [4, с. 211].

Предлагаемая классификация в сочетании с другими создаст предпосылки для прогнозирования индивидуального поведения, ибо психологическая характеристика личности означает, в сущности, суждение о том, как будет вести себя человек в той или иной ситуации. Представляется, что типология личности осужденных имеет важное значение для индивидуализации педагогического процесса в исправительно-трудовом учреждении. Совершенно очевидно, что формы и методы индивидуальной воспитательной работы в значительной мере определяются тем, какие дефекты психики осужденного неоднократно приводят его в места лишения свободы. Исправление и перевоспитание рецидивистов рассудочного типа происходит несколько иначе, чем лиц, отличающихся слабоволием и внушаемостью. А воспитательная работа с осужденными, которые нарушили уголовный закон под влиянием психопатических свойств характера, имеет известные особенности и сочетается с лечением. В связи с этим уместно вспомнить, что исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г., который создавался при жизни В. И. Ленина, предусматривал образование специальных колоний для «психически неуравновешенных, туберкулезных и других больных заключенных», где исправительно-трудовое воздействие дополнялось мерами медицинского характера. Законодательство некоторых зарубежных социалистических стран также учитывает необходимость создания особых учреждений для содержания лиц, нуждающихся в медико-воспитательном воздействии. Так, ст. 38 уголовно-исполнительного кодекса Польской Народной Республики в перечне пенитенциарных учреждений называет «пенитенциарные учреждения для осужденных, требующих применения к ним особых медико-воспитательных мер».

Список литературы

1. Асеев В. Г. Проблемы мотивации и личность.— В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., «Наука», 1974, с. 132—151.
2. Ковалев А. Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М., «Юрид. лит.», 1968. 136 с.
3. Кудрявцев В. Н. Социально-психологические характеристики антиобщественного поведения.— В сб.: Методологические проблемы социальной психологии. М., «Наука», 1975, с. 255—268.
4. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., «Наука», 1976. 286 с.
5. Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Изд. 2-е, М.—Пгд, 1923, 224 с.

6. Личность преступника. М., «Юрид. лит.», 1975. 270 с.
7. Небылицы В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., «Наука», 1976. 336 с.
8. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926. 248 с.
9. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., Госюриздат, 1961. 286 с.
10. Титаренко П. И. Структура нравственного сознания (опыт этико-философского исследования). М., «Мысль», 1974. 278 с.
11. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Изд-во Томского ун-та, 1973. 152 с.
12. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология (социально-психологические закономерности противоправного поведения). М., «Юрид. лит.», 1971. 248 с.

В. С. Зеленецкий, канд. юрид. наук

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вопрос о законности и обоснованности привлечения граждан к уголовной ответственности является основным не только в теории советского уголовного процесса, но и в практической деятельности органов расследования, прокуратуры и суда. Его значение обуславливается тем, что акт привлечения к уголовной ответственности является одним из способов реализации уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

Необходимо, однако, заметить, что до настоящего времени в теории нет единого мнения по вопросу о моменте привлечения лица к уголовной ответственности, этапах ее возникновения и реализации.

По мнению Н. С. Лейкиной, уголовная ответственность «возникает в момент совершения преступления и оканчивается с отбытием наказания и погашением судимости или когда лицо освобождается от нее на основании ст. 10, 50, 51, 52 УК РСФСР» [3, с. 31]. Анализ этой позиции автора приводит к выводу о ее противоречивости. В такой постановке вопроса остается непонятным, почему он связывает момент возникновения уголовной ответственности с предъявлением обвинения конкретному лицу. По мнению Н. С. Лейкиной, «привлечение к уголовной ответственности — это первоначальный этап реализации уголовной ответственности. Он оформляется процессуальным актом предъявления обвинения» [3, с. 32]. Автор полагает далее, что «сущность первой стадии состоит в признании следственными органами лица ответственным за совершение определенного преступления, в качестве обвиняемого по определенной статье Особенной части Уголовного кодекса» [3, с. 32]. При таком подходе к определению исходных и конечных границ уголовной ответственности период с момента совершения

преступления до предъявления обвинения выпадает из общих границ уголовной ответственности преступника. Он не относится к предшествующей стадии и не выделяется автором в самостоятельную стадию уголовной ответственности.

Мы полагаем, что в момент совершения преступления возникает не уголовная ответственность в целом, а лишь такой ее элемент, как обязанность лица, совершившего преступление, понести уголовную ответственность перед советским государством. Смешивать эти два обстоятельства недопустимо, поскольку каждое из них порождает специфические правовые последствия. Если совершение преступления является юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые отношения между государством и преступником, а вместе с этим и обязанность последнего понести уголовную ответственность перед государством, то сама уголовная ответственность наступает в результате производства по делу в отношении конкретного лица. При этом следует особо подчеркнуть, что привлечение лица к уголовной ответственности действующее законодательство связывает с вынесением ряда процессуальных актов следователем или лицом, производящим дознание, и прокурором. Первым таким актом, индивидуализирующим лицо, виновное в совершении преступления, является постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Но достаточно ли одного этого акта для привлечения лица к уголовной ответственности?

Правильный ответ на поставленный вопрос можно получить лишь с учетом анализа структуры обвинительной деятельности, осуществляемой в уголовном процессе.

Л. М. Карнеева считает, что привлечение к уголовной ответственности представляет собой «единовременный процессуальный акт» [2, с. 16] и отождествляет его с привлечением лица в качестве обвиняемого.

Большинство ученых также полагает, что привлечение в качестве обвиняемого и является актом привлечения лица к уголовной ответственности [см.: 1, с. 9, 17; 3, с. 7—41].

Как видно, правильное решение обсуждаемой проблемы зависит от того, какие ответы будут получены на вопросы о том, являются ли тождественными такие процессуальные институты, как привлечение в качестве обвиняемого и привлечение лица к уголовной ответственности.

Согласно утверждений Н. А. Стручкова «уголовная ответственность наступает уже в процессе производства дознания или предварительного следствия». При этом, уточняя момент ее возникновения, автор указывает, что «предъявление обвинения и есть привлечение к уголовной ответственности» [5, с. 8]. Между тем привлечение к уголовной ответственности не может быть сведено к предъявлению обвинения, так как в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством оно включает в себя и вынесение постановления о привле-

чении лица в качестве обвиняемого, и предъявление этого постановления обвиняемому, и его допрос (ст. 131, 140, 143 УПК УССР; ст. 143, 148, 150 УПК РСФСР). Кроме того, укажем, что сюда включается и деятельность прокурора — субъекта государственного обвинения по утверждению обвинительного заключения и возбуждению государственного обвинения.¹

При этом следует иметь в виду, что предъявление обвинения не ставит лицо в какое-либо процессуальное положение. Оно имеет своей целью довести до сведения обвиняемого сам факт привлечения его в качестве обвиняемого, сообщить ему содержание обвинения и, наконец, выяснить его отношение к тому, что он совершил. Только акт привлечения в качестве обвиняемого ставит конкретное лицо в положение обвиняемого, в связи с чем к последнему могут применяться различные меры процессуального принуждения. Именно поэтому только с предъявлением обвинения нельзя связывать момент привлечения лица к уголовной ответственности.

Нельзя согласиться с мнением Н. А. Стручкова и о том, что «все последующее производство по делу — дознание, предварительное следствие, производство в суде, наказание лица, совершившего преступление (назначение наказания), — есть не что иное, как уголовная ответственность» [5, с. 8]. Если придерживаться подобной точки зрения, то оказывается, что сам факт производства по делу, осуществлявшегося в отношении конкретного лица, уже дает основание считать, что такое лицо понесло уголовную ответственность, при этом не имеет правового значения то обстоятельство, что уголовное дело в отношении обвиняемого прекращено по реабилитирующим его основаниям. Но такие выводы находятся в явном противоречии как с практикой, так и с теорией уголовного процесса, поскольку в реальной действительности в нашей стране ни одно лицо, не виновное в совершении преступления, не несет уголовную ответственность. Нелогичность такой позиции очевидна еще и потому, что «уголовная ответственность, — как это считает сам автор, — включает в себя и наказание виновного в совершении преступления лица» [5, с. 8]. Но является ли само по себе производство по делу какой-либо

¹ На практике и в уголовно-процессуальной литературе широко используется понятие «субъект обвинения», но не применяется оппозиционно-соотносительное ему понятие «объект обвинения». Поскольку реализация тезиса обвинения возможна лишь в структуре субъектно-объектных отношений, то очевидна невозможность существования в реальном процессе субъекта обвинения без объекта обвинения и объекта обвинения без субъекта обвинения. Следовательно, называя одно из этих понятий, мы предполагаем его соотносительность с другим. При этом используемое в настоящее время понятие «обвиняемый» не может заменить понятие «объект обвинения», ибо первое обозначает сущее, то, что наступило в результате обвинительной деятельности, а второе — должное, т. е. указывает на то, каким требованиям должно отвечать и какими при этом признаками должно обладать конкретное физическое лицо, совершившее уголовно-наказуемое деяние, наличие которых делает возможным осуществление против него обвинительной деятельности.

мерой наказания, предусмотренной уголовным кодексом? Конечно же нет. И по одному этому основанию следует признать недопустимым отождествлять производство по делу с таким институтом как уголовная ответственность лица.

При решении вопроса о времени привлечения к уголовной ответственности нельзя игнорировать факт привлечения лица в качестве обвиняемого, недопустимо отождествлять эти взаимосвязанные и в то же время относительно самостоятельные институты, рассматривая привлечение к уголовной ответственности в виде одноактного действия.

Правильный ответ на поставленный вопрос можно получить лишь в том случае, если при его решении учитывается общая структура обвинительной деятельности, т. е. с учетом ее осуществления не только следователем, но и прокурором.

По закону уголовную ответственность несет лицо, виновное в совершении преступления. Как отмечалось, впервые оно индивидуализируется следователем в момент привлечения в качестве обвиняемого. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности связано с привлечением лица в качестве обвиняемого, но все же не сводится к нему. Почему же нельзя допускать такого отождествления? Все дело заключается в том, что в момент вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого виновность лица в совершении преступления еще не полностью доказана. Как свидетельствует практика, в процессе последующего производства по делу обвинение может отпасть и лицо в таких случаях признается невиновным. Как же можно привлекать к уголовной ответственности, когда еще не полностью доказано, что именно это лицо совершило инкриминируемое ему преступление. И как можно при условии неполной доказанности виновности лица считать, что уже в стадии предварительного расследования оно несет уголовную ответственность. Изложенное делает очевидной неосновательность отождествления решения следователя о привлечении в качестве обвиняемого с актом привлечения лица к уголовной ответственности. Если бы все обстояло так, как это утверждают авторы рассмотренных точек зрения, то после привлечения лица в качестве обвиняемого не нужно было бы продолжать процесс доказывания, а следовало бы предъявить соответствующим лицам материалы дела для ознакомления, а затем передать дело прокурору для решения вопроса об утверждении обвинительного заключения, возбуждении государственного обвинения и направления его в суд для предания обвиняемого суду.¹

¹ Государственное обвинение представляет собой самостоятельный вид публичного обвинения, возникновение которого предполагает принятие прокурором специального решения о его возбуждении при наличии необходимого повода и достаточного основания. Момент возбуждения государственного обвинения совпадает по времени с моментом утверждения обвинительного заключения. В этой связи процесс, осуществляемый прокурором после предварительного расследования, но до предания обвиняемого суду мы именуем стадией возбуждения государственного обвинения [7, с. 112—122].

Но структура уголовного процесса предусматривает другой порядок осуществления деятельности следователя после привлечения лица в качестве обвиняемого. Она отражает незавершенность познавательной деятельности следователя, объективную необходимость продолжения процесса доказывания с целью достоверного установления виновности обвиняемого¹.

Практика показывает, что с момента привлечения лица в качестве обвиняемого до составления обвинительного заключения проходит довольно большой период напряженной работы следователя. Когда же следователь на основании совокупности имеющихся доказательств сформировал убеждение о виновности данного лица в совершении инкриминированного ему преступления, он принимает решение об окончании предварительного следствия и предъявлении всем заинтересованным лицам материалов для ознакомления (ст. 217, 218 УПК УССР).

Лишь после выполнения всех необходимых действий, связанных с окончанием производства по делу, следователь переходит к составлению обвинительного заключения. Этот заключительный акт предварительного расследования находится в определенном соотношении с постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого. На это обстоятельство уже обращалось внимание в нашей литературе (см.: 6). Здесь можно выделить различные аспекты соотношения названных актов. В плане этой статьи мы хотим обратить внимание на один из возможных аспектов и тем самым подчеркнуть не только общее, но и то, что отличает информационные и психологические основания решений следователя, находящих свое отражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

В основе каждого из названных актов лежит убеждение следователя о виновности конкретного лица. Это то, что является общим с точки зрения психологической характеристики, сформулированного следователем обвинения. Но в этом плане имеются и определенные различия. Они касаются полноты, всесторонности внутреннего убеждения, которое лежит в основе каждого из сравниваемых актов. Следовательно, убеждение, лежащее в основе постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, отличается от убеждения следователя, на основании которого он составил обвинительное заключение. В первом случае убеждение следователя лежит в основе исходного акта обвинения, подлежащего в дальнейшем всестороннему и полному доказыванию. Во втором случае речь идет о конечном акте для стадии предварительного расследования. Для следователя убеждение, нашедшее отражение в обвинительном заключении, является окончатель-

¹ Естественно, что в совокупность доказательств, устанавливающих виновность обвиняемого, входят и доказательства, избличающие конкретное лицо в совершении преступления, и на основании которых оно привлечено в качестве обвиняемого.

ным. В его основе лежит весь информационный фонд законченного производством уголовного дела.

Каждый из названных актов порождает различные правовые последствия. Они уже были предметом исследования в советской юридической литературе. Здесь следует указать лишь на то, что убеждение следователя о виновности конкретного лица в совершении преступления, нашедшее свое отражение в обвинительном заключении, является основанием направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения и тем самым для возбуждения государственного обвинения.

Обвинение может стать предметом судебного рассмотрения лишь после того, как прокурор примет соответствующее решение по уголовному делу и направит его в суд. Из этого видно, что привлечение виновного к уголовной ответственности связано не только с постановлением следователя о привлечении в качестве обвиняемого, но и с решением прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения.

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности не одновременный акт [см.: 2, с. 16], а протяженный, обладающий определенной длительностью процесс, пространственно-временные границы которого охватывают период с момента привлечения лица в качестве обвиняемого до утверждения обвинительного заключения прокурором, возбуждения им государственного обвинения с последующим направлением уголовного дела в суд для решения вопроса о предании обвиняемого суду. Как видно, привлечение лица к уголовной ответственности осуществляется не только следователем, но и прокурором. Этот аспект проблемы до сих пор не был предметом самостоятельного исследования. Между тем, правильное ее решение зависит от уяснения соотношения обвинительной деятельности следователя и обвинительной деятельности прокурора.

При этом следует исходить из того реально существующего и общепризнанного положения, что функция публичного обвинения является единой, целостной для всего уголовного процесса, хотя и осуществляется различными субъектами. Анализ взаимодействия этих субъектов обвинения заслуживает самостоятельного исследования. Главное, что следует здесь подчеркнуть, — это невозможность осуществления функции обвинения без взаимной (совместной) деятельности следователя и прокурора. Действительно, именно с деятельностью следователя связано возникновение функции обвинения. Затем в связи с завершением производства по делу происходит процесс трансформации следственного обвинения в государственное. Дальнейшая обвинительная деятельность осуществляется прокурором, возбуждающим государственное обвинение при утверждении обвинительного заключения. Как видно из этого, реализация следственного обвинения невозможна без обвинения государственного, а возникновение

последнего невозможно без следственного обвинения. Необходимо также отметить, что следственное и государственное обвинение находятся в отношении дополнительности, представляя собой различные уровни публичного обвинения, осуществляемого в уголовном процессе. Этот факт еще раз подчеркивает то обстоятельство, что, во-первых, в уголовном процессе функция обвинения всегда осуществляется общими усилиями следователя и прокурора. Во-вторых, она осуществляется в определенных пространственно-временных границах, нижним пределом которых следует рассматривать момент привлечения лица в качестве обвиняемого, а верхним — осуществление прокурором обвинительной деятельности в досудебных стадиях процесса. Именно в этих стадиях происходит возникновение, развитие и завершение формирования функции публичного обвинения. На наш взгляд, в качестве такого момента следует рассматривать возбуждение прокурором государственного обвинения против конкретного лица. Именно на данном этапе производства по делу завершается формирование функции государственного обвинения в уголовном процессе. В дальнейшем, с момента перевода прокурором обвинения в суд с ходатайством о принятии его судом к своему разрешению, начинается процесс поддержания государственного обвинения или, иначе говоря, осуществление функции обвинения в судебных стадиях процесса.

Как видно из вышеизложенного, привлечение лица к уголовной ответственности представляет собой сложную по своей структуре уголовно-процессуальную деятельность. Она охватывает две смежные стадии — предварительного расследования и стадию возбуждения государственного обвинения и состоит из следующих структурообразующих элементов: 1) привлечение лица в качестве обвиняемого; 2) предъявление ему обвинения; 3) составление обвинительного заключения и направление его прокурору для утверждения и решения вопроса о возбуждении государственного обвинения; 4) утверждение обвинительного заключения и возбуждение прокурором государственного обвинения против конкретного лица с последующим направлением уголовного дела в суд.

Совершением совокупности указанных действий созданы необходимые и достаточные условия для решения судом вопроса о виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности. Поэтому следует согласиться с Л. М. Карнеевой, что «значение привлечения к уголовной ответственности состоит не в признании лица виновным и не в установлении уголовной ответственности, а в создании для этого необходимых условий» [2, с. 1]. Эти замечания справедливы еще и потому, что ни следователь, ни прокурор не признают лицо виновным в совершении преступления в плане тех правовых последствий, которые наступают по решению органа, осуществляющего правосудие.

1. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук, Свердловск, 1973. 47 с.
2. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., «Юрид. лит.», 1971. 136 с.
3. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 128 с.
4. Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 166 с.
5. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права, М., «Юрид. лит.», 1967. 190 с.
6. Постовой Д. А. Обвинительное заключение в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1964. 21 с.
7. Зеленецкий В. С. Теоретическое обоснование стадии возбуждения государственного обвинения в советском уголовном процессе.— «Проблемы правопедания», вып. 33, Киев, «Вища школа», 1976. 132 с.

А. Н. Колесниченко, д-р юрид. наук, В. Е. Коновалова, д-р юрид. наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ И МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Развитие различных отраслей знаний, их широкая интеграция оказывают существенное влияние на возникновение и расширение проблем криминалистической тактики и методики расследования преступлений. Внедрение новейших достижений социальных и технических наук, научная интерпретация их создают необходимую основу для дальнейшего исследования теоретических аспектов криминалистической тактики и методики расследования на современном уровне.

Наибольшее значение принадлежит комплексу, объединяющему проблемы познавательного и организационного направления. Одной из проблем расследования, принадлежащей криминалистической тактике, но по своему значению далеко выходящей за ее пределы, является его планирование. Современные трактовки планирования расследования в его познавательном направлении, в использовании универсальных функций следственной версии, его роли для организации расследования в целом и тактики производства отдельных следственных действий, в возможностях привлечения сетевого планирования требуют глубокого теоретического исследования, позволяющего дать наиболее эффективные рекомендации для следственной деятельности. Монографическое исследование этой проблемы в аспекте определения системы наиболее типичных версий при расследовании отдельных категорий преступлений, закономерностей мыслительной деятельности, связанной с планированием расследования — задача криминалистики.

Одним из направлений развития науки является установле-

ние тенденций и форм межнаучных связей, в развитии которых можно прогнозировать и на современном уровне решать комплекс проблем, относящихся к различным областям знаний. В этой связи выяснение межнаучных связей криминалистики и такого ее раздела, как криминалистическая тактика, позволяет наметить основные направления в исследовании теоретических основ тактики расследования. Если в этом плане обратиться к выяснению связей криминалистической тактики с другими науками, ясно определится несколько наиболее перспективных, по нашему мнению, направлений. К ним, прежде всего, относится связь криминалистической тактики с социологией и, в частности, с социологией личности. Данные социологии, относящиеся к личности и социальным ролям ее, к конформизму, самосознанию как установке, к социальной зрелости, к взаимосвязи личности и референтных групп [см.: 4, с. 30], имеют важное значение для разработок таких проблем, как установление психологического контакта при допросе, оценка показаний обвиняемых, потерпевших и свидетелей, выдвижение версий о личности преступника, о мотивах совершения преступления, разработка тактических приемов производства отдельных следственных действий (допроса, обыска, предъявления для опознания, проверки показаний на месте) с учетом социологических показателей возрастных групп и пр.

В настоящее время широкую взаимосвязь криминалистическая тактика приобрела с судебной психологией. Данные общей (в том числе экспериментальной) и судебной психологии далеко не исчерпаны разработкой отдельных вопросов тактики. Межнаучные связи этих отраслей создают широкую перспективу исследования проблем решения мыслительных задач при построении версий [см.: 2, с. 291], определения наиболее оптимального механизма их конструирования, разработки психологических основ формирования, отдельных тактических приемов, создания схем психологического воздействия в типичных ситуациях производства отдельных действий и других вопросов.

Значительные перспективы для развития криминалистической тактики создает ее взаимосвязь с отдельными ветвями математической науки и, в частности, с теорией игр. Мыслительные задачи, возникающие в конфликтных ситуациях, наиболее эффективно могут быть решены следственной тактикой на уровне рефлексивного управления, составляющего ядро теории вероятности. Проигрывание различных вариантов решений за лицо, обладающее иной мыслительной платформой, при единой ситуации для выбора решения позволяет широко использовать рефлексивное управление не только в тактике допроса, но и в планировании расследования, в тактике обыска, осмотра места происшествия, следственного эксперимента, розыска преступников. Исследование механизма рефлексивного управления применительно к криминалистической тактике и методике в целом и ее частным

вопросам в конечном счете будет способствовать повышению эффективности расследования.

Активизируются межнаучные связи криминалистической тактики и логики, способствующие наиболее детальной разработке важных направлений тактики. Среди них особая роль принадлежит использованию данных логики для планирования, учению о гипотезе, стадиях ее развития, правилах проверки ее достоверности. Используя законы логики и категории материалистической диалектики, являющиеся ступенями познания, криминалистическая тактика и методика на их основе определяет специфику познания при расследовании путем избрания системы следственных действий и тактических приемов, обеспечивающих обнаружение истины по делу.

Значение межнаучных связей для создания новых направлений исследования в криминалистической тактике усматривается при анализе такой связи с лингвистикой. Новые данные в этом плане, свидетельствующие о взаимосвязи между произнесением отдельных слов и выражений и сопровождающими их психофизиологическими реакциями лица, определяемыми, как паралингвизмы, открывают определенные возможности для тактики допроса, обыска, предъявления для опознания, для определения состояний лица при различных формах психологического воздействия (постановка контрольных вопросов, предъявление избличающих доказательств) и пр. Так, Н. И. Смирнова отмечает, что паралингвистические явления несут разнообразную и богатую информацию о человеке и отражают не только его состояние, тип нервной системы, но и поведение человека в связи с избранной им социальной ролью [см.: 7, с. 102].

Значительный теоретический интерес и практическую ценность приобретает исследование познавательной функции психологии в тактике производства отдельных следственных действий. Особое значение имеет рассмотрение этих вопросов в связи с тем, что выяснение названной функции в ее многообразных аспектах позволяет более углубленно выяснить закономерности в формировании отдельных тактических приемов, в основе которых лежат психологические рекомендации. В этом отношении рассмотрение психологических основ тактики осмотра места происшествия, допроса [см.: 9, с. 42], обыска, предъявления для опознания, производства экспертизы позволяют наметить необходимую теоретическую базу для создания и корректирования отдельных тактических приемов, имеющихся в арсенале криминалистической тактики. Известный интерес в этой проблеме приобретает разработка типов мыслительных задач и способов их решения при организации и производстве следственного действия. Именно здесь выясняется роль эвристического мышления, создания алгоритмов, позволяющих успешно решать мыслительные задачи в определенной обстановке, прослеживание взаимосвязи между логическим и эвристическим мышлением при осу-

ществлении тактики производства отдельных действий и расследования в целом.

Исследование названных вопросов во многом будет способствовать наиболее эффективной организации проведения отдельных следственных действий и, как необходимое следствие из этого, организации расследования в целом.

Отпочкование новой области знания — виктимологии — ставит перед криминалистической тактикой задачу определения наиболее плодотворных связей с нею в направлении разработки тактики допроса потерпевших, выяснения в процессе производства расследования причин и условий, способствовавших совершению преступлений в плане названной взаимосвязи [см.: 8, с. 71].

В настоящее время претерпевает закономерный пересмотр ставшее традиционным понимание тактических приемов как произвольно избираемой программы производства того или иного следственного действия. Характер рекомендаций относительно приемов производства следственного действия, их сочетание и последовательность обычно ограничивались требованиями «наибольшей эффективности» их, позволяющей осуществить достижение цели. Имеющиеся в распоряжении следователя тактические приемы (рекомендации), не составляя каких-либо систем, произвольно избирались в зависимости от определения их возможной эффективности при производстве отдельного следственного действия. Между тем, современное состояние криминалистической тактики, успешная разработка приемов тактики производства следственных действий позволяют ставить вопрос о разработке типичных систем тактических приемов при организации следственных действий. Создание таких систем вовсе не противоречит творческому характеру и свободному выбору тактических приемов, а облегчит избрание такой последовательности и комплексности последних, которая обеспечивает быстрое решение поставленной задачи в конкретной обстановке.

По своей структуре такие системы должны основываться на следующих положениях:

- а) соответствовать требованиям социалистической законности;
- б) соответствовать комплексу имеющихся и новых, наиболее эффективных рекомендаций;
- в) обладать спецификой, определяемой той или иной следственной ситуацией.

Первое предполагает изучение всех имеющихся тактических рекомендаций относительно производства отдельного следственного действия. Второе имеет целью изучение возможного числа обстоятельств, вариантов поведения при производстве того или иного следственного действия (их круг не бесконечен) и построение системы, могущей обеспечить достижение цели при осуществлении конкретного следственного действия. В криминали-

этической литературе были определенные рекомендации, представляющие собой системы. Так, в частности, рекомендации по тактике производства осмотра места происшествия объединялись в системы соответственно комплексу обстоятельств (осмотр от центра к периферии, осмотр от периферии к центру и т. п.). Впоследствии эти системы приемов дополнялись и совершенствовались за счет рекомендаций относительно решения мыслительных задач, связанных с обнаружением и оценкой доказательств, выдвижением в процессе осмотра частных и общих следственных версий, решением задач, связанных с осмотром, применением мыслительных моделей типа «плывущего силуэта» [см.: 3, с. 40] и т. п. Требуют дальнейшей разработки системы тактических приемов производства всех следственных действий. Так, применительно к такому следственному действию, как допрос системы тактических приемов, наряду с имеющимися рекомендациями могут быть направлены: а) на диагностику типа темперамента допрашиваемого; б) на установление психологического контакта; в) на избличение во лжи; г) на установление самоговора; д) на преодоление запертательства; е) на избрание приемов психологического воздействия и т. п. Подобные системы с учетом специфики следственного действия могут быть разработаны применительно к каждому из них.

Проблемой криминалистической тактики является исследование познавательной роли отдельных следственных и судебных действий в установлении истины при расследовании. Так как познание в уголовно-процессуальной деятельности осуществляется путем производства отдельных следственных действий в форме, обусловленной процессуальным законом, важным является установление специфики этих действий в их познавательном плане. В этом отношении известный интерес представляет роль разрабатываемых тактических приемов того или иного действия в целях наиболее эффективного обнаружения информации, открывающей перспективу установления истины по делу. Такому требованию наряду с другими требованиями соответствия норме уголовно-процессуального закона и этическим нормам должны быть подчинены все тактические приемы следственных и судебных действий. Установление познавательной роли и возможностей использования для обнаружения доказательственной информации, выяснение их временного характера в плане отнесения к первоначальным и неотложным следственным действиям в конкретной обстановке. Выяснение познавательной роли отдельных следственных и судебных действий в конечном счете определит и систему применяемых приемов в процессе их выполнения. Она также будет подчинена задачам познания.

Совершенствование тактики производства отдельных следственных и судебных действий существенно влияет на экономию процессуальных средств, составляющих одну из сторон научной организации труда. Действительно, быстрое обнаружение до-

казательственной информации путем применения тактических приемов при производстве отдельных следственных действий извбавляет следователя от необходимости использовать другие следственные действия, создавая экономию процессуальных средств и обеспечивая тем самым быстроту и целенаправленность расследования преступления. В большинстве случаев повторные осмотры места происшествия, допросы широкого числа лиц, сообщающих однотипную информацию, повторные обыски, назначение повторных и дополнительных экспертиз являются в ряде случаев следствием недостаточной подготовки этих действий, отсутствием продуманности в системе тактических приемов и необходимых материалов, обеспечивающих наиболее эффективное производство этих действий. Именно поэтому одной из важных сторон разработки некоторых направлений криминалистической тактики является такое производство отдельных следственных действий, которое бы способствовало экономии процессуальных средств путем наиболее целесообразного выбора системы тактических приемов производства этих действий. При избрании этой системы следователь должен быть ориентирован на то, чтобы тактические приемы преследовали цель наиболее полного и всестороннего определения информации, которая может быть получена определенным следственным действием.

Дальнейшее совершенствование практики раскрытия и предупреждения преступлений определяет ряд актуальных проблем методики расследования, разработка которых должна быть отнесена к числу важных задач науки криминалистики. На новом, более высоком уровне должно быть проведено исследование ряда общетеоретических вопросов методики.

Методика расследования в практическом отношении призвана обеспечить следователя необходимыми научными рекомендациями, содействующими принятию своевременных правильных решений по определению направлений и конкретных средств достижения истины по каждому делу. Общеизвестно, что накопление личного опыта, в том числе следователем, — дело длительное и сложное. Методика аккумулирует, и научно исследуя следственную практику, формирует рекомендации, использование которых позволяет как бы соединить следователю собственный опыт с опытом передовой практики раскрытия и предупреждения определенных преступлений. В этом и состоит одно из существенных положений, определяющих важнейшее значение методики.

Методика расследования не исчерпала возможности положительного влияния на следственную практику. В этом плане представляются весьма плодотворными исследования методики на основе выделения и анализа типичных следственных ситуаций. Понятием «следственная ситуация» или «конкретная ситуация» криминалисты пользуются давно, однако до настоящего времени в литературе нет всестороннего их изложения и даже опре-

деления. Между тем, этот вопрос имеет важное теоретическое и практическое значение. Подход к решению этой проблемы состоит, на наш взгляд, из следующих исходных положений. Процесс расследования может характеризоваться в различных планах — познавательном, уголовно-процессуальном и т. д. В информационном аспекте для расследования специфично непрерывное поступление доказательственной информации и определяемое этим изменение непосредственных задач или возникновение новых, относящихся как к проведению отдельных следственных действий, так и к определенной их совокупности. В этом смысле принято говорить об изменении ситуации по делу. Следственная ситуация может быть характеризуема двумя основными взаимосвязанными факторами. Во-первых, характером и содержанием доказательственной и оперативной информации, которой располагает следователь в данный момент расследования, и, во-вторых, объемом и спецификой непосредственных задач, решение которых при имеющихся данных призвано обеспечить успешное достижение общих целей расследования — достижение его полноты, всесторонности, объективности, установления истины по каждому делу. Очевидно, что наличие тех или иных задач в расследовании вызывает необходимость производства определенных следственных действий и оперативно-розыскных мер. В теории методики расследования, хотя часто и без употребления понятия «следственные ситуации», таковые рассматривались применительно к началу расследования и в этой связи определялись типичные первоначальные следственные действия. Дальнейшие исследования призваны показать узловые, типичные этапы расследования, на которых целесообразно исследование следственных ситуаций и условий, их определяющих. Надо полагать, что к таким условиям относится наличие данных о преступнике, о потерпевшем (например, по делам об убийствах), обстоятельствах, относящихся к объективной стороне состава преступления и пр.

Актуальными остаются и проблемы исследования способа совершения и сокрытия преступления. Разработка проблемы способа совершения преступления должна иметь комплексный характер, позволяющий анализировать и учитывать данные, максимально индивидуализирующие преступление и преступника. Эти исследования должны быть усилены в плане криминалистического прогнозирования.

Исследование проблемы сокрытия преступлений необходимо увязывать с усилением борьбы с латентной преступностью. Исследование и систематизация признаков сокрытия преступлений позволит более эффективно выявлять признаки самого преступления и своевременно, таким образом, начинать расследование.

Представляет научный интерес поставленный в литературе, но мало разработанный вопрос о «тактических операциях». Тактическая операция в общем виде может быть определена как система следственных действий и оперативно-розыскных мер,

направленных на решение конкретной задачи расследования (например, установление и розыск виновного). Однако следует учитывать, что в ходе расследования обычно необходимо решать несколько задач, в том числе путем производства ряда следственных действий. Поэтому возникает необходимость в определенном сочетании тактических операций и координации соответствующих следственных действий. Кроме того, очевидно, что одни и те же следственные действия могут служить для решения различных задач. Поэтому углубленный анализ тактических операций требует учета указанных факторов. Представляется, что проблема «следственных ситуаций» и «тактических операций» может быть успешно разработана в тесной связи с исследованием типичных версий, важная роль которых в расследовании обоснованно отмечается в литературе [см.: 1, с. 225].

Список литературы

1. Белкин Р. С., Винберг И. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., «Юрид. лит.», 1973. 264 с.
2. Reiner Werner. Zu einigen theoretischen und praktischen Hauptanliegen der forensischen psychologie in der Gegenwart. Neue Justiz, 10, 1972.
3. Gutenunst W. Kryminalistyka. Wydawnictwo Prawnicze. Warszawa, 1974.
4. Кош. И. С. Социология личности. М., Политиздат, 1967. 396 с.
5. Попов В. И. Аспекты совершенствования осмотра и обыска. Тезисы доклада «50 лет Советской Прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия». Л., 1972, с. 36—40.
6. Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике.— В кн.: Правовая кибернетика. М., «Наука», 1970, с. 185—197.
7. Смирнова Н. И. О возможности использования паралингвизмов в процессе следствия.— В сб.: Вопросы судебной психологии. М., 1971.
8. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, Изд-во Тадж. унта, 1972. 112 с.
9. Fröhlich Hans. Psychologische Merkmale zur Prufung des Wahrheitsgehalts von Aussagen, Neuejustis, 1, 1974.

Б. Н. Коврижных, канд. юрид. наук

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ВЕРСИИ

В процессуальной и криминалистической литературе понятие следственной версии трактуется по-разному. Определяя версию как предположение или предположительное объяснение, ряд ученых прежде всего указывает на их обоснованный характер. «Необходимость обоснования версий фактическими данными, т. е. имеющимися сведениями, почерпнутыми из различных источников,— пишет А. Н. Васильев,— является само собой разумеющейся... Обычно такая степень обеспеченности материалами для обоснованного конструирования следственных версий,— продолжает он,— достигается в результате первоначальных следственных и иных действий» [2, с. 56—57, 69].

Требование обоснованности версии фактическими данными отстаивал и А. М. Ларин. Он писал: «Нельзя рассматривать как версию суждение о том, что Иванова застрелил Сидоров, если известно только, что Сидоров был вхож в дом, где произошло убийство». И далее указывал: «Другое дело, если есть данные, что Сидоров враждовал с потерпевшим, имел огнестрельное оружие, направлялся в сторону места происшествия незадолго до убийства и т. д. Тогда предположение о виновности Сидорова приобретает уже черты версии» [7, с. 66]. Такой взгляд на версию полностью разделяется А. Н. Васильевым, использовавшим этот пример в своей недавно вышедшей книге [см.: 2, с. 57].

Прежде чем перейти к анализу данного примера сразу отметим, что «обоснованность фактическими данными» не должна, по нашему мнению, характеризовать следственную версию [см.: 4, с. 46—47]. Понятие «обоснованность» не является конкретным, оно весьма относительно, ибо невозможно определить, какое количество и качество фактических данных необходимо для построения версии, какая «степень обеспеченности» обоснования необходима для нее.

Рассмотрим утверждение А. М. Ларина о невозможности выдвижения версии на том лишь основании, «что Сидоров был вхож в дом, где произошло убийство». Конечно же, возникает вопрос: почему нельзя выдвигать версию о причастности Сидорова к убийству, если результаты осмотра места происшествия дают основание считать, что убийство Иванова совершено кем-то из его знакомых, и известно, что Сидоров был знаком с потерпевшим? Круг лиц, среди которых следует искать убийцу, как известно, может быть сужен за счет определения того, являлся ли преступник знакомым или, напротив, был незнаком с потерпевшим. Таким образом, одна группа лиц — это лица, находившиеся с потерпевшим в определенных связях и взаимоотношениях, условно называемые «своими», а другая — лица, совершенно для него посторонние: не имевшие связи и отношений с убитым. Иногда даже самые незначительные исходные данные могут подсказать следователю, среди какого круга лиц ему нужно искать убийцу. Однако изучение практики показывает, что случаи не использования этих данных, к сожалению, нередки. Не выдвигая версии о круге лиц, среди которых может находиться преступник, следователь тем самым не определяет пути поиска виновного.

Поэтому если обстановка места убийства и следы преступления там обнаруженные позволяют сделать предположение, что преступник бывал ранее в доме убитого, хорошо был знаком с обстановкой и обстоятельствами его жизни, знал расположение помещений, в которых находились ценные вещи, либо, если данные осмотра места происшествия свидетельствуют, что потерпевший знал убийцу, сам впустил его в дом и следы взлома от-

сутствуют, то разве можно игнорировать эти данные и не выдвинуть версию о причастности Сидорова к убийству Иванова. Ведь речь пока идет всего лишь о версии (предположении) следователя, а не о принятии к заподозренному Сидорову каких-либо мер процессуального принуждения и даже, может быть, не о его допросе. Эта версия может и должна в этом случае проверяться вначале непроцессуальными средствами, например оперативно-розыскными мерами. И если при этом будет установлено бесспорное алиби Сидорова, версия о его причастности к преступлению, естественно, отпадает. Ну, а если, как сказано в примере, приводимом А. М. Лариным, появятся «данные, что Сидоров враждовал с потерпевшим, имел огнестрельное оружие, направлялся в сторону места происшествия незадолго до убийства и т. д.», то версия эта получит, таким образом, дополнительное подтверждение, «окрепнет» и может затем встать вопрос о задержании Сидорова и о применении к нему иных мер процессуального принуждения. Но и в этом случае версия не перестанет быть версией. Она становится лишь более обоснованной, более вероятной. Она по-прежнему остается версией и поэтому по-прежнему нуждается в дальнейшей проверке.

В последующем А. М. Ларин, похоже, отказался от этого своего взгляда. Он пишет уже о необходимости логической обоснованности каждой следственной версии [см.: 8, с. 59—60]. Возражая чехословацкому криминалисту Я. Пешаку, который полагает, что «каждая версия должна быть обоснована фактическим материалом» и что нельзя строить «так называемые теоретически возможные следственные версии», а надо выдвигать лишь такие, «которые вытекают из собранного материала, т. е. лишь обоснованные, реально возможные следственные версии» [10, с. 95], А. М. Ларин замечает: «Противопоставлять версии теоретические версиям реальным не следует. Обоснованное, последовательное построение версий всегда опирается на теоретические положения гносеологии, логики, психологии, науки уголовного процесса, криминалистики. Работа с версиями, как и вся познавательная деятельность, достигает своих целей лишь в реализации теоретических идей при обеспечении единства теории и практики» [8, с. 111]. С этим следует согласиться. Для следственных версий нужна не только и не столько обоснованность фактическим материалом, «фактическая обоснованность», сколько обоснованность логическая, «теоретическая». Подтверждением тому является практика построения следственных версий по аналогии, практика использования так называемых типичных версий: когда при минимальных, крайне незначительных исходных фактических данных следователь для выдвижения версий использует личный и обобщенный опыт расследования уголовных дел.

Непоследовательным является также взгляд А. В. Дулова и П. Д. Нестеренко. Так, авторы правильно указывают, что «по

многим наблюдаемым при осмотре фактам нельзя прийти к категорическому выводу и о них можно судить лишь в вероятной форме, давая им различное объяснение», но затем отмечают, что «в ходе осмотра места происшествия могут возникнуть различные предположения, касающиеся тех или иных фактов, явлений, однако их нельзя отождествлять с версиями, они имеют более простую структуру» [3, с. 133]. Возникают, естественно, вопросы: для чего вводить в теорию и практику помимо понятия версии (будто «сложной структуры») еще и предположение («простую структуру»? Разве доводом в пользу этого может служить то, что предположение — менее обоснованное суждение, а версия — более обоснованное? И где здесь критерий, тот предел, когда предположение перестает быть таковым, а становится версией? И для чего вообще нужна такая эволюция «предположения» в «версию»? Какое это имеет практическое да и (теоретическое) значение?

А. В. Дулов и П. Д. Нестеренко указывают далее, что «версии всегда направляют работу следователя по поиску других, еще не известных фактов...» [3, с. 134]. Какую же познавательную функцию тогда играют в уголовном деле предположения — «простые структуры»? На это авторы не дают ответа. Очевидно, однако, что версия может быть более или менее обоснованной, но от этого она не перестает быть версией — вероятностным суждением, предположением. Следует отметить, что и сами авторы затем в противоречие со сказанным ими ранее пишут, что «чем раньше будут построены версии, по-разному объясняющие те или иные факты и явления, тем быстрее и оперативнее будет проходить расследование. Малозначительность фактического материала не должна явиться препятствием для построения всех возможных версий» [3, с. 134]. Таким образом, авторы вначале считали версию «сложной структурой», а затем уже согласны и на «малозначительность фактического материала» для обоснования версии. Представляется, что последний вывод является единственно правильным.

Г. В. Арцишевский проводит «отличие следственных версий от любых частных предположений» несколько иначе [1, с. 8]. Он пишет: «Если называть версией любое предположение следователя по делу, то придется согласиться с тем, что в ходе расследования следователь столкнется с множеством самых различных следственных версий» [1, с. 9]. Это обстоятельство пугает автора. Пусть уж лучше, как думает он, у следователя будут и версии, и «частные предположения», чем будет «множество версий». Вряд ли этот аргумент можно признать убедительным. Чем меньше фактических данных в исходном материале, тем больше версий может и должно быть намечено и проверено следователем, а значит, тем сложнее будет его работа по раскрытию преступления. Нельзя не учитывать и того, что материалы многих дел, как правило, отличаются большой проти-

воречивостью доказательств, что заставляет по-разному истолковывать событие преступления и отдельные его обстоятельства. Поэтому «множество версий» — это объективное и необходимое условие полноты и всесторонности расследования преступлений.

А. Н. Васильев, в отличие от А. В. Дулова и П. Д. Нестеренко, «простые структуры» называет «простыми рабочими предположениями». Он пишет о них: «Простые рабочие предположения следователя для решения несложного вопроса, выяснения частного обстоятельства, которые могут быть проверены прямым практическим действием, нет надобности возводить в категорию следственных версий... Поэтому,— считает А. Н. Васильев,— следует поставить под сомнение распространенное мнение о возможности и целесообразности построения версий в процессе следственных действий» [2, с. 55—56]. Однако все эти «простые рабочие предположения», «частные предположения», «простые структуры», «простые предположения» (Н. А. Якубович) в действительности те же версии. У них, как и у версий, та же логическая и психологическая природа, те же познавательные функции. Они также, как и версии, подлежат проверке при расследовании. Поэтому их следует также называть версиями. Что касается невозможности строить версии в процессе следственных действий, то и этот взгляд не соответствует действительности. Следователь в пределах одного следственного действия, например осмотра места происшествия, не только выдвигает, но и проверяет версии. Причем это положительно сказывается на его работе. По этому вопросу А. Р. Ратинов высказал справедливые соображения: «Версии возникают немедленно и взаимосвязанно с получением первичной информации. Мысль не ждет, когда копилка фактов у следователя наполнится до какой-то заранее predeterminedной отметки. Требование же воздержаться до поры до времени от построения версий равносильно запрещению мыслить в проблемной ситуации, в условиях информационной неопределенности, что противоречит природе человеческого разума» [10, с. 13].

Некоторые авторы из тех, что ратуют за требование об обоснованности версии, просто смешивают понятия «обоснование» и «основание», не видят между ними различия. Допускают, так сказать, чисто семантический просчет. Между тем, это не равнозначные термины и смешивать их нельзя. Под основанием в русском языке понимается то, что является исходным материалом для образования, создания чего-либо. Основываться — значит опираться на что-либо в своем мнении, решении; исходить из чего-либо [см.: 9, с. 890—891]. Правильней поэтому говорить, что версия должна «основываться на данных», «вытекать из имеющихся данных», а не быть «обоснованной имеющимися данными». Таким образом, отрицание требования об обоснованности версии вовсе не исключает наличия необходимых оснований для ее выдвижения.

Но если бы спор ограничивался только различным пониманием этих слов. Если бы мы имели дело лишь с ошибками в тонкостях языка. К сожалению, последствия этих расхождений лежат глубже. Неправильное понимание и употребление этих терминов ведет к серьезным ошибкам. Требование обоснованности версии приводит на практике к тому, что следователи часто не выдвигают, а значит, и не проверяют всех возможных версий, считая, что для их построения нет достаточных данных и что их выдвижение является необоснованным. При изучении ранее приостановленных дел об убийствах, «но впоследствии закончившихся раскрытием преступления, оказалось, что правильная версия о личности убийцы не была своевременно выдвинута почти в трех случаях из четырех, хотя для ее выдвижения имелись или могли быть собраны достаточные основания» [6, с. 24]. В результате эти убийства не были своевременно раскрыты.

Кроме того, следственная практика знает многочисленные случаи, когда менее обоснованная версия затем, в процессе расследования, оказывалась верной, а более очевидная, обоснованная отпадала, не подтверждалась. Известно, что процесс накопления фактических данных (доказательств), способствующих возрастанию вероятности одних (или одной) версий, одновременно уменьшает вероятность других (или другой) версий. Выдвижение следственной версии, таким образом, не может зависеть от того «очень вероятно», «вероятно» или «мало вероятно» предположение (объяснение). Вероятность в версии выступает лишь как мера субъективной уверенности следователя (степень возможного). А эта уверенность зависит не только от имеющейся в распоряжении следователя информации, но и от его психологических особенностей.

Таким образом, если у следователя возникает возможность предположительного объяснения того или иного факта (события) на основании даже незначительных исходных данных, оно уже должно стать версией. Видимо, поэтому некоторые ученые в определении понятия версии вместо «обоснованное предположение» либо «обоснованное предположительное объяснение» справедливо указывают на «возможное предположение», «возможное объяснение». Так, А. Н. Колесниченко определяет следственные версии как «возможные объяснения расследуемого события и его обстоятельств, используемые для установления истины по делу» [5, с. 251]. Именно такое понимание версии представляется верным. Не обоснованность предположительного объяснения, а его возможность должна характеризовать версию. Обоснованным может и должно быть в уголовном судопроизводстве достоверное, а не вероятное знание.

1. Арцишевский Г. В. Следственные версии. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1973. 21 с.
2. Васильев А. Н. Следственная тактика. М., «Юрид. лит.», 1976. 200 с.
3. Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, «Вышэйшая школа», 1971. 272 с.
4. Коврижных Б. Ознаки слідчої версії.— «Рад. право», 1974, № 12, с. 46—49.
5. Колесниченко А. Н. Планирование расследования преступлений.— В кн.: Криминалистика. М., «Юрид. лит.», 1963, с. 249—263.
6. Кочаров Г., Косоплечев Н., Мудьюгин Г. Почему некоторые убийства остаются нераскрытыми? — «Соц. законность», 1965, № 1, с. 22—26.
7. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., «Юрид. лит.», 1970. 224 с.
8. Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., «Юрид. лит.», 1976. 200 с.
9. Словарь русского языка. Т. 2. М., 1958. 1013 с.
10. Пешак Ян. Следственные версии (перевод со словацкого). М., «Прогресс», 1976. 227 с.

Л. А. Богословская, канд. юрид. наук

О РАСШИРЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство постоянно уделяют внимание улучшению работы правоохранительных органов советского государства, в том числе и судов, осуществляющих проверку законности и обоснованности приговоров, не вступивших в законную силу.

Программа КПСС и решения XXV съезда партии ориентируют теоретических и практических работников на творческую разработку актуальных проблем уголовного судопроизводства. Такая разработка необходима в целях дальнейшего обеспечения строгого соблюдения социалистической законности и повышения эффективности борьбы с преступностью в нашей стране.

На протяжении последних лет в юридической литературе дискутируется проблема единства и дифференциации уголовного судопроизводства, где наряду с другими вопросами рассматривается и вопрос о расширении прав кассационной инстанции. Как теоретические, так и практические работники высказывают интересные предложения, направленные на предоставление кассационной инстанции права восполнять в определенных случаях допущенные пробелы предварительного и судебного следствия.

Профессор И. Д. Перлов пришел к выводу, что «назрела необходимость в существенном расширении прав суда кассационной инстанции в области непосредственного исследования доказательств... внедрить в кассационное производство некоторые элементы апелляционного производства» [7, с. 81]. Член Верховного Суда УССР Г. Н. Омельяненко полагает вполне своевременным «дополнение действующего закона о возможности непосредствен-

ного исследования некоторых источников доказательств в суде кассационной инстанции» [5, с. 36].

При оценке приемлемости этих предложений следует учитывать то, что в вопросе об изменении действующего законодательства необходимо избегать как проявлений необоснованной поспешности, так и излишнего консерватизма. Касаясь проблемы изменения законодательства, В. И. Ленин писал: «И если тот закон, который теперь вами принят, тоже окажется в тех или иных отношениях заслуживающим поправок, мы без всякого затруднения эти дальнейшие поправки, дальнейшие улучшения будем принимать...» [1, с. 247—248].

Деятельность суда второй инстанции по своему характеру является познавательной. Кассационная инстанция обязана проверить правильность установления фактических обстоятельств совершенного преступления на предварительном следствии и в суде первой инстанции, а тем самым как бы вновь проходит путь формирования внутреннего убеждения судей, вынесших приговор. «Формирование судейского убеждения — это не просто результат воздействия на сознание судей определенной совокупности доказательств, установленной и проверенной в ходе судебного разбирательства. Оно всегда складывается на основе рационального познания причинно-следственных и иных связей между фактами объективной действительности, ценностного к ним подхода, их соотношения с запретами уголовного права, чувственного переживания полученных по уголовному делу результатов познания и сделанных из них правовых выводов» [3, с. 24].

Кассационная инстанция должна познать процесс получения достоверного и категорического вывода о наличии или отсутствии обстоятельств, определяемых предметом доказывания, а также проверить, соответствуют ли закону и уголовно-процессуальной форме используемые приемы и методы формирования внутреннего убеждения судей, вынесших приговор. Проникая в механизм совершенного преступления, кассационная инстанция тем самым познает те связи и опосредствования, которые определяются содержанием общественно-опасного и противоправного деяния, предусмотренного уголовным законом. Все это позволяет утверждать, что кассационная инстанция проверяет адекватность выводов суда первой инстанции фактам объективной действительности. Результаты, к которым приходит кассационная инстанция, должны быть достоверными, так как, облекаясь в официальную форму процессуального документа, они получают директивно-властный характер и поэтому либо придают законную силу приговору, либо лишают его такого свойства.

Вместе с тем, существующая регламентация деятельности суда второй инстанции в известной мере ограничивает его возможность полно, объективно и всесторонне проверить истинность утверждений суда первой инстанции о наличии либо отсутствии

Фактов, входящих в предмет доказывания. В связи с этим представляется возможным вынести на обсуждение ряд вопросов, нуждающихся в разработке, а именно: о пределах расширения прав вышестоящего суда при проверке приговора; о средствах (источниках доказательств), которые могут быть при этом использованы; о решениях суда, дополнившего материалы следствия новыми фактами; об обеспечении прав участников процесса, в частности обвиняемого, и др.

Одним из возможных направлений совершенствования деятельности советской кассации является расширение ее прав, предоставление вышестоящим судам права на частичное проведение судебного следствия. На такое судебное следствие могут быть вынесены вопросы, связанные с изменением фактических обстоятельств дела, с пределами такого изменения, с вопросом об изменении приговора, связанного с установлением новых фактов в кассационной инстанции; с изменением квалификации преступления и применения наказания; с отменой приговора только в части наказания с оставлением его без изменений в остальной части и др.

Представляется, что на обсуждение в частичное судебное следствие должны выноситься вопросы, связанные с изменением фактических обстоятельств дела при кассационной проверке приговора. При этом должны исследоваться не всякие факты, а исключительно те, которые составляют предмет доказывания.

Суд второй инстанции, исследуя имеющиеся и вновь представленные доказательства, вправе внести определенные коррективы в выводы суда первой инстанции. Он может по-иному оценить фактические обстоятельства дела, уточнить их детали, дополнить их, а также установить ошибки в выводах, изложенных в приговоре. При всех изменениях должно оставаться неизблемым право,— если по делу выяснена существенная неполнота и возникает необходимость заново установить и проверить все фактические обстоятельства, материалы дела должны быть направлены на новое предварительное или судебное следствие.

Кассационная инстанция вправе исключить из обвинения факты, не подтверждающиеся материалами дела либо не содержащие уголовно-правовых признаков. Если кассационная инстанция устанавливает, что определенный факт был предметом рассмотрения в суде первой инстанции, но суд его отверг либо данный факт остался без реагирования, а важность его явна, суд может поставить данный вопрос на разрешение в частичном судебном следствии и в зависимости от его существенности решить вопрос о судьбе дела. Для этой цели вышестоящий суд может использовать новые материалы, а в случае необходимости и допросить обвиняемого, потерпевшего по рассматри-

ваемому вопросу. Такой допрос должен помочь суду либо подтвердить вывод суда первой инстанции, либо опровергнуть его.

Исследование вопросов, вынесенных на частичное судебное следствие, может привести суд второй инстанции к другим выводам. При вынесении решения он может исходить из иных обстоятельств, чем суд первой инстанции. Однако такое отклонение не должно иметь резких отличий как по содержанию, так и по объему.

При изменении фактических обстоятельств дела вышестоящий суд должен руководствоваться таким критерием, как существенность изменения обвинения. Этот вопрос находится в тесной связи с правом обвиняемого на защиту. Поэтому если новое обвинение существенно изменено по фактическим обстоятельствам и этим нарушается право обвиняемого на защиту, то материалы дела направляются для производства дополнительного расследования.

В тех случаях, когда вышестоящий суд устанавливает, что сами факты изложены полно и правильно, однако им дана неверная оценка, которая повлекла переквалификацию преступления или применение несоответствующего наказания, кассационная инстанция в результате более тщательной конкретизации и новой оценки фактов определяет их значимость и ценность и решает вопрос об изменении приговора. В том случае, когда дело рассматривается по протесту прокурора, возможно усиление наказания, если по жалобе осужденного — изменение допустимо лишь в сторону смягчения наказания. Когда же изменение оценочных признаков совершенного преступления в рассматриваемом варианте является следствием проверки ревизионного начала, вопрос должен быть вынесен на обсуждение в частичное судебное следствие и решен по существу. Такое решение диктуется интересами правосудия, устранит излишнюю волокиту и затрату времени судебных органов.

В тех случаях, когда в кассационном протесте или кассационной жалобе оспаривается обоснованность обвинения в целом, то речь может идти лишь об отмене приговора и направлении дела на новое предварительное или судебное следствие.

В частичном судебном следствии могут быть рассмотрены различные вопросы, в том числе и такие, как частичное вступление приговора в законную силу, т. е. возможность отмены приговора только в части наказания с направлением дела в этой части на новое рассмотрение. В этом вопросе мы разделяем точку зрения Я. О. Мотовилова, который считает, что «отмена приговора только в части наказания в ряде случаев вполне оправдана, а законодательное закрепление возможности такой отмены приговора приведет к разумной экономии средств и труда» [см.: 4, с. 27]. В частичном судебном следствии могут быть установлены кассационным судом смягчающие вину обстоятельства, которые не были предметом рассмотрения суда пер-

вой инстанции и не отражены в приговоре; могут быть рассмотрены вопросы, относящиеся к гражданскому иску, но здесь следует учитывать запрет ухудшать положение осужденного в части гражданского иска при отсутствии жалобы истца или протеста прокурора; а также — возможность частичной отмены приговора в части гражданского иска при отсутствии жалобы истца или протеста прокурора и другие вопросы. Остановимся на тех процессуальных условиях, при которых возможно проведение частичного судебного следствия.

Представляется, что решение вопроса о необходимости и целесообразности проведения частичного следствия в кассационной инстанции должно приниматься коллегиально в предварительном (закрытом) судебном заседании судебной коллегии на основании доклада одного из членов суда, изучившего жалобу или протест и материалы дела. Вопрос о необходимости проведения частичного следствия должен решаться исключительно индивидуально по каждому уголовному делу, при этом суд должен руководствоваться обстоятельствами дела, законом и социалистическим правосознанием. Вопрос этот должен также решаться в зависимости от того, насколько доступно, без больших затруднений можно исследовать в кассационной инстанции конкретные обстоятельства дела.

При проведении частичного судебного следствия необходимо, на наш взгляд, обязательное участие осужденного независимо от места его нахождения. Участвуя в таком следствии, осужденный может давать пояснения по поводу заявленных ходатайств, дополнять свои ранее данные показания, просить суд о принятии материалов, в приобщении к делу которых суд первой инстанции отказал. Суд должен такие материалы принять и обсудить. Представляя эти материалы в кассационную инстанцию, осужденный должен доказать, насколько они важны, что суд первой инстанции допустил ошибку, отвергнув их.

Объяснения осужденного и других участников процесса могут содержать такую информацию, которая в определенной мере может повлиять на принимаемое вышестоящим судом решение. Однако в УПК союзных республик не указано на то, могут ли судьи вышестоящего суда, выслушивая объяснения, задавать объясняющему вопросы, устраняющие или устанавливающие противоречия, уточняющие какие-либо детали, относящиеся к фактическим обстоятельствам дела. На практике же нередко встречаются случаи, когда суд второй инстанции, выслушивая объяснения, задает вопросы выступающему, уточняя обстоятельства дела, и в результате приходит к иным выводам, чем суд, вынесший приговор [2, с. 52; 5, с. 34]. В связи с этим целесообразно было бы закрепить в законе право суда второй инстанции ставить вопросы лицам, выступающим с объяснениями в кассационной инстанции.

Особое значение приобретает вопрос о тех решениях, кото-

рые на основе исследуемых фактов вправе выносить вышестоящий суд.

Уголовно-процессуальные кодексы ряда социалистических государств допускают вынесение нового приговора и при этом более сурового, чем приговор суда первой инстанции, назначение более сурового наказания, чем назначенное судом первой инстанции, не допуская при этом поворота к худшему, т. е. ухудшения положения обвиняемого в результате принесения им кассационной жалобы. Более тяжкий приговор и по его правовой квалификации, и по мере наказания суд второй инстанции вправе вынести лишь по протесту прокурора или по жалобе потерпевшего.

Следует ли советскому кассационному производству идти по этому пути? Думаем, что на этот вопрос следует дать положительный ответ. Если установление новых обстоятельств, подтвержденных в судебном следствии достоверными доказательствами, приводит суд второй инстанции к убеждению о необходимости изменения приговора в указанном направлении, то нет оснований отказывать ему в этом праве. В противном случае нет необходимости ставить вопрос о расширении прав кассационной инстанции, так как изменить приговор в интересах обвиняемого, т. е. переквалифицировать совершенное деяние по менее тяжкой статье уголовного закона или смягчить наказание, назначенное судом первой инстанции, кассационная инстанция вправе в настоящее время и по действующему законодательству.

Рассматривая дело по протесту прокурора, вышестоящий суд должен установить, что в деле правильно доказана фактическая сторона, но суд первой инстанции неправильно квалифицировал действия обвиняемого, поэтому назначенное наказание должно быть более тяжким, чем в приговоре. При изменении наказания на более тяжкое суд второй инстанции должен быть ограничен в применении смертной казни и лишения свободы, если эти наказания не применил суд, вынесший приговор.

Возникает вопрос — вправе ли суд второй инстанции признать виновным и осудить обвиняемого, который судом первой инстанции был признан невиновным и оправдан?

Вопрос о виновности является главным в каждом уголовном деле. И если в процессуальных условиях деятельности суда первой инстанции, более совершенных, чем в суде вышестоящем, обвиняемый был оправдан, то было бы неправильным признать его виновным и осудить в суде второй инстанции. Из всех судебных ошибок наиболее тяжкой является осуждение невиновного, и такая ошибка является более вероятной в суде второй инстанции, наделенном указанными функциями. Если кассационная инстанция вправе изменить приговор суда первой инстанции не в интересах обвиняемого, переквалифицируя совершенное им деяние на более тяжкую статью уголовного зако-

на и назначая ему более суровое наказание, то в этом случае вопрос о виновности разрешен уже судом первой инстанции и речь идет лишь о его изменении. В рассматриваемом же случае речь идет о новом приговоре, выносимом судом второй инстанции и осуждающем обвиняемого, оправданного судом первой инстанции. В силу ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут наказанию, иначе как по приговору суда первой инстанции.

Более последователен в этом вопросе уголовно-процессуальный закон Чехословацкой Социалистической Республики, не допускающий осуждения судом второй инстанции обвиняемого, не признанного виновным и оправданного судом первой инстанции.

Расширение прав кассационной инстанции по установлению новых обстоятельств, использованию при этом новых доказательств и вынесению решений требует дополнительных гарантий, обеспечивающих правильность ее деятельности, как и прав, и законных интересов участников процесса, в частности обвиняемого. Поэтому все основные положения закона о порядке и условиях проведения в суде первой инстанции судебного следствия должны являться обязательными и для суда второй инстанции при проведении частичного судебного следствия. В частности, и это представляется нам особенно важным, во всех случаях исследования новых доказательств, влекущих вынесение решения иного, чем в суде первой инстанции, является обязательным присутствие подсудимого, имеющего право участвовать в судебном следствии. Помимо этого, в подобных случаях защитник не только должен допускаться, его участие в деле должно быть обязательным во всех предусмотренных законом случаях, когда участие защитника является обязательным на предварительном следствии и в судебном разбирательстве.

Расширение прав кассационной инстанции должно сопровождаться одновременным усилением гарантий соблюдения социалистической законности, усилением прокурорского и судебного надзора наряду с созданием более эффективных гарантий участников процесса. В этой связи уместно высказывание болгарского процессуалиста С. Павлова о том, что «ни правильно урегулированное производство, ни высокая квалификация соответствующих должностных лиц не смогут решить поставленных УПК задач, если не будут созданы необходимые организационные, материальные и другие условия для проведения процесса на должном уровне в соответствии с указаниями процессуальных норм. Обязательным при этом является то, чтобы при рассмотрении любого конкретного уголовного дела для обвиняемых были созданы необходимые условия, которые бы позволили им воспользоваться реально и в полном объеме предоставленным правом на защиту их законных интересов» [6, с. 91].

Список литературы

1. Ленин В. И. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. — Полн. собр. соч. Т. 45, с. 245—251.
2. Айтмухамбетов Т., Михайловская И. Б. Некоторые вопросы исследования дополнительных материалов в кассационной инстанции. — В кн.: Вопросы криминологии, уголовного права и процесса. М., Изд-во Прокуратуры СССР, 1975, с. 256.
3. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1975. 134 с.
4. Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории и практики советского уголовного процесса. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук, М., 1965. 32 с.
5. Омел'яненко Г. М. Повернення справи на нове розслідування судом касаційної або наглядної інстанції. — «Рад. право», 1970, № 7, с. 31—36.
6. Павлов С. Развитие конституционных основ правосудия по уголовным делам в НРБ. — «Сов. государство и право», 1973, № 7, с. 91—97.
7. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., «Юрид лит.», 1968. 396 с.

А. Н. Долженко, В. Г. Розумный, канд. юрид. наук

РОЛЬ НАРКОМЮСТА УССР В ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1920 гг.)

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду КПСС высоко оценил нелегкий и почетный труд работников милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан. Л. И. Брежнев отметил, что партия уделяла и впредь будет уделять внимание совершенствованию деятельности этих органов, пополнению их подготовленными, достойными кадрами [см.: 4, с. 543]. Особенно велика их роль в решении такой важной задачи, как борьба с преступностью. Задача эта многогранна, она включает в себя не только осуществление ленинского принципа неотвратимости наказания для преступников, искоренение преступности, но и борьбу за предотвращение преступности, воспитание «...всех в духе уважения к закону, к праву» [3, с. 49].

В борьбе с преступностью важно изучение опыта работы советских государственных органов, в частности, опыта руководства и организации этой работы Народным секретариатом судебных дел, а затем Народным Комиссариатом юстиции (НКЮ) Украины в первые годы Советской власти.

Народное секретарство судебных дел, созданное в результате победы Советской власти на Украине, возглавило и направляло сложную и ответственную работу по строительству новых судов, призванных сыграть одну из центральных ролей в борьбе с преступностью. Вначале предполагалась довольно широкая сфера деятельности Народного секретарства судебных дел, а именно: «ликвидация старых судебных учреждений и устрой-

ство новых судов, борьба с преступностью, заведывание местами заключения, уголовно-розыскными отделениями, милицией, общественной безопасностью, борьба с контрреволюцией, цензура, революционный трибунал и прочие чрезвычайные меры, опека над малолетними, несовершеннолетними и лицами с ограниченной дееспособностью (сиротские суды), запись рождений, смертей и актов гражданского состояния» [6, с. 283]. На практике же ряд обязанностей взяли на себя другие ведомства, что позволило Народному секретарству судебных дел сосредоточить все внимание на решении задачи ликвидации старых и строительстве новых судов и руководстве их деятельностью. Опираясь на разработанный при непосредственном участии В. И. Ленина декрет о суде № 1, Народное секретарство судебных дел срочно подготовило проект постановления «О введении народного суда». 4 января 1918 г. ЦИК Советов Украины обсудил этот проект и придал ему силу закона [8, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 13 а; ф. 3160, оп. 1, д. 1, л. 1]. Содержание этого документа в достаточной мере освещено в нашей литературе. В данной статье речь пойдет лишь о мерах Народного секретарства судебных дел по воплощению его в жизнь.

Под непосредственным руководством Народного секретарства были ликвидированы все учреждения судебного ведомства (окружные суды, съезды мировых судей, судебные палаты, военно-окружные суды и др.) сначала в Харькове, а затем в Киеве [6, с. 305—306]. Во все губернские и уездные Советы было разослано распоряжение Народного секретарства судебных дел, разъясняющее порядок упразднения старых судебных учреждений. Всех чиновников, кроме служащих канцелярии, предписывалось уволить, не исключалась, однако, возможность использования старых специалистов в качестве инструкторов и помощников [6, с. 291—292; 9, ф. Р-1630, оп. 2, д. 1, л. 30]. Народное секретарство стремилось установить самые тесные связи с местами: запрашивало о ходе судебного строительства, посылало на места законодательные материалы и разъяснения, касающиеся судебного строительства и т. д. По вопросам ликвидации старых и создания новых судов к Народному секретарю можно было обращаться в любое время лично, по телеграфу или по почте.

В условиях ожесточенного сопротивления свергнутых классов особенно большую роль приобретали ревтрибуналы, которые должны были стать судами действительно скорыми и действительно революционно беспощадными «...к контрреволюционерам, взяточникам и дезорганизаторам, нарушителям дисциплины» [1, с. 211]. Вот почему секретарство судебных дел выдвигало руководство строительством и деятельностью ревтрибуналов на первый план. Статьи 26—28 декрета о суде от 4 января 1918 г. предусматривали лишь порядок создания трибуналов и виды преступлений, подсудных им (мародерство, злоупотребление про-

мышленников и торговцев, саботаж чиновников) [см.: 6, с. 283]. Структуру и состав трибуналов, порядок их работы, срок полномочий судей и другие вопросы их деятельности декрет не регулировал. На местах все эти вопросы решались по-разному. Но успешная борьба с контрреволюционными и другими преступлениями возможна была лишь при условии единообразия в структуре и порядке работы трибунала. Поэтому, обобщив опыт революционных масс Украины, Народное секретарство судебных дел разработало в январе 1918 г. положение о революционных трибуналах. Статья 1 Положения дополнила статью 26 декрета о суде, добавив в ней новый состав преступления (укрывательство продовольственных запасов). Другие статьи определяли состав и структуру трибунала, срок полномочий судей, порядок ведения следствия, рассмотрения дел и исполнения решений трибунала [см.: 6, с. 311—312]. При проведении в жизнь этого положения Народному секретарству пришлось вести борьбу с левацкими меньшевистскими тенденциями. Так, при обсуждении в Харьковском Совете вопроса о создании ревтрибунала меньшевики особенно возражали против возобновления политических процессов. Трибунал в Харькове создавался под непосредственным контролем секретарства судебных дел, под его руководством были проведены первые заседания, в частности, заслушано дело украинского правого социал-демократа Довбыщенко, комиссара Центральной рады и редактора газеты «Нова громада».

Работу по созданию нового, истинно народного суда, начатую Народным секретарством судебных дел, продолжал после изгнания войск кайзеровской Германии Народный комиссариат юстиции, ставший в начале 1919 г. центральным органом управления в области юстиции.

НКЮ, в отличие от Народного секретарства судебных дел, имел более четкую структуру, что способствовало и более эффективной организации борьбы с преступностью. Судебное строительство в 1919—1920 гг. осуществлялось на основе «Временного положения о народных судах и революционных трибуналах», принятого СНК УССР в феврале 1919 г. НКЮ добивается на его основе создания единообразных судебных органов в республике, способных активно решать задачи упрочнения диктатуры пролетариата. Этому способствовали инструкции НКЮ «О судеустройстве» от 12 мая 1919 г. и ряд циркуляров 1920 г. [8, ф. 8, оп. 1, д. 165, л. 253—256; д. 362, л. 15, 29; д. 159, л. 30]. Большое внимание Наркомат юстиции уделяет привлечению к работе в народных судах и особенно в ревтрибуналах членов Коммунистической партии. В 1920 г. среди народных судей было 27,2% коммунистов, среди народных следователей — 12,2% [8, ф. 8, оп. 1, д. 370, л. 16].

Следуя программным требованиям VIII съезда Коммунистической партии, выборность судей из трудящихся только трудя-

щимися, привлечение к отправлению правосудия самых широких масс пролетариата и беднейшего крестьянства, НКЮ и его местные органы — отделы юстиции Советов большое значение придают «орабочиванию и окрестьяниванию» суда, добиваются широкого участия трудящихся масс в работе суда в лице народных заседателей.

Создание народных судов и революционных трибуналов, руководство ими со стороны Народного секретарства судебных дел, а затем НКЮ сыграло важнейшую роль в борьбе с преступностью во время Октябрьской революции и гражданской войны. В своих решениях судебные органы руководствовались декретами Советской власти Российской Советской Республики и Украины, а также революционным правосознанием, основанным на политике Коммунистической партии. Первые декреты Советской власти имели форму пропаганды идей социализма, это были инструкции, зовущие к массовым практическим делам. Часто в них содержались отдельные положения советского уголовного права, указывались наиболее распространенные преступления и определялись меры наказания. Таково написанное В. И. Лениным обращение СНК «К населению», призывающее установить твердый революционный порядок, беспощадно бороться с пьяницами, хулиганами, контрреволюционными юнкерами, корниловцами, арестовывать и предавать суду саботажников, укрывателей хлеба и продуктов, а также всех, кто осмелится вредить народному делу [см.: 2, с. 66]. В ходе советского строительства на Украине издавались нормативные акты правительства, на которые опирались в своей деятельности суды и ревтрибуналы. Большое значение для судов и трибуналов имело постановление «О введении народного суда» от 4 января 1918 г., но оно было недостаточно разработанным, объединяло в себе вопросы уголовного права, уголовного процесса и судостройства. На практике часто судебные органы руководствовались в этот период постановлениями местных Советов, инструкциями, уставами и другими актами, в которых определялось, какие действия являются преступными в данной местности и меры наказания за них. Так, приказ исполкома Полтавского Совета, объявляя о создании следственной комиссии по делам о контрреволюционных покушениях, мародерстве, спекуляции и саботаже, предписывал прекратить самосуды. Самосуды объявлялись тяжелыми и серьезными преступлениями против революции. Волостной Совет Костромской волости Херсонского уезда в уставе волостного революционного суда предусмотрел следующие виды наказания: общественное порицание, общественное презрение и лишение доверия на срок до одного года, заключение до трех месяцев на своих харчах с заменой общественными работами [6, с. 500] и т. д.

Если же ни в законах, ни в актах местных органов власти конкретные санкции не указывались, судебные органы сами оп-

ределяли наказания, руководствуясь революционным правосознанием и положением в губернии, волости, уезде. Нарком юстиции РСФСР Д. И. Курский, подводя итоги развития нового уголовного права за первый год существования Советской власти, отмечал как главную его особенность правотворчество народных масс. «Изменялась не только юридическая надстройка, изменялись не только состав суда, процессуальные правила, материальные нормы — произошел глубокий переворот в самом правотворчестве... так как появился новый источник этого творчества. Таким источником явился созданный пролетарской революцией народный суд» [5, с. 47].

Однако революционное правотворчество масс не снимало необходимости в углубленной и планомерной работе по выработке и систематизации норм уголовного права. В РСФСР эта работа началась уже в 1918 г. На II Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции Д. И. Курский заявил: «Мы здесь, в центре, выходим из той стадии, когда дела судами решались на основе революционной совести... Для нас в центре стало ясно, что необходимо создать новые нормы этим судам». НКЮ УССР приступил к систематической работе в этой области лишь в 1919 г. Российский наркомат юстиции, обладающий большим опытом правотворческой работы, не только делился им с братской республикой, но и проявлял живой интерес к работам украинского Наркомюста. 7 мая 1919 г. коллегия НКЮ РСФСР заслушала доклад наркома Д. И. Курского о законодательстве в области судеустройства и права Советской Украины [7, ф. 1235, оп. 94, д. 173, л. 55]. В апреле 1919 г. орган ЦК КП(б)У газета «Большевик» сообщила, что в Киев прибывает большая группа видных сотрудников правительства Советской России, чтобы принять «близкое участие в работах Народного Комиссариата по судебным делам».

Целый ряд декретов РСФСР, направленных на борьбу с контрреволюцией, заимствовались на Украине целиком или с частичными изменениями после предварительного изучения их в НКЮ УССР. Но многие нормы уголовного права были разработаны в Наркомате самостоятельно, при этом первостепенное внимание уделялось выработке норм, направленных на борьбу с преступлениями контрреволюционного характера — бандитизмом, спекуляцией продовольствием, дезертирством и др. При этом НКЮ не только разъясняет судам и ревтрибуналам содержание и значение отдельных норм, но и берет под свой контроль их применение. В условиях разрухи и голода особое значение имели декреты «О борьбе с самовольным захватом продовольствия» от 10 мая 1919 г. и «О борьбе с мешочничеством» от 5 июня 1920 г. Понимая всю важность продовольственного вопроса, НКЮ предписывает судебным органам разрешать в первую очередь и в самые короткие сроки дела, возникшие по инициативе Наркомпрода и подчиненных ему

продорганов, а губернским отделам юстиции еженедельно требовать от судов и трибуналов отчеты о движении таких дел и информировать об этом Наркомюст [8, ф. 8, оп. 1, д. 159, л. 23]. Принятые энергичные меры привели к резкому уменьшению такого рода преступлений к концу 1920 г.

Исходя из указаний В. И. Ленина и Коммунистической партии о воспитательной роли советской юстиции, НКЮ разрабатывает нормы, способствующие выполнению этой задачи; уже 17 марта 1919 г. НКЮ представил на обсуждение СНК законопроект декретов «Об условном осуждении», «О досрочном освобождении» [10, № 11, ст. 12; 8, ф. 2360, оп. 1, д. 5, л. 38; д. 3, л. 104, 118]. 21 марта 1919 г. СНК УССР принял эти декреты, широко применявшиеся судебными органами. В это же время в НКЮ разрабатывается декрет о принудительных работах, широко разъясняются судам и революционным трибуналам принципы наказания в советском уголовном праве.

Уровень развития уголовного права позволил НКЮ в 1919 г. приступить к разработке Уголовного кодекса. В июне—июле в НКЮ была создана специальная комиссия во главе с А. И. Хмельницким для кодификации уголовного права [8, ф. 8, оп. 20, д. 2, л. 17; ф. 2, оп. 1, д. 461, л. 1]. К августу 1919 г. комиссия разработала общую часть кодекса и ряд глав особенной части: «О преступлениях и проступках против порядка управления», «О посягательствах на права личности»; статьи «О воровстве», «О поджоге», «О нарушениях постановлений, ограждающих народное здравие» и др. [8, ф. 8, оп. 20, д. 4, л. 4—25]. Работа над кодексом была прервана оккупацией Украины деникинцами, продолжалась она и в 1920 г., однако завершить ее в этот период не удалось.

Наряду с уголовно-правовыми развиваются в этот период и процессуальные нормы, регламентирующие порядок уголовного судопроизводства и обеспечивающие в конечном счете осуществление принципа социалистической законности в деятельности советских судебных учреждений. Демократические принципы уголовного процесса были едины для судов и ревтрибуналов. Однако особыми задачами ревтрибуналов определялись процессуальные особенности расследования и рассмотрения дел в них, обеспечивающие быстрое и решительное пресечение наиболее опасных преступлений. Временное положение о народных судах и революционных трибуналах допускало возможность рассмотрения уголовных дел без производства по ним предварительного следствия (ст. 11), если трибуналу были ясны все обстоятельства дела. Предварительное расследование в трибуналах осуществлялось особыми народными следователями, имевшими право избирать и изменять в ходе расследования меру пресечения: арест, отобрание залога, поручительство, наложение секвестра на имущество (ст. 12). В связи с этим важно было не допустить незаконных арестов граждан. 1 марта 1919 г. СНК

Украины опубликовал декрет «Об упорядочении производства дел о лицах, содержащихся под стражей», в котором обязывал в течение суток с момента ареста передавать дела о задержанных лицах органам дознания или следствия. В Циркуляре от 3 июня 1920 г. «О регистрации арестованных, числящихся за судебными следственными органами» НКЮ в категорической форме потребовал от ревтрибуналов упорядочения дел о лицах, содержащихся под стражей [10, № 15, ст. 254]. Многочисленные документы, присылаемые в НКЮ с мест, говорят, что отделы юстиции и судебные органы добивались проведения в жизнь этих актов. Так, при обследовании змиевской милиции представителями отдела юстиции обнаружено незаконное содержание под стражей продармейца Менщикова, председателя сельсовета Воловика и др. По требованию отдела Менщиков и Воловик были освобождены из под ареста [9, ф. Р-447, оп. 1, д. 12, л. 265—282].

Эффективность уголовной репрессии требовала максимальной быстроты расследования, и НКЮ издает целый ряд циркуляров, предписывающих ускорить производство предварительного следствия. Циркуляр НКЮ № 36 от 10 ноября 1920 г. закрепил такие принципы предварительного расследования как объективность, полнота и всесторонность расследования, подчеркнул важность этих принципов для отправления социалистического правосудия.

Как для трибуналов, так и для судов НКЮ устанавливал сроки рассмотрения дел в судебном заседании: максимальные — 2 недели с момента предания обвиняемого суду, дела о контрреволюционных преступлениях должны разбираться немедленно после окончания расследования [10, № 14, ст. 274]. Наркомюст в своих инструкциях и циркулярах сформировал важные положения советского уголовного процесса о непрерывности судебного разбирательства, неизменности судебного состава, гласности судебных заседаний. Лишь в исключительных случаях допускались закрытые заседания, но приговоры во всех случаях провозглашались публично. Объявления о слушании дел в трибуналах печатались в газетах. Так, циркуляр НКЮ от 24 марта 1920 г., изданный в связи с избирательной кампанией по выборам в Советы и с установлением уголовной ответственности за участие в выборах лиц, лишенных избирательных прав, требовал о времени и месте рассмотрения таких дел широко извещать население [8, ф. 8, оп. 1, д. 159, л. 11]. Харьковский ревтрибунал, сообщая НКЮ, какие дела будут слушаться в заседании трибунала 8 апреля 1920 г., отмечал, что дело Курецкого Я. по обвинению в выдаче денкинцам коммунистов назначено на 4 часа дня, «так как делом заинтересованы рабочие местных заводов и фабрик» [8, ф. 8, оп. 1, д. 152, л. 2].

В эти невероятно трудные годы не только в судах, но и в трибуналах, хотя и в меньшей степени, обвиняемому предостав-

лялось право на защиту и на обжалование приговора. Впервые институт кассационного обжалования приговоров, вынесенных ревтрибуналами, был введен декретом СНК УССР «Об учреждении Верховного кассационного суда» 16 апреля 1919 г., а затем был регламентирован инструкцией НКЮ УССР от 29 июня 1919 г. и рядом циркуляров.

Кассационному обжалованию подлежали все приговоры, кроме вынесенных Верховным Революционным трибуналом при ВУЦИК. Контролируя выполнение трибуналами этого положения, НКЮ подчеркивал незаконность постановлений некоторых трибуналов: «В просьбе о помиловании или смягчении наказания отказать» и предлагал всем трибуналам строго соблюдать порядок и сроки обжалования [8, ф. 8, оп. 1, д. 159, л. 24; № 1, ст. 15]. Приговор должен был приводиться в исполнение сразу же после вступления его в законную силу или после рассмотрения дела Верховным кассационным судом. Исключение составляли лишь контрреволюционные преступления, когда «поспешное приведение приговора в исполнение вызывается важными обстоятельствами, причем в этих случаях единогласное утверждение должно было исходить от Президиума Губисполкома или Губревкома после их полного ознакомления со всем производством по данному делу» [8, ф. 8, оп. 1, 1920, д. 158, л. 17, 36].

Таким образом, и в период иностранной военной интервенции и гражданской войны наряду с требованием решительной, быстрой и беспощадной борьбы с врагами Советской власти, Коммунистическая партия и Советское правительство вели упорную борьбу за укрепление в стране революционной законности. Заслуга Наркомюста в борьбе с преступностью не только в разработке уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, но и в том, что он, осуществляя постоянно и неуклонно надзор за законностью действий следственных и судебных органов Украины, совершенствовал и развивал судебную систему, ставшую важным орудием в борьбе за установление и укрепление диктатуры пролетариата.

Список литературы

1. Ленин В. И. К декрету о революционных трибуналах.— Полн. собр. соч. Т. 36, с. 210—211.
2. Ленин В. И. К населению.— Полн. собр. соч. Т. 35, с. 65—67.
3. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 3. М., Политиздат, 1972. 535 с.
4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 5, М., Политиздат, 1975. 592 с.
5. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., Юриздат, 1948. 198 с.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Сборник документов и материалов в 3-х т. Т. 3. Киев, 1957. 998 с.
7. ЦГАОР СССР.
8. ЦГАОР УССР.
9. Государственный архив Харьковской области.
10. СУ УССР.

ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ В КОНТРОЛЕ ЖЕНСКИХ
ДЕЛЕГАТСКИХ СОБРАНИЙ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии дана высокая оценка роли советской женщины. «Ее самоотверженности и таланту,— говорил Л. И. Брежнев,— во многом обязана наша Родина своими достижениями и победами. И в решение тех важных задач, которые наметит наш съезд на будущее во всех сферах общественной жизни, большой вклад, безусловно, внесут наши славные женщины» [3, с. 85]. Отсюда вытекает теоретическая и практическая важность освещения исторического опыта Советского государства в области социального, национального и духовного раскрепощения женщин, широкого вовлечения их в строительство социализма и коммунизма.

Обосновывая программу решения женского вопроса, В. И. Ленин огромное значение придавал тому, чтобы миллионы и миллионы работниц «...все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин» [2, с. 157—158]. При этом одной наиболее доступной, не требующей зачастую специальной подготовки, и самой распространенной формой вовлечения женщин в руководство производством, государством и обществом он считал массовое участие в контроле.

По мысли В. И. Ленина, следовало повсеместно привлекать трудящихся женщин к налаживанию производства, распределения и снабжения «... и в смысле надзора за распределением продуктов, и надзора за тем, чтобы продукты легче доставались. Эта задача вполне посильна для беспартийной женщины-работницы, и между тем осуществление этой задачи будет содействовать более всего упрочению социалистического общества» [1, с. 204].

Необходимость строгого соблюдения советского законодательства, гарантировавшего женщинам равные с мужчинами социально-экономические, политические, имущественные и личные права и свободы, объективно требовала активного вовлечения женщин в контроль, а подлинно демократическая природа социалистического строя создала для этого самые благоприятные возможности. Массовое участие работниц и крестьянок в контроле В. И. Ленин рассматривал как школу повышения их политической сознательности, общественной и трудовой активности, выдвижения женщин на ответственную государственную работу, как действенное орудие совершенствования государственного аппарата, своевременной реализации предложений трудящихся об улучшении условий труда, быта и отдыха женщин, охраны материнства и детства.

Обращение к ценнейшему опыту претворения в жизнь ленинских идей о широком вовлечении женщин в контроль объясняется не только его непреходящей международной значимостью, но и тем, что он почти не исследован в историко-правовой науке. Не претендуя на исчерпывающий анализ, рассмотрим становление и развитие лишь основных форм участия в контроле женских делегатских собраний в период их существования до середины 30-х гг.

Организации местной общественной самодеятельности работниц и крестьянок были созданы по инициативе ЦК РКП(б) еще в 1919 г. Для непосредственного идейного, организационного и методического руководства делегатскими собраниями в сентябре 1919 г. при ЦК РКП(б) был образован Центральный отдел по работе среди женщин. Ему были подчинены возникшие позднее и действовавшие до января 1930 г. отделы по работе среди женщин при ЦК Компартии советских республик и при местных партийных органах.

Основополагающее значение для развертывания и улучшения работы женотделов и делегатских собраний имели Программы РКП(б) и резолюции XI, XII, XIII, XIV, XV съездов партии, содержавшие специальные разделы о главных задачах, направлениях и способах решения женского вопроса в нашей стране.

С первых дней деятельности делегатских собраний значительное место в ней наряду с просветительной, воспитательной и организаторской работой заняло участие в контроле. Подтверждением тому является резолюция I Всеукраинского съезда работниц и крестьянок (ноябрь 1920 г.), призвавшего делегатов смело идти в советские учреждения, чтобы вскрыть и устранить имевшиеся в них злоупотребления, хищения, бюрократизм, волокиту и другие отрицательные явления, оказывать помощь партийным и государственным органам в обеспечении не только формального, но и фактического равноправия женщин.

Многочисленные архивные документы и воспоминания видных деятельниц женского движения свидетельствуют об энергичном участии делегатов в 1920—1923 гг. в обследовании и наведении порядка в больницах, школах, детских садах, домах для беспризорных подростков, в кооперативах и в учреждениях, ведавших социальным обеспечением семей красноармейцев, инвалидов и престарелых [см.: 5, с. 759; 6, 119].

XII съезд РКП(б), подчеркнув значение делегатских собраний как самого существенного аппарата, соединяющего партию с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок, потребовал укрепить его путем внесения большей плановости и систематичности в работу этих собраний. Достижению цели содействовало разработанное Центральным женотделом и одобренное ЦК РКП(б) 27 июля 1923 г. «Положение о делегатском собрании работниц и крестьянок» [см.: 11].

Согласно Положению делегатские собрания создавались при первичных партийных организациях и работали под их руководством. Делегатки от работниц, батрачек, служащих и членов промысловых артелей избирались на общих собраниях по предприятиям, а от крестьянок — по селам. Нормы представительства устанавливались таким образом, чтобы каждое собрание объединяло не менее 30 и не более 300 женщин. На протяжении года делегатки изучали основы марксизма-ленинизма, важнейшие решения партии и правительства, но учеба дополнялась приобретением ими практических навыков путем участия в советском и хозяйственном строительстве. Для этого делегатки распределялись по различным секциям, создававшимся при делегатском собрании: народного образования, здравоохранения, финансов, коммунального хозяйства, кооперации, профсоюзов и др. Причем одна часть из них прикреплялась к фабрично-заводским комитетам профсоюзов на предприятиях и культурно-просветительным и медицинским учреждениям, а другая, более подготовленная, — к секциям горсоветов и сельским Советам. Делегатки обязаны были интересоваться деятельностью своего предприятия или сельсовета, направлять в журналы и газеты заметки о выявленных нарушениях и недостатках. Партийные ячейки ежемесячно заслушивали их отчеты на общем собрании работниц предприятия либо крестьянок села и подводили итоги проделанной работы.

Таким образом, делегатские собрания обладали довольно высокой степенью организационного единства, устойчивостью состава, структуры и связи между делегатками. Если к тому же учесть, что неотъемлемым элементом деятельности делегатских собраний было участие в проверках и обследованиях, станет понятным, почему их можно относить к субъектам общественного контроля. В обоснованности такого вывода убеждает и Постановление III Всесоюзного съезда Советов о советском строительстве (май 1925 г.), обязавшее государственные органы решительно искоренять случаи формально-бюрократического отношения к нуждам и запросам трудящихся женщин, установить более живые связи с делегатскими собраниями, тщательно учитывать их замечания и предложения.

Чтобы лучше приспособить внутреннюю организацию делегатских собраний к решению задач, вытекавших из курса партии на развертывание советской демократии, ЦК РКП(б) в июне 1925 г. утвердил новое Положение о делегатских собраниях и Инструкцию к их перевыборам [см.: 12].

Для расширения социальной базы делегатских собраний надлежало вовлечь в них, помимо беднячек и батрачек, и основную прослойку крестьянок-середнячек. Избрание делегатов проводилось уже не на собраниях женщин, а на общих собраниях рабочих, работниц и служащих по предприятиям, а в деревне — на сельских сходах. Кроме прежних секций, при делегатских собра-

ниях образовались еще три: социального воспитания, юридическая, охраны материнства и младенчества.

На тех же основаниях избирались, строились и функционировали делегатские собрания в колхозах, организованные в ноябре 1929 г. для вовлечения колхозниц в социалистическую перестройку экономики и быта деревни.

От профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций делегатские собрания отличались отсутствием официального устава, постоянного членства и членских взносов. Особенность их как объединений общественной самодеятельности состояла и в том, что они образовали только периферийную сеть, не находились в централизованном соподчинении и не имели своих вышестоящих органов. Вот почему контроль делегатских собраний распространялся лишь на деятельность предприятий, колхозов, учреждений и низовых звеньев государственного аппарата. По своей же природе это был общественный контроль, проводившийся на началах добровольности, массовости, гласности.

Поскольку собрания не были наделены властными полномочиями, их предложения по результатам проверок имели лишь силу рекомендаций, но, несмотря на это, они носили действенный характер, ибо выражали волю работниц и крестьянок, с которой нельзя было не считаться. Объясняется это прежде всего тем, что делегатские собрания выполняли контрольную функцию чаще всего совместно с партийными, государственными и профсоюзными организациями, по их заданиям и под их руководством.

Наиболее широкой организационно-правовой формой вовлечения делегатов в контроль стали секции местных Советов по основным отраслям их работы. Выделенные делегатскими собраниями активистки прикреплялись к секциям и пользовались такими же правами, как и члены, и кандидаты в члены Совета. Они включались в состав различных проверочных комиссий, рейдовых бригад и постоянных контрольных постов секций на предприятиях, в колхозах и учреждениях, участвовали в подготовке и обсуждении результатов проверок.

Подъем активности трудящихся, выразившийся в их стремлении перестроить быт на социалистических началах, потребовал организационно выделить эту сторону работы Советов, чтобы придать ей более комплексный и целеустремленный характер. Для этого Постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1929 г. при всех городских и сельских Советах были созданы особые бытовые секции, наблюдавшие за проведением директив партии и правительства в области улучшения экономического и правового положения женщин, более широкого вовлечения их в производственную и общественно-политическую жизнь.

Заботой об усилении участия делегатов в контроле по линии местных Советов были пронизаны также постановления

Президиума ЦИК СССР от 16 августа 1929 г. и 11 ноября 1930 г. о перевыборах делегатских собраний. Предлагалось заслушать в ходе этих кампаний отчеты делегатов, прикрепленных к секциям Советов, и руководителей секций о их работе с делегатами.

На необходимость широкого вовлечения женделегатских собраний в работу Советов и их исполкомов обращалось внимание и в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 6 марта 1932 г. о праздновании Международного женского дня. Следовало систематически вовлекать женделегаток в проверку соблюдения законодательства об охране труда женщин, улучшении их культурно-бытового и медицинского обслуживания, искоренения пережитков феодально-байского отношения к женщинам.

В последующие годы институт прикрепления делегатов к секциям местных Советов получил еще большее развитие, о чем свидетельствует увеличение женского актива Советов до 500 тыс. человек в 1934 г.

Выдающуюся роль в массовом вовлечении работниц и крестьянок в контроль сыграли органы НК РКЦИ, а затем ЦКК-НК РКЦИ, настойчиво осуществлявшие ленинский завет: «...*всю* трудящуюся массу, и мужчин и *женщин особенно*, провести через участие в Рабоче-Крестьянской инспекции» [2, с. 65].

Исполняя указания XIV съезда партии о более активном участии женщин в борьбе за улучшение государственного аппарата, ЦКК ВКП(б) издал циркуляр от 10 апреля 1926 г. «О связи КК-РКИ с делегатскими собраниями работниц и крестьянок». Рекомендовалось шире вовлекать делегатов в секции РКЦИ при местных Советах и в работу совещаний по вопросам труда и быта женщин. Работники РКЦИ должны были усилить борьбу с нарушениями прав и интересов работниц, выявленными при обсуждении на делегатских собраниях отчетов руководителей предприятий и учреждений [см.: 8, с. 49].

Изучение информационных докладов за 1926—1927 гг. показывает, что лучших показателей в этом деле добились Московская, Ленинградская, Вологодская, Нижегородская, Смоленская, Донецкая, Екатеринославская, Харьковская, Черниговская и другие местные органы ЦКК НК РКЦИ [см.: 7, с. 44; 19].

Еще более окрепли контакты органов партийно-государственного контроля с делегатскими собраниями после XVI партконференции, потребовавшей неуклонно расширять привлечение трудящихся к борьбе за коренную перестройку государственного аппарата и проверке, и чистке его от классово-враждебных, разложившихся и иных чуждых элементов.

В те годы по инициативе масс возникли и получили большое распространение такие новые формы участия масс в деятельности РКЦИ, как временные контрольные комиссии, экономические совещания, кружки рационализации госаппарата, отряды «Легкой кавалерии», рабочие заседатели бюро жалоб РКЦИ и т. д.

Благодаря значительному улучшению организационно-массовой работы местных РКИ удельный вес работниц и крестьянок в составе их актива увеличился на Украине с 4% в 1928 г. до 30% в 1930 г. [см.: 4].

В тесной связи с делегатскими собраниями находились также органы советской юстиции. Судьи, прокуроры и члены коллегий защитников, прикрепленные к юридическим секциям делегатских собраний, оказывали им правовую помощь, особенно по делам, касающимся заключения кабальных сделок с крестьянками, нарушения частными предпринимателями закона о труде работниц, вступления в брак малолетних девушек, случаев многоженства, получения калыма и т. д.

На предприятиях, в учреждениях и при сельских Советах из делегатов образовывались комиссии, наблюдавшие за своевременным и правильным удержанием алиментов на содержание детей.

К концу 20-х — началу 30-х гг. в ходе шефства предприятий над государственным аппаратом тысячи делегатов были выдвинуты «социалистическими совместителями» для работы в прокуратуре. Они участвовали в общенадзорных проверках движения и разрешения жалоб и заявлений работниц, колхозниц и крестьянок.

Охраняя безопасность и неприкосновенность личности делегатов, судебно-прокурорские органы привлекали к уголовной ответственности лиц, виновных в гонениях и преследованиях наиболее активных участниц общественного контроля.

С делегатскими собраниями близко соприкасались и сотрудничали с ними инспекции Наркомата труда СССР. В местностях, где преобладал женский труд, контроль за соблюдением специальных норм об охране женского труда осуществляли инспектриссы труда. На эту должность обычно назначались передовые работницы, выдвинутые делегатскими собраниями для прохождения годичной стажировки при местных органах НКТ и успешно ее закончившие.

Под руководством фабричных и заводских комитетов профсоюзов делегатские собрания участвовали в обсуждении коллективных договоров и в контроле за выполнением их как администрацией, так и коллективом рабочих. Так, при подготовке коллективного договора на 1930 г. делегатское собрание Харьковского завода «Серп и молот» предложило предусмотреть улучшение условий труда женщин, организовать вечерние курсы повышения квалификации работниц, создать детские ясли, лучше оборудовать «бытовки». Одновременно делегатское собрание включило в коллективный договор обязательства работниц повысить производительность труда, улучшить качество продукции, снизить ее себестоимость, не допускать прогулов, опозданий и других нарушений трудовой дисциплины. Контроль же за выполнением пунктов коллективного договора осуществлялся

путем заслушивания на делегатских собраниях отчетов руководителей цехов и предприятия в целом, взятия отстающих «на буксир», проведения смотров, рейдов, переключек и конкурсов на лучшую производственницу.

Успехи социалистического строительства и накопленный профсоюзами огромный опыт решения производственных задач подготовили почву для передачи в сентябре 1933 г. в их ведение контроль за соблюдением трудового законодательства, ранее осуществлявшегося Наркоматом труда.

После упразднения в 1934 г. ЦКК-РКИ к профсоюзам перешли также все права низовых органов РКИ на предприятиях и руководство контрольными органами при отделах рабочего снабжения, закрытых рабочих кооперативных, районных и городских потребительских обществах.

Все эти крупные преобразования послужили поворотной вехой для организации профсоюзами массового контроля за работой аппарата государственного управления в сферах материального производства и оказания непроизводственных услуг. Деятельное участие в нем принимали представители женделегатских собраний в составе ФЗМК профсоюза, его комиссий и контрольных групп, а также их активистки, выполнявшие поручения общественных контролеров профсоюзов на предприятиях торговли и общественного питания.

Примечательно, что в условия республиканских профсоюзных конкурсов на образцовую постановку работы делегатских собраний на промышленных предприятиях и в совхозах включались пункты об осуществлении ими контроля за улучшением бытового обслуживания рабочих и служащих [см.: 14]. Именно эти вопросы стояли в центре внимания и делегатских собраний. О необычайной массовости их участия в контроле свидетельствует наличие в 1936 г. лишь в тяжелой и легкой промышленности, железнодорожном и водном транспорте свыше 266 тыс. домашних хозяйек, объединенных в делегатские собрания [см.: 10].

С победой социализма и расширением пролетарской демократии на смену делегатским собраниям, уже выполнившим свои задачи, пришли женские советы. Их существенная новизна заключалась в том, что они стали организациями общественной самодеятельности всех советских женщин, независимо от их социального происхождения, рода занятий и т. д.

Опыт нашей страны неопровержимо доказал, что одной из общих закономерностей строительства социализма является повышение политической сознательности и активности женщин, вовлечение их в производство, управление и контроль, в том числе и путем всемерного развертывания различных организационных форм их общественной самодеятельности. Тот же опыт убедительно подтвердил, что массовые организации женщин оказывают деятельную помощь государству в выявлении, удовлетворении и охране специфических нужд и запросов женщин.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС сказано: «Партия считает своим долгом проявлять постоянную заботу о женщине, об улучшении ее положения как участницы трудового процесса, матери и воспитательницы детей и хозяйки дома» [3, с. 85].

В соответствии с директивами съезда и октябрьского (1976 г.) Пленума ЦК КПСС Президиум Верховного Совета СССР признал целесообразным внести на рассмотрение палат предложение об образовании в Совете Национальностей постоянных комиссий по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства. Такие комиссии уже созданы при Верховных Советах союзных республик. Деятельность их позволит усилить контроль за соблюдением законодательства, определяющего правовое положение женщин в СССР.

В осуществлении контроля в данной области еще более значительную помощь советским и хозяйственным органам и профсоюзным организациям призваны оказывать женские советы, работу которых необходимо повсеместно оживить, поднять на более высокий уровень. С этой точки зрения представляется полезным творческое восприятие всего лучшего, что сложилось в прошлом опыте нормативно-правового регулирования задач, структуры и полномочий делегатских собраний, чтобы с учетом его разработать отсутствующее до сих пор единое в масштабе всей страны Положение о женских советах.

Список литературы

1. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике.— Полн. собр. соч. Т. 39, с. 198—205.
2. Ленин В. И. К женщинам-работницам.— Полн. собр. соч. Т. 40, с. 157—158.
3. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с.
4. Из опыта деятельности органов партийно-государственного контроля Украины по привлечению масс к управлению государством (1923—1924 гг.). Сборник документов. Киев, Политиздат Украины, 1965. 405 с.
5. Советское строительство на Украине в годы гражданской войны. Сборник документов. Киев, Изд-во АН УССР, 1957. 1082 с.
6. Отчет Донецкого губернского партийного комитета (февраль 1922 — февраль 1923 гг.). Бахмут, 1923.
7. «Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НКРКИ СССР и РСФСР», 1927, № 1, с. 44.
8. «Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НКРКИ СССР и РСФСР», 1926, № 4—5; с. 1—49.
9. «Бюллетень ЦКК КП(б)У и НКРКИ УССР», 1926, № 4, с. 40—41.
10. Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР. М., Госполитиздат, 1959. 247 с.
11. «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 7—8, с. 97—98.
12. «Известия ЦК ВКП(б)», 1925, № 10, с. 5—53.
13. ЦГАОР СССР, ф. 485, оп. 2, д. 1238, л. 1.
14. ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 3, д. 8106, л. 95.
15. Днепропетровский областной государственный архив, ф. 416, оп. 1, д. 14, л. 95.

**ИЗ ИСТОРИИ КОДИФИКАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УССР (1923—1925 гг.)**

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское государство всегда уделяли и уделяют большое внимание совершенствованию хозяйственного законодательства. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Генеральный секретарь Центрального Комитета партии товарищ Л. И. Брежнев подчеркивал значение такой работы [см.: 3, с. 81]. В настоящее время актуальное значение приобретает вопрос о кодификации хозяйственного законодательства, широко и всесторонне обсуждаемый в печати. Большинство авторов справедливо считают, что приведение всех действующих нормативных актов в единую систему усилит роль хозяйственного законодательства в повышении эффективности общественного производства, в укреплении социалистической законности и государственной дисциплины.

Успешному осуществлению этой работы несомненно будет способствовать использование опыта кодификации других отраслей законодательства, накопившегося в последние годы. Вместе с тем достижения сегодняшнего дня опираются на богатый исторический опыт, приобретенный нашей страной в области создания и развития советской правовой системы. В этой связи определенный интерес представляет опыт кодификации советского законодательства, которая проводилась в 20-е годы под руководством и при личном участии В. И. Ленина. Именно в эти годы была создана стройная система законодательных актов для регулирования общественных отношений, сложившихся после победы социалистической революции и перехода к социализму, первая в истории система социалистического законодательства.

Большая работа по общему упорядочению законодательства была проведена в Украинской ССР. Несмотря на ее незавершенность, опыт Украины был самым удачным и близким к достижению целей общей кодификации.

Несомненный интерес в этой связи представляет деятельность Главного Кооперативного Комитета при СНК УССР (1922—1931 гг.) по упорядочению законодательства о кооперации УССР и его кодификации, до сих пор не получившая надлежащего освещения в литературе.

Применительно к законодательству о кооперации задача кодификации была особенно сложной. Если, например, законодательство о сельскохозяйственной производственной кооперации периода иностранной военной интервенции и гражданской войны было, несмотря на деформацию его в условиях военного коммунизма, весомым вкладом в теорию и практику правового регулирования этой области кооперативного строительства, то

нормы правового регулирования деятельности потребительской и промысловой кооперации почти вовсе отсутствовали. Нормы советского кооперативного права, подлежащие кодификации, нужно было выработать заново в процессе создания кодекса.

Инициатором создания Кодекса законов о кооперации УССР был Главкооперком. Его практическая деятельность по руководству всеми сторонами жизни кооперации УССР выдвинула перед ним в качестве одной из особенно важных и необходимых мер регулирования ее деятельности — кодификацию кооперативного законодательства.

Причины, которые привели Главкооперком к выводу о необходимости создания кодекса законов о кооперации, были во многом аналогичны причинам, вызвавшим кодификацию других отраслей права. Это прежде всего необходимость укрепления социалистической законности в деятельности кооперации. К 1922—1923 гг. законодательство о кооперации насчитывало уже значительное количество законодательных и других нормативных актов, изданных в разные периоды и несогласованных между собой. Кроме того, что особенно важно, нормативные акты, изданные до X съезда РКП(б), не отвечали требованиям новой экономической политики. Достаточно сказать, что в период военного коммунизма кооперативные организации были полностью огосударствлены и превращены в предприятия соответствующих экономических наркоматов: Наркомпрода, Наркомзема, УСНХ и т. д. Законодательство об этих предприятиях периода 1919—1920 гг. давно утратило значение, но формально отменено не было. Такое положение не только затрудняло, но и мешало кооперативному строительству в условиях новой экономической политики. Многие законы о кооперации 1921 г. содержали ряд норм, расходящихся с последующим кооперативным законодательством, а иногда и прямо противоречивших ему. Кооперативное законодательство 1922—1923 гг. также нуждалось в систематизации и согласовании отдельных законов с основными декретами о кооперации.

В то же время Главкооперком ставил вопрос шире. Речь шла о необходимости глубокой переработки кооперативного законодательства УССР, направленной на полный пересмотр по существу всего законодательства о кооперации, чтобы обеспечить полное его соответствие требованиям новой экономической политики и потребностям советской кооперативной системы на новом этапе. Кодекс законов о кооперации, о необходимости которого говорил Главкооперком, должен был содержать полное изложение правовых норм о кооперации, проникнутое внутренним единством, исходящее из общих принципов советского кооперативного строительства, непротиворечивых, доступных для пользования ими и не вызывающих сомнений в их законной силе [см.: 11, л. 1—5, 12, 25, 27].

Толчком к постановке вопроса о кодификации кооперативно-

го законодательства послужило представленное Совнаркому УССР в мае 1923 г. предложение Главкооперкома о необходимости упорядочения законодательства УССР о кооперации и приведения его в стройную систему законодательных норм [см.: 12, л. 9]. Отсюда вытекала одобренная Совнаркомом УССР в ноябре того же года идея разработки кодекса законов о кооперации Украинской ССР [см.: 9, л. 140]. Для этого при Главкооперкоме была создана кодификационная комиссия. В ее состав вошли представители от Главкооперкома, Наркомюста, Украинского бюро ВЦСПС, Наркомфина, Главкомхоза и всех кооперативных центров: Сельского Господаря, Вукоопспилки, Украинкустарьспилки, Оргбюро жилкооперации при Вукоопспилке. По отдельным вопросам, затрагивавшим как специальные виды кооперации (жилищную, мелиоративную, трудовые артели и т. д.), так и интересы других ведомств могли приглашаться представители соответствующих ведомств и организаций с правом совещательного голоса. В декабре 1924 г. комиссия завершила работу над проектом кодекса. Он состоял из 10 глав, содержащих 181 статью [см.: 10, л. 4—8, 34]. В конце января 1925 г. проект был одобрен пленумом Главкооперкома, а вскоре и кооперативным совещанием ЦК КП(б)У. В августе 1925 г. проект с небольшими изменениями был одобрен также и Комиссией законодательных предположений при СНК УССР [см.: 7, л. 50]. В декабре 1925 г. СНК УССР поручил Главкооперкому разработать также проект общесоюзных «Основ кооперативного законодательства», с целью предложить его ЦИКу и СНК Союза ССР в порядке законодательной инициативы [см.: 13, л. 332]. Главкооперком выполнил и это поручение. Разработанный им проект к концу 1927 г. был одобрен СНК УССР и Президиумом ВУЦИКа и представлен Совнаркому и ЦИКу Союза ССР [см.: 9]. Но дальнейшая работа над этими законодательными актами была приостановлена, уступив место разработке правовых проблем колхозного строительства. Проекты, подготовленные Главкооперкомом, не стали законом, однако такой исход работы не снижает ее значения как первого опыта по упорядочению кооперативного законодательства УССР и его кодификации.

Известно, что В. И. Ленин неоднократно отмечал, как некую закономерность, что мелкобуржуазная кооперация «... в политике выделяла меньшевиков и эсеров» [1, с. 64]. В речи на X съезде партии он, шутя назвал это «химическим законом» [1, с. 64].

На Украине же кроме того, имели место и проявления буржуазно-националистических тенденций. В работе кодификационной комиссии Главкооперкома наличие этих тенденций, в частности, проявилось в попытках некоторых членов комиссии навязать ей порочную идею несвязанности, независимости кооперативного законодательства УССР от общесоюзного законодательства под тем предлогом, что Конституция СССР не относит к ведению Союза ССР установление общих начал или основ ко-

оперативного права. Кодификационная комиссия решительно отвергла эту вылазку как политически неприемлемую, противоречащую стремлению рабоче-крестьянской Украины к единству с братскими республиками во всех областях государственной деятельности и к тому еще и юридически необоснованную, ибо кооперативное право является частью гражданского права, установление основ которого Конституция СССР отнесла к компетенции Союза ССР.

Сложную проблему пришлось решать кодификационной комиссии при рассмотрении вопроса о праве членства в кооперации. Необходимо было решить, представлять ли право вступления в члены кооператива всем гражданам, не подвергавшимся поражению прав по суду, как это имело место в законодательстве некоторых других республик, или предоставить это право только лицам, пользующимся избирательным правом в Советы. Лишая в своем проекте права вступать в число членов кооперативов лиц, лишенных избирательных прав в Советы [см.: 5], кодификационная комиссия тем самым создавала серьезные препятствия к использованию кооперативов нетрудовыми элементами в своих интересах. Комиссия также решительно отвергла предложение представителя Сельского Господаря допустить в кооперацию всех граждан, не занимающихся торговлей и не эксплуатирующих наемный труд, считая этот критерий не исчерпывающим и таким образом открывающим путь в кооперацию нетрудовым элементам. В связи с этим представляют интерес критерии понятия «трудоустроенные», имеющих право входить в кооператив, разработанные кодкомиссией. Сюда были отнесены рабочие и служащие государственных, общественных и частных учреждений, предприятий и хозяйств, военнотрудовые Красной Армии и Флота, инвалиды труда и войны, лица, занимающиеся сельским хозяйством без применения наемного труда и другие, если они не занимались торговлей и не эксплуатировали наемного труда с целью извлечения прибыли. Правильность решения комиссии по вопросу о членстве вскоре была подтверждена общесоюзным законодательством [см.: 4, с. 412—416; 6].

Кодификационная комиссия решительно отвергла также предложенную ей редакцию ст. 1 Кодекса, в которой цель кооперирования ограничивалась «развитием производительных сил» и «осуществлением социалистических начал общежития». Некоторые представители кооперативных центров (Вукоопспилки, Украинкустарьспилки), стоя на позиции «автономии кооперации», отражавшей буржуазно-реставраторскую концепцию нэпа, упорно возражали против предложения включить в число задач кооперации выполнение ею государственных заданий и борьбу с частным капиталом. При этом они заявляли, что кооперация является «частно-правовой» [см.: 11, л. 1, 5, 12, 25, 27] организацией, вопреки прочно утвердившемуся уже тогда в советском праве ленинскому положению, что «для нас все в области хо-

зяйства есть *публично-правовое*, а не частное» [2, с. 398]. Кодификационная комиссия отвергла ссылки на частный характер кооперации и включила в перечень ее задач выполнение государственных заданий и борьбу с частным капиталом, определив тем самым кооперацию, как планово-регулируемый сектор социалистического народного хозяйства.

Кодификационная комиссия Главкооперкома последовательно отклоняла также и другие предложения и возражения «старых кооператоров», вытекавшие из концепции «автономии кооперации» и ее «частно-правового» статуса. Так были решительно отклонены попытки узаконить необязательность вхождения низовых кооперативов в губернский кооперативный союз и через него в республиканское и общесоюзное объединение [см.: 11, л. 25, 27].

Анализ деятельности кодификационной комиссии Главкооперкома над проектами Кодекса законов о кооперации УССР и Основ кооперативного законодательства Союза ССР позволяет сделать вывод о важности этой работы как первого опыта создания единого социалистического закона о кооперации. Наряду с этим необходимо отметить, что кодификационная работа Главкооперкома наносила удар по попытке «старых кооператоров» сохранить в советском кооперативном праве под флагом соблюдения «чистоты кооперативных принципов» лазейку для частно-капиталистической деятельности, сдвинуть советскую кооперацию с пути социалистического развития.

Деятельность Главкооперкома по созданию Кодекса законов о кооперации ценна не только как попытка изложить в одном законодательном акте основы правового регулирования деятельности всех видов кооперации, но и как опыт успешно решенной задачи социалистической переделки сложившихся в буржуазной кооперации организационно-правовых норм кооперативного строительства. Он, на наш взгляд, представляет интерес еще и потому, что аналогичные работы ведутся в братских странах социалистического содружества.

Список литературы

1. Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта.— Полн. собр. соч. Т. 43, с. 57—73.
2. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому 20 февраля.— Полн. собр. соч. Т. 44, с. 396—400.
3. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, 256 с.
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1917—1967. М., Политиздат, 1967.
5. СУ УССР, 1923, № 26, ст. 395.
6. СЗ СССР, 1924, № 5, ст. 61.
7. ЦГАОР УССР, ф. 1, т. 2, д. 3838.
8. ЦГАОР УССР, ф. 8, оп. 4, д. 5463.
9. ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 1.
10. ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 2.
11. ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 4.
12. ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 5.
13. ЦГАОР УССР, ф. 271, оп. 1, д. 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Цвик М. В., Ткаченко В. Д. Основы конституционного регулирования социалистической законности в советском правотворчестве	3
Грошевой Ю. М. Демократические принципы советского правосудия в Конституции Союза ССР	11
Гайворонский В. Н. К вопросу о предмете хозяйственного законодательства	20
Азимов Ч. Н. Предмет договорных обязательств в области научно-технического прогресса	25
Шелестов В. С. О юридической природе договора контрактации сельскохозяйственной продукции	32
Кудрявцев О. Н. Правовое регулирование брака в СССР	40
Носко Л. Я. Правовое положение грузополучателя в договоре перевозки грузов железнодорожным транспортом	48
Логинов П. В. Проблемы совершенствования деятельности государственного арбитража	52
Чуйков Ю. Н. Предпосылки права на кассационную жалобу и условия его осуществления	58
Тютюгин В. И. Назначение разнородных основных наказаний по совокупности преступлений	66
Тацкий В. Я. Понятие частнопредпринимательской деятельности	73
Зелинский А. Ф. Психологическая классификация рецидивистов	81
Зеленецкий В. С. Привлечение к уголовной ответственности в советском уголовном процессе	89
Колесниченко А. Н., Коновалова В. Е. Актуальные проблемы тактики и методики расследования преступлений	96
Коврижных Б. Н. Некоторые спорные вопросы понятия следственной версии	103
Богословская Л. А. О расширении полномочий кассационной инстанции по уголовным делам	109
Долженко А. Н., Разумный В. Г. Роль Наркомюста УССР в организации борьбы с преступностью в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.)	116
Дрейслер И. С. Из истории участия в контроле женских делегатских собраний	124
Пирогова С. И. Из истории кодификации социалистического кооперативного законодательства в УССР (1923—1925 гг.)	132

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Выпуск 3

Республиканский межведомственный научный сборник

Редактор *А. Х. Балабуха*

Обложка художника *В. А. Овчинникова*

Художественный редактор *А. С. Романова*

Технический редактор *Г. П. Александрова*

Корректор *Л. П. Пипенко*

Информ. бланк № 2892

Сдано в набор 31.10.77. Подписано в печать 6.02.78. БЦ 09049. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага
типог. № 3. 8,5 усл. печ. л. 9,9 уч.-изд. л. Тираж 1000. Изд. № 530. Зак. 7-3382.

Цена 1 р. 40 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объедине-
ния «Вища школа» 310003. Харьков-3, ул. Университетская, 16.

Отпечатано с матриц полиграфкомбината изд-ва «Соц. Харківщина» в типо-
графии № 16 Областного управления по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Харьков-3, Университетская, 16. Зак. 466.